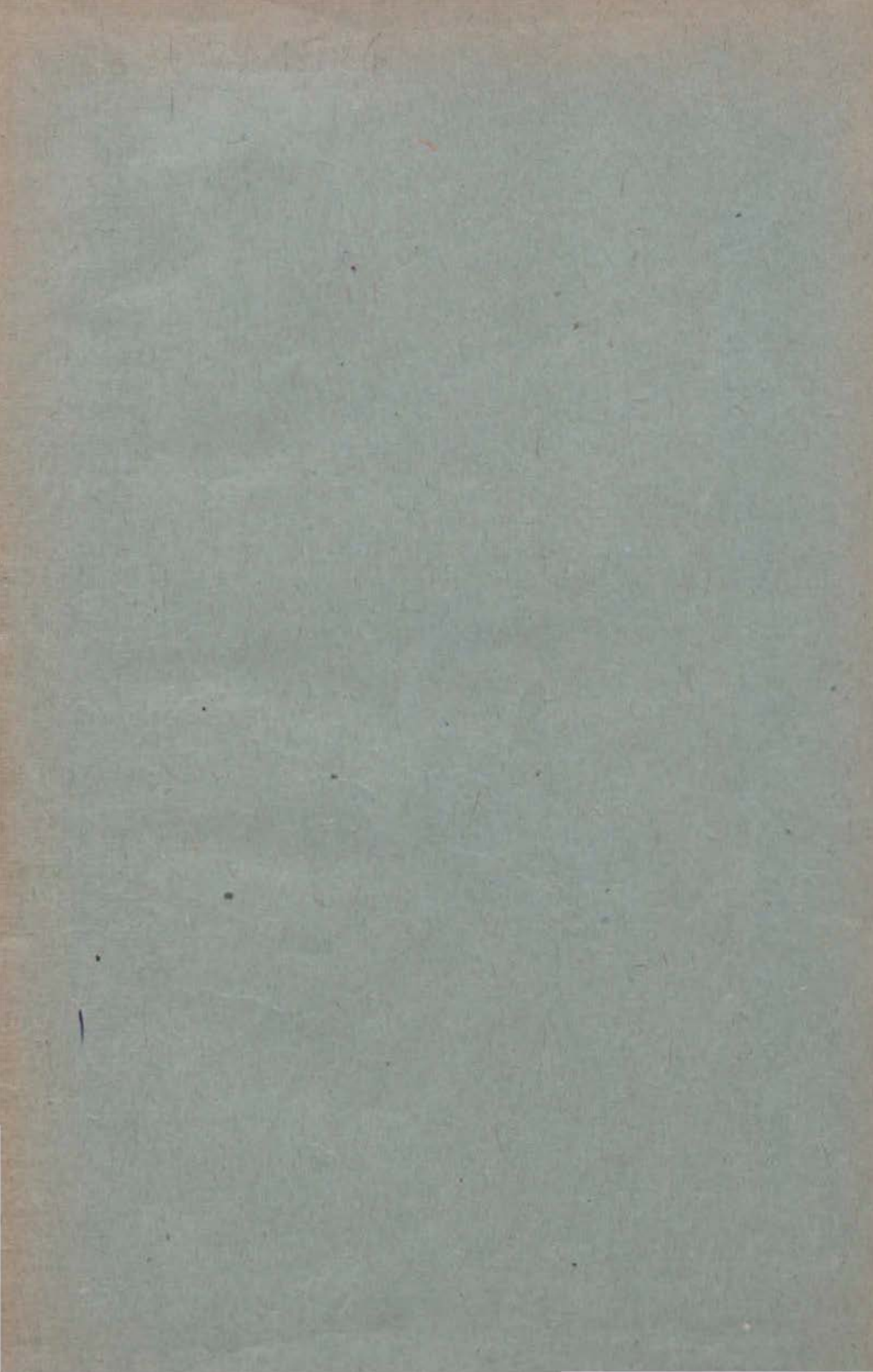

Задняя

РЕВОЛЮЦИЯ
И МЛАДЕНЦЫ

W 378
445

У 2740 N 440
А.Б. ЗАЛКИНА

РЕВОЛЮЦИОННАЯ и МОЛОДЕЖЬ

СОДЕРЖАНИЕ:

**НЕРВНЫЕ БОЛЕЗНИ
СРЕДИ УЧАЩЕЙСЯ МО-
ЛОДЕЖИ С. С. С. Р.**

**О ПСИХОНЕВРОЗАХ КОМ-
МУНИСТ. СТУДЕНЧЕСТВА**

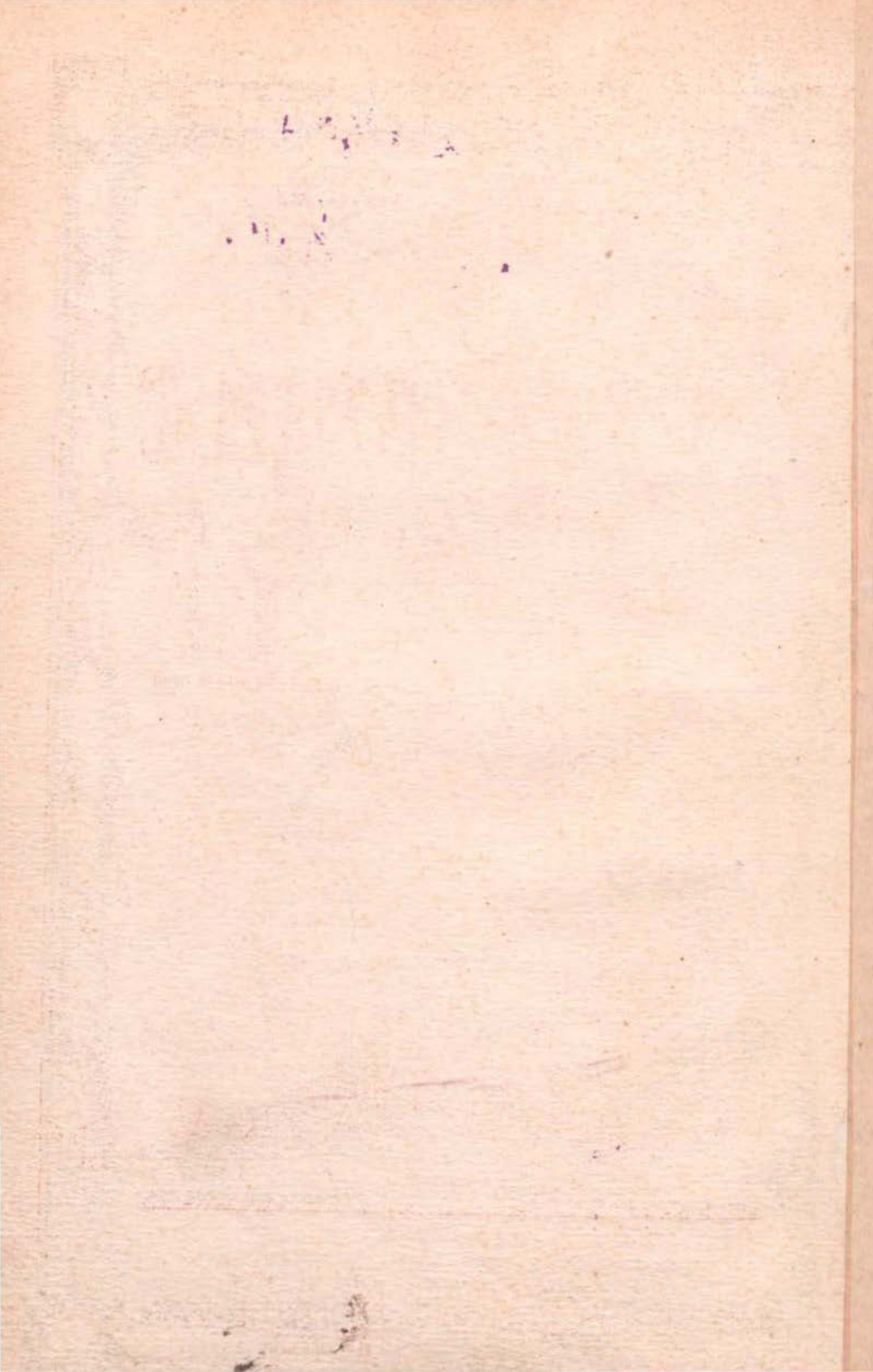
ЭТИКА, БЫТ МОЛОДЕЖИ

**РЕВОЛЮЦИОН. НОР-
МЫ ПОЛОВОГО ПОВЕДЕ-
НИЯ — И МОЛОДЕЖЬ.**

**О ГИГИЕНЕ УМСТВЕН-
НОГО ТРУДА ПРО-
ЛЕТ. СТУДЕНЧЕСТВА**

ИЗДАНИЕ

**КОММУН. УЧ. ТА ИИ. Я. СВЕРДЛОВА
МОСКВА 1924 г.**

318
440
W

378
440
W

А. Б. ЗАЛКИНД

оп-79
8737

РЕВОЛЮЦИЯ и МОЛОДЕЖЬ

СБОРНИК СТАТЕЙ

С предисловием М. Н. ЛЯДОВА

ИЗДАНИЕ КОММУНИСТИЧ. УН-ТА
им. СВЕРДЛОВА. МОСКВА — 1925

г. Тверь. Гостипография им. Карла Маркса. 1924 г.

Гублит № 2419.

Тираж 10.000 экзempl.

2010515188

Предисловие.

Комуниверситет имени Я. М. Свердлова весьма охотно издает сборник статей т-ща Залкинда под заглавием «Революция и Молодежь». Все затронутые в этих статьях темы более чем современны. Они волнуют нашу учащуюся рабоче-крестьянскую и, в частности, партийную молодежь; она ищет на них ответ и наша задача помочь ей этот ответ найти. Многое из затронутого т-щем Залкиндом покажется кой-кому спорным, со многим кой-кто не согласится. Можно рассчитывать, что выпускаемая книжка вызовет по многим вопросам живую полемику. Это будет только желательно, и особенно желательно, чтобы в этой полемике громче всего раздался голос самой молодежи. Ведь в конечном итоге именно ей придется организовать новый быт, создавать и проводить в жизнь новую этику, перестраивать на-ново все дело учебы. Отпихнуться от выдвинутых т-щем Залкиндом вопросов нельзя, на них необходимо ответить. Ответ может быть дан только коллективный, поэтому необходимо, чтобы каждый кружок молодежи серьезно продумал и продискуссировал основные положения т. Залкинда.

Ректор Ком. У-та им. Я. М. Свердлова **М. Лядов.**

Предисловие

Вопрос о развитии науки и техники в нашей стране является одним из самых важных и актуальных. В настоящее время мы находимся на пороге новой эры, когда наука и техника становятся основными факторами прогресса. Поэтому так важно, чтобы наши ученые и инженеры имели все необходимые условия для работы. В этой книге мы хотим рассказать о том, как можно улучшить условия работы ученых и инженеров, чтобы они могли более эффективно заниматься своей работой. Мы хотим показать, какие меры необходимо принять, чтобы создать благоприятную среду для творчества и изобретательства. Мы хотим, чтобы каждый из наших читателей мог найти в этой книге что-то полезное для себя. Мы хотим, чтобы эта книга стала для вас источником знаний и вдохновения. Мы хотим, чтобы вы могли использовать эти знания на практике, чтобы сделать нашу страну сильнее и богаче. Мы хотим, чтобы вы могли внести свой вклад в развитие науки и техники. Мы хотим, чтобы вы могли стать частью великого дела, которое мы делаем вместе. Мы хотим, чтобы вы могли почувствовать гордость за свою страну и за то, что вы делаете для нее. Мы хотим, чтобы вы могли почувствовать ответственность за будущее нашей страны. Мы хотим, чтобы вы могли почувствовать радость от того, что вы делаете для науки и техники. Мы хотим, чтобы вы могли почувствовать гордость за то, что вы делаете для нашей страны. Мы хотим, чтобы вы могли почувствовать ответственность за будущее нашей страны. Мы хотим, чтобы вы могли почувствовать радость от того, что вы делаете для науки и техники.

2010516105

От автора.

Цель брошюры—помочь психоневрологической организации пролетарской учащейся молодежи. Материалом для нее послужили—как психоневрологическая практика автора, так и ряд докладов его в Свердловском Университете, в Коммунистическом Университете Трудящихся Запада, в Академии Коммунистического воспитания, 1-м и 2-м М. Г. У. и т. д. Практические вопросы большей частью прорабатывались в особых комиссиях, состоявших из преподавателей и студентов этих ВУЗ'ов.

Практические задания брошюры и ограниченные ее размеры препятствовали как слишком специальному углублению в научные детали, так и широким социологическим экскурсиям. Учитывалось лишь то, что социологически не возбуждало сомнений, и что прочно подтверждалось научно-неврологической практикой.

Ряд вопросов и по содержанию и по методу поставлены этой брошюрой впервые. Будущее, автор надеется, позволит ему развернуть их шире. Должны появиться и другие работы в подобном же направлении,—современность их настойчиво требует. Советская психоневрология обязана серьезно заняться нашей красной молодежью.

В пяти очерках проделана попытка первичной, сжатой систематизации материала, накопившегося за последние годы в наблюдениях над красной молодежью. Советская общественность совершенно своеобразна,—она создает совершенно новые условия для нервно-психической жизни. В условиях академической работы это социальное своеобразие сказывается еще острее, еще глубже. Ограничивать старыми, узкими неврологическими толкованиями то, что происходит сейчас в организме нашей молодежи,—подходить к ее нервно-психическим процессам исключительно с докторским

молоточком и микроскопом, без всестороннего учета совершенно нового содержания социальной среды, ее окружающей, без анализа внутреннего содержания ее совершенно специфических, неизвестных пока неврологии, переживаний,—было бы праздным занятием.

Новая социальная среда, новые переживания красной молодежи являются дезорганизующим моментом лишь в меньшей, ничтожной части своего содержания,—в основном же, в них все более нарастающий источник здоровья, организации, творчества, которым и следует научиться пользоваться. Психоневрологическая самоорганизация и психоневрологическое самооздоровление, при великолепных условиях развивающейся советской общественности, в большей степени в руках самой молодежи, чем в руках врачей: надо побудить молодежь и врачей внимательно, чутко подходить к этим новым, буквально неиссякаемым, источникам здоровья и творчества, которые накаплиются в недрах нашей молодой общественности.

Не даром этот „целебный климат“ наших советских социальных условий серьезно учтен и вторым Всесоюзным Психоневрологическим Съездом (1924 год), съездом ученых специалистов—психоневрологов,—заявившим в своей резолюции, по докладам пишущего эти строки, что развивающаяся Советская Общественность создает наилучшие условия для предупреждения и лечения нервно-психических заболеваний.

Нервные болезни среди учащейся молодежи СССР.

Обычно особо крупным количеством нервных болезней среди молодежи отличались реакционные исторические эпохи, военные и после-военные периоды, времена глубоких голодовок и, вообще, годы массовых биологических бедствий, массовых эмоциональных потрясений, массового социального подавления.

В мирные исторические этапы «привилегия» получения нервных болезней падала, главным образом, на обеспеченные слои населения, которые, благодаря избытку питания и, вообще, избытку неиспользованного внутреннего возбуждения, приобретали особую чувствительность к мельчайшим внешним переменам, т.-е. обостренную нервозность («с жиру бесятся»,—как говорят о них в трудовых низах;—«нам-то не до нервов, с голоду не подохнуть бы»,—говорят там же).

Однако, наше время, время огромной, непрерывной, все более нарастающей, всеобщей социальной ломки, произвело глубокий переворот и в статистике и во внутреннем содержании нервных болезней человечества. Раззоряющаяся средняя буржуазия и интеллигенция, пролетаризирующееся городское мещанство и среднее крестьянство, голодающий и все более революционизирующийся пролетариат,—неустойчивая в своем спокойствии даже и крупная буржуазия,—все это является обстановкой, порождающей все более нервную атмосферу в общественной жизни. Непрочность условий питания и общего положения, необходимость часто менять свою среду и привычки, постоянная озабоченность, неудовлетворенность,—все это является непрерывно растущим источником, старательно накапливающим материал для новых и все более грубых ударов по нервной системе человечества.

Однако, «каждый с ума сходит по своему». Каждый класс, каждая страна имеет ряд своеобразных условий, характерных

именно для данного класса, для данной страны, и потому окрашивают свои нервные болезни в специфические тона. В странах крупной индустрии больше нервной взвинченности и напряженности, чем в мелко-буржуазных странах; в вырождающихся, пресыщенных социальных слоях преобладают явления психического разложения и паразитизма,—в пролетарских слоях явления нервного истощения и озлобления. Все эти специальные моменты приходится серьезно учитывать, когда мы пытаемся конкретно подойти к анализу нервных болезней определенной страны, определенного класса, в определенную историческую эпоху.

Чем обусловлено такое большое количество нервных болезней сейчас среди молодежи СССР? Я говорю, конечно, о молодежи «из трудовых низов», так как прочая, контр-революционная молодежь, либо удравшая за границу, либо злобно, скрытно и у нас шипящая сейчас, интересует нас чрезвычайно мало,—да и причины ее нервозности вполне ясны. Столько безвозвратно потерять, сколько она потеряла благодаря революции,—такое потрясение, такой «убыток», конечно, не дешево обходится нервной системе.

Припомним, вообще, причины, влекущие обычно к нервным болезням. Здесь и наследственность, и переутомление, и перенесенные острые и хронические болезни, и излишества (пьянство, наркотики, разврат), и тяжелые душевные потрясения. Попытаемся разобраться в этом сложном клубке корней, питающих нервные болезни нашей молодежи.

Понятно, наследственность за годы революции не сделалась хуже у современной молодежи, успевшей родиться, конечно, задолго до нашей огромной социальной встряски. Следовательно, основная причина непомерного увеличения числа нервных болезней лежит сейчас не во врожденных свойствах нашей молодежи, а во вредных влияниях, накопленных ею в революционные годы по преимуществу. Здесь, конечно, было достаточно и голодовок, и болезней, и утомления, и волнений для того, чтобы даже «волосьи» нервы не выдержали. Но одним этим все же не исчерпывается источник вредных влияний, накинувшихся на нашу молодежь, так как иначе достаточно бы дать ей подпитаться, отдохнуть, окрепнуть,—и от нервности ничего не осталось бы. К сожалению, вопрос о нервности приходится ставить и острее и глубже.

За время с 1919 г. автору пришлось медицински столкнуться почти с 1.200 человек молодежи из различных социальных слоев (мещанство, пролетариат, крестьянство) и из разнообразных областей учебной жизни: фабзавуч, трудшкола, рабфак, ВУЗ, КОМВУЗ. Цифры довольно внушительные,—в особенности, если учесть, что материал автора прочно подкрепляется также достаточно убедительными массовыми сведениями, имеющимися в амбулаториях нескольких учебных заведений, врачи которых снабдили нас дополнительными данными.

Материалы всех этих наблюдений показывают, что количество нервных болезней сейчас увеличилось в несколько раз в сравнении с до-революционным временем, и что наиболее демократические части молодежи поставляют невропатов неизмеримо чаще, чем в прежнее время. Дело не только в том, что сейчас трудовой молодежи учиться в двадцать раз больше, чем до революции, но и в том (и это главное), что именно из ее среды заболевает значительно больший процент, чем из ее же среды заболевало раньше. Как ни плохо было трудовым низам до революции, но все же они пользовались довольно своеобразной привилегией,—давали гораздо больше нервно здоровых, чем эксплуататорские промежуточные слои *).

Д Е Т И.

Наша молодежь часто заболевает еще на школьных скамьях или в семье (если не учится)—задолго до ВУЗ'а. Нервная система вообще становится особенно хрупкой в так называемый переходный половой период (13—18 лет), когда временно создается повышенная общая возбудимость, увеличивается утомляемость, понижается вся биологическая устойчивость в целом **). У подростка в это время появляется взвинченная фантазия, большая ранимость по отношению к нравственным потрясениям, временно уменьшается умственная гибкость. Вполне естественно, если, настигнутые революционной «непогодой» именно в этот период, наши подростки реагировали на нее особенно бурно и пострадали в результате этого особенно сильно.

К обычным причинам этой переходной нервности в революционные годы прибавились еще голодовки (особенно дорого

*) Об этом см. в V очерке.

**) На причинах этого я подробно останавливаюсь в печатающейся книге „Половой вопрос и советская общественность“ (Ленинградск. Госиздат).

стоившие именно подраставшему организму), глубокие встряски чувствований (опасность, неизвестность, семейные несчастья и проч.),—коренная и к тому еще быстрая идейная ломка, грубо нарушавшая устойчивость настроений.

Подростки различных слоев получают и переносят эту нервность по разному.

Ученики средней школы из среды более или менее обеспеченного когда-то мещанства или средней буржуазии (также и интеллигенции) пострадали сильнее прочих. Революция встряхнула их особенно грубо. Семьи их меньше всего выиграли от революции, а чаще всего проиграли. Экономическая прочность семьи резко пошатнулась, а то и рухнула совсем. Нравственная устойчивость семьи разошлась по швам, так как все старые экономические и идейные корни ее были глубоко подорваны. Семья оторвалась от прошлого и на время как бы потеряла будущее. Конечно, все это не могло не отразиться на чутком подростке, цепко впитывающем в себя все, творящееся вблизи. Даже если учесть, что дети этого социального слоя питались лучше пролетарской детворы (за счет припрятанных в семье остатков прошлых запасов),— все же эти социальные, нравственные, семейные удары были настолько для них сокрушающими, что нервная их система должна была серьезно пострадать. При этом надо также учесть, что дети среднего слоя являются и по природе своей в значительной степени более нервно чувствительными, так как интеллигентские и средне-мещанские семьи всегда доставляли изрядное количество невропатов (причина, конечно, в более сложном экономическом положении этого социального слоя, требовавшем особо ухищренных приемов индивидуального житейского приспособления). Следует при этом еще отметить большое влияние нервного заражения, невольно передававшегося напуганными, растерявшимися, оторвавшимися от привычного бытия родителями—своим детям. Можно представить себе, какими явились эти подростки в ВУЗ (конечно, если им удавалось попасть в ВУЗ: до 1921—1922 г.г. это было для них сравнительно нетрудно).

Меньше всего пострадала в свой переходный возраст крестьянская детвора. За исключением детей кулачья,—масса крестьянских ребят особенно резких отрицательных сторон революционных потрясений не испытала. Отдельные

бунты или белогвардейские налеты были сравнительно кратковременны, и, в общем, положение массового крестьянина, несомненно, сейчас не ухудшилось, а кое в чем и укрепилось в сравнении с до-революционным временем, что не могло не отразиться и на нервной устойчивости его ребятешек: они в нервном отношении потеряли меньше детей других социальных слоев.

С пролетарской детворой обстоит, если можно так выразиться,—«и хуже и лучше». Родительских запасов (как у мещанства) и своего хлебushка (как у крестьянства) у нее не было. Страшная голодовка эпохи военного коммунизма коснулась пролетарских ребят самыми острыми своими когтями. Революционных волнений испытали и они в вполне достаточном количестве: рабочий район ведь был главным источником, дававшим основной боевой кадр как местным боям с белогвардейщиной, так и далекому фронту. Пролетарские отцы в почти постоянной смертельной опасности, или голодные—на холодной фабрике,—матери в непрерывной тревоге за мужей и за голодающих детей,—все это, конечно, не теплая ванна и не бром для нервной системы голодного и иззябшего подростка. Однако, в этом испытании была и светлая, даже яркая сторона. Революционный класс—победитель зажигает классовый пафос и в своей ребятне: гордость, смелость, стремление к риску, героическому классовому подвигу—в подражание старшим,—все это—бодрое и крепящее чувство, помогающее душевно расти, дающее прочную почву для здорового мирозерцания, для горячих и радостных действенных планов. Если бы это переживалось в состоянии сытости, было бы совсем хорошо. К сожалению, как-раз этой сытости и не было.

Итак, часть нашей взрослой молодежи, притом достаточно крупная часть, растеряла значительную долю своего нервного здоровья еще задолго до ВУЗ'а. В ВУЗ'е (или в совпартшколе) она попадает в полосу новых бедствий, да и не только она, но и та часть, которая ухитрилась проскользнуть в школу нервно непотрепанной.

СТУДЕНЧЕСТВО.

Наше социальное деление приходится в отношении к этой взрослой молодежи углубить и заострить в значительно большей степени, чем мы это делали в применении к подросткам.

Здесь, в нервных проявлениях уже взрослых людей мы видим гораздо более явные, даже резкие, классовые отличия.

В своеобразном нервном состоянии находится мещански-интеллигентская часть ВУЗ'овского студенчества (в КОМ-ВУЗ'ах, совпартшколах, фабзавуче этого, конечно, нет*). Недавно гордые и почти единственные хозяева университетов и институтов, они очутились сейчас на третьем плане. Твердой почвы под ногами, ясных горизонтов нет у них ни в недавнем прошлом, ни в настоящем. Все старые устои разбиты, а новые еще не построены. Пришли они из внутренне расшатавшейся семьи, потерявшей под собою прочную экономическую и идеологическую базу. К старой классовой—родительской или интеллигентски-либеральной вере уцепиться не за что, а настоящее, тем более будущее, чуждо пока, непонятно. Крах старых научных и общественных авторитетов, развитие новых социальных, политических форм,—все это вселяет недоверие, пугает. Ни в малейшей степени не ясна им и дальнейшая, после ВУЗ'а, «служебная» перспектива: то ли они будут подневольными чиновниками у «рабоче-крестьянской черни», то ли будут за совесть творить новую социальную жизнь.—Новую, но какую? Сложный классовый переплет советских взаимоотношений, необходимость быть зачастую под началом у «бездипломного простяги»—рабочего и крестьянина—все это пугает, обижает, подавляет творческий порыв. Грубо выявить хищнические, коммерческие, индивидуалистические вождельники никак нельзя,—того и гляди вычистят, как чуждый элемент. Прятать же их непрерывно—непомерно тяжелая задача.

Да и самая учеба не удовлетворяет: нет уже тех высоко авторитетных, немного страшноватых олимпийцев, которые вещали истины вельи с высоты неприступных, недостижимых кафедр,—профессорские кафедры как-то снизились, «посерели», демократизировались. Да и язык профессорский стал какой-то простой, совсем не ударный, не гипнотизирующий, как прежде. «Нет, уж богатыри не те»,—не нравятся, не импонируют демократизированные профессора студенческому мещанству. Только и отдыхают на лекции какого-либо выжившего зубра, напоминающего доброе старое, «авторитетное» ВУЗ'овское время.

*) Я говорю о непартийной части этого социального студенческого слоя.

Да и аудитория вокруг такая серая, неуклюжая, рваная. Разве это «коллеги»? Окраинный, пригородный, деревенский грубый говор, топорные фразы, медленная, осторожная мысль,—«разве так должна делаться настоящая наука?»

Растерянно, недоверчиво, а то и скептически-злобно вглядывается, вщупывается студенческое мещанство в бурные массовые современные ВУЗ'овские собрания, полные огня, шума, задора.—«Ерунда, подделка все это или же по-просту грубая, дешевая стадность—не по нам». «Навязанное» советской властью «марксистское богословие» усваивают с отвращением, стараясь немедленно по миновании надобности выплюнуть все без остатка обратно. Эти внутренние ВУЗ'овские эмигранты тем хуже себя чувствуют, что и вне стен ВУЗ'а они не находят себе никакой поддержки, ни материальной, ни идейной (не в пример закордонной эмиграции, которая все же то оттуда, то отсюда «попользуется»).—«Одна лишь надежда—вот нэпман и кулак взорвут Совроссию», а пока терпеть надо. «Тюрьма на свободе», сумрак, злоба, тоска, недоумение, страх, обида.

Несмотря на все чистки, несомненно, в ВУЗ-ах и по сей час тщательно замаскированным скрывается достаточное количество этого не переплавленного революцией интеллигентски-буржуазного мещанства. Если учесть при этом, что значительная его часть, экспроприированная революцией, является олицетворением «дворянина в рваных брюках», т.е. не имеет средств, голодает, живет в гнилых комнатухах,—ясно, что с нервной системой их обстоит далеко не благополучно. Смена тоски возбуждением и злобой, длительные падения работоспособности, расстройство сна, явления раздражительной слабости—такова клиническая картина их невроза. У сытых из этой среды обстоит немногим лучше, так как глубокая внутренняя отчужденность от всей ВУЗ'овской обстановки, непрерывная озлобляющая напряженность, беспросветность являются огромной силы истощающим фактором, глубоко дезорганизуя нервную систему.

Для худшей, неисправимой части этого студенческого кадра—один «лечебный» выход: надо выудить их нашими «чистительными» крючками и изъять из вредной для них ВУЗ'овской обстановки. И им, и ВУЗ'у, и Республике будет лучше от этого хирургического метода лечения нервной болезни.

Однако, надо отдать должное лучшей, наиболее и в прошлом необеспеченной, демократической его части, все более

сейчас растущей части мещански-интеллигентского студенческого кадра. Под влиянием углубляющейся пролетаризации ВУЗ-ов, под влиянием быстро идущего творческого роста пролетарского студенчества, на фоне постепенно левеющей и отчасти освеженной новым составом профессуры, при все более широко раскрывающихся перед СССР творческих, победных горизонтах,—эта часть мещанского студенчества претерпевает глубочайшие и вполне искренние идеологические сдвиги. Злоба, растерянность заменяются недоумением, недоумение переходит в анализ, анализ постепенно формирует сочувствие, симпатию к творящемуся. Пролетарски-трудоу ВУЗ-овский молодежь оказывается для них не грубой рванью, а общечеловеческим авангардом, неуклюжим лишь потому, что находится сейчас в самом начальном этапе своего властного исторического выступления.

Революция из «бунта и грязи» превращается для них в творческую живительную бурю. Марксизм, ленинизм, вместо «богословия», оказывается единственным объективно-научным компасом, открывающим прямые и ясные пути для понимания жизни общества и мира в целом.

Эта наиболее хорошая часть вышедшей из мещански-интеллигентских слоев молодежи, как видим, постепенно переплавляется в революционном огне и все более прочно становится нашей. Не надо, однако, думать, будто этот процесс дается ей легко в нервном отношении. Быть глубоко и физически и морально потрясенным революционным шквалом в самые хрупкие переходные годы,—растерять все старые ценности и перспективы, и затем в длительных, сложных, противоречивых, мучительных исканиях, метаниях—приобретать новую деловую установку, новое мировоззрение,—такая работа стоит невероятных затрат в нервно-психической сфере, тем более дорогих, что именно эта студенческая часть мещански-интеллигентских выходцев является обычно материально самой необеспеченной (в сравнении с вышеуказанными «непримиренными» своими социальными сородичами), т.-е. и биологически сильно сейчас страдающей.

Надо при этом также учесть, что самые формы современного Вузовского бытия далеко не привычны для этих мещански-интеллигентских выходцев. Огромный политический размах студенческой жизни, напористый задор крупных молодых кол-

лективов, общественная острота всех научных вопросов, совершеннейшая новизна открывающихся впереди деловых горизонтов,—все это является сложной и невиданной нервной нагрузкой для недавнего привычного индивидуалиста, притом еще обладающего порядочной дозой сверхабстрактного материала в своем мозговом капитале. Если при этом еще отметить, что подобная, совершенно новая, сложная пища преподносится ему и усваивается им в достаточной степени неорганизованно, вразрез со всеми элементарными законами умственного труда *), если учесть также, что и половая жизнь его далеко не налажена **),—источник невроза окажется, как видим, вполне основательным.

Совершенно по-другому формируются причины, и растет содержание невропатий нашего крестьянского учащегося молодняка.

Вот уж, казалось бы, несокрушимая нервная организация: пришел обветренный, загорелый, крепкий, коренастый—с полей, из лесов, не зная перед тем сложных сомнений, ничего не потеряв от революции; ему-то и жить бы в Вузе, в совпартшколе припеваючи. Однако, нервная система изрядно потрепана сейчас и у него. В чем же дело?

Еще во время империалистической войны наши психоневрологи чрезвычайно удивлялись изобилию и сложности нервных явлений у солдат, выходцев из крестьян. Обычно именно крестьянство, как наименее социально, т.-е. и психически, дифференцированное, давало минимальные и простейшие нервные явления. Между тем, война (видимо, риском, ужасами, невзгодами, голодом и пр.) произвела в крестьянских нервах какую-то сложную встряску, вызвавшую к жизни сложнейшие, невиданные прежде у крестьянства клинические психопатические механизмы. Следовательно, возможны такие внешние обстоятельства, которые грубым своим вмешательством способны глубоко перетряхнуть и крестьянскую нервнопсихическую организацию. Таким обстоятельством для нашего, в корне крепкого, крестья-

*) См. дальнейшие очерки.

**) Мой материал основывается, главным образом, на Вузовских столичных наблюдениях. Однако, имею основания думать, что в совпартшколах и других средних школах для взрослых обстоит приблизительно также. Конечно, в провинции лучше, чем в столицах, но это же касается и провинц. ВУЗ'ов.

янского молодняка оказалась современная учебная жизнь во всех ее сложных хитросплетениях.

Крестьянский молодняк не был, в общем, ни напуган, ни придавлен революцией. Наоборот, он получил от нее хороший творческий толчок, встряхнулся, посвежел, загорелся желанием знать, общественно делать. Тяжко отказываться от старой идеологии ему тоже не приходилось, так как и идеологии-то никакой у него и у взрослой деревни не было (доказательство—легкий отказ деревни от царя, и достаточно быстро развивающийся сейчас отрыв ее от всякой религии). Голоденок особых до школы он тоже не испытал. Причины невропатий довольно значительной ее части коренятся в иных областях.

Город набросился на деревенского парня сразу всей своей грузной, шумной и пыльной массой. Вместо деревенской тишины, природы, шири—огромная человеческая толчея, беспорядочно грохочущее движение, а дома, в общежитиях у себя, замкнутая комнатная коробка, полутемная, сыроватая. Это было первым гвоздем, вбитым в мозг нашего крестьянского Вузовца.

Взамен хоть и небогатой, но всегда обеспеченной и вовремя данной пищи,—беспорядочное, недостаточное Вузовское питание,—либо, даже при удовлетворительном его состоянии (отдельные Комвузы), не согласованное во времени с нуждами организма, а по содержанию с требованиями напряженного мозгового труда. Это было вторым острым и толстым гвоздем, вбившимся в его мозг. Ведь крестьянский организм, воспитавшийся в консервативных, стойких условиях деревенской экономики, не обладает той гибкостью и приспособляемостью, которые имеются у городского жителя,—и биологическая недодача, да еще на фоне непривычной городской сутолоки, отражается на нем грубее и глубже, чем на привыкшем ко всему горожанине.

Но самым тяжелым грузом для нервной системы крестьянского студенчества оказалась та умственная работа, которую взвалила на него школа (рабфак, совпартшкола, ВУЗ). Привычка стихийно откликаться на несложные запросы несложной деревенской реальности,—узко конкретные, непосредственные представления, содержащие в себе весь его, небогатый житейски-хозяйственный опыт, совсем не по пути той колоссальной, неорганизованной и, в большей своей части, отвлеченной мыслительной работе, которую взвалила на него школа. Неправиль-

ный методический подход преподавателей к не вполне еще организовавшемуся мозгу, нелепая компановка предметов между собою и нецелесообразное распределение дня, недели, года—все это прибавляет масла в огонь, опаляющий нервную систему.

Крестьянский парень к тому еще значительно больший индивидуалист, чем пролетарский студент. Деревня не сконцентрировала вокруг себя крупных кооперированных в производстве масс, не воспитала в нем навыков массового коллективизма, поэтому в ВУЗ'е он несколько более поверхностно связан с общей студенческой атмосферой, зажигаемой, главным образом, пролетарским молодняком. Он несколько дичится вначале этих крупных, буйных, огневых студенческих масс, замыкается даже отчасти, что, конечно, ничуть не облегчает его и без того тяжелой задачи переработать непомерную и неправильно организованную интеллектуальную нагрузку школы. В коллективе, с коллективом, сообщая, это мозговое пищеварение пошло бы веселее, продуктивнее.

К счастью, он все глубже и настойчивее сближается сейчас со всем коллективом.

Идеологически он не так прочен, не так устойчив, как, хотя бы, его собрат по школе, пролетарский студент. Классовое мышление, диалектика, материализм, организованность действий, беспощадно критический, объективный анализ всего сущего—для пролетарского студента не учеба, а нутро. Инстинктом своим, на примере своего отца, родной фабрики, рабочего района, он давно, сам не зная этого, пускал в ход острие марксистского метода, и ВУЗ'овская «идеологизация»—лишь отшлифовка, углубление, уточнение его инстинктивной классовой установки. Крестьянский выходец, однако, должен пройти серьезную школу идейной самоуштрочки перед тем, как окончательно усвоить мощные принципы научного социализма, и эта работа сложна, трудна, подчас утомляет. Результат ее обычно вполне успешен, и подавляющее большинство крестьянского студенчества идеологически разворачивается все ярче, но не так легко дается ему этот процесс. Вредна при этом и грубая диспропорция между недавним истощающим физическим трудом (у сохи, у телеги, на сенокосе) и тоже сейчас истощающим умственным трудом: организм не способен так быстро полностью менять одну профессиональную установку на другую, глубоко ей противоположную, и этот полный, внезапный отрыв

от физического труда является новым тяжелым грузом для нервной системы.

Отдыхи студенчества, как и работа, организованы тоже неправильно, и в итоге крепкий, коренастый крестьянский парень, широкоплечая крестьянская девушка—с улыбкой смущения («уж очень непривычное, барское дело—нервы») жалуется врачу на стойкую бессонницу, на головные боли, на «отупение памяти»,—иногда даже, в связи со всем этим мозговым перегибом, на пресыщение умственной работой, на тоску, отвращение ко всей жизни (к счастью, последнее не так часто).

Необходимо отметить, что половая жизнь не играет у крестьянского молодняка той большой дезорганизующей нервной роли, которая наблюдается у других слоев студенчества (см. выше и ниже в этом очерке, а также 4-й очерк данной брошюры). Объясняется это, видимо, меньшей сложностью половых проявлений деревенского жителя: больше природной регулировки. Однако, вполне «загородившийся» крестьянский выходец начинает по истечении нескольких лет тоже отдавать дань половой взвинченности города.

С пролетарской молодежью обстоит сложнее, чем с другими слоями студенчества.

Грубая биологическая тяжесть свалилась на нее еще задолго до Вузовской учебы. Дореволюционный и послереволюционный голод, холод—явления слишком обычные в пролетарской семье, чтобы долго на них останавливаться. Революция, подняв на своем победном гребне пролетариат, поставив его у власти, вместе с тем вручила ему и основную ответственность за свои судьбы: за судьбу боевых фронтов, за судьбу производства, за судьбу рабочей диктатуры в целом. Пролетариат гордо торжествовал свою победу, но, одновременно, на нервную систему его пала также и тяжесть многочисленных жертв, сложных забот, смертельных опасностей, непрерывного и глубокого напряжения. В русло этих напряжений, этих опасностей, жертв очень рано были вовлечены и дети пролетариата,—не насильно, а по доброй воле, так как не могут же оставаться спокойными наследники революции, когда угрожает серьезная опасность всему революционному наследству.

Резкий переход от удушливой, рабской обстановки царского режима к свободному строю трудящихся, необычайно быстрый идейный, интеллектуальный рост пролетарских ребят за минув-

шие годы, богатейший накопленный ими боевой и политический опыт—все это многое им дало, но зато и дорого им обошлось: слишком сложный груз, преждевременно возложенный на недоразвившуюся еще спину, может надорвать. Надрыва, к счастью, не было, но некоторая усталость есть. Самая ценная молодежь пролетариата приходит в учебу уже порядком нервно издерганной, независимо от перенасыщенности ее революционным энтузиазмом, боевым упорством. ВУЗ, партшкола и прочее она рассматривает, не как спокойную пристань для тихой выучки, а как новый плацдарм для новых революционных боев. Кулаки сжаты, глаза горят, мозг жадно впитывает; «даешь Берлин» или «даешь науку» для пролетарского молодняка принципиально равнозначны.

Однако, брать буржуазный Берлин и завоевывать науку—требует разных сноровок и иных установок. Научное мышление требует мелкой, повседневной, будничной организованности, кропотливой точности как в крупном, так и в «пустяках»; требует не горячего, а холодного мозга (при горячем, конечно, сердце); требует спокойствия, выдержки, постепенности, полной внутренней согласованности всех частей работы. Наскоком, яростью, риском здесь многого не добьешься. Надо, значит, переделываться. К сожалению, эта «переделка» не так легка, в особенности принимая во внимание, что сама школа (ВУЗ тем более) слишком туго переделывается, слишком плохо пока применяется к своей новой аудитории. Новое вино (пролетарское студенчество) влито в старые меха (прежний преподавательский состав), отсюда пока еще много невязок в методике усвоения знаний. Влияние революции на педагогическую, на научную жизнь сказалось в самую последнюю очередь,—и девственная в мозговом отношении, не искушенная до того в академической схоластике пролетарская молодежь все минувшие годы на рабфаках и в Вузах насквозь пропитывалась самыми типическими выделениями до-революционной отвлеченщины и бессистемности (сейчас это понемногу исправляется). В учебном плане нет учета ни мозговых навыков нового студенчества, ни его жизненного опыта, нет ориентации на определенные его возможности и на наиболее продуктивную систему использования его творческих сил.—«Есть задание, и дан срок для его выполнения,—остальное приложится»,—таков девиз.

Непривычный, плохо организованный интеллектуальный груз становится в таком виде совершенно непосильным, в то

время, как та же тяжесть, но иначе поданная, по-другому распределенная, была бы великолепно преодолена. Невропатическая расплата становится неминуемой.

Однако, пролетарский студент ее не боится, он даже не замечает ее грозных предвестников. Слишком увлекает его стихийная, клокочущая волна студенческой общественности, слишком велико его чувство революционной ответственности, чтобы позволить себе заметить усталость. Шпоры революционной ответственности вонзаются все глубже в бурно вздымающиеся от непосильного бега бока пролетарского боевого коня, появляется новая сила, новая скорость, новый успех. Но какой счет пред'явит затем исколотый шпорами, насквозь истрепанный организм своему седоку, об этом достаточно красноречиво вопит клиническая статистика рабфаков, Вузов, Комвузов.

Нерегулярная, неорганизованная работа, скверное жилище, беспорядочное и совершенно недостаточное питание, отсутствие рационального отдыха, качественно испорченный и количественно сильно урезанный сон, переход от напряженной умственной научной работы к бурной общественной активности, неупорядоченная половая жизнь,—новые и новые удары непрерывно сыплются на и без того задерганную нервную систему.

Полный и резкий отрыв от физического труда, стопроцентный переход на исключительно мозговую работу ломает все устоявшиеся недавно у пролетарской молодежи биологические пропорции (до учебы), ослабляет и без того истощившуюся органическую сопротивляемость. Скверную роль сыграла при этом и резкая перетряска всех общих навыков: внезапный переход от предреволюционной скучной прозы к революционным боям и столь же резкий переход от революционных боев снова к прозе, к учебной прозе (хотя эта проза тоже достаточно «боявая», но, в сравнении с фронтовыми боями, все же проза).

Проникающие в ВУЗ текущие злобы политического дня, а также научно-идеологические разногласия (германские события, партдискуссия, конгресс Коминтерна, энчмениада, челпановщина, напостовцы и пр.) является бочкой нефти, вливаемой в горящее здание. Новые шпоры, новая ответственность, дополнительная обязанность, при том без разгрузки от старой. Вся жизнь у всех на виду, всегда на-чеку, всегда сосредоточенный, дисциплинированный, такая позиция не позволяет распускаться: «лучше сломаюсь совсем, как загородная сталь».

И вот, на удивление медицине, почти не имевшей обычно таких пациентов из пролетарской среды,—пролетарское студенчество заполучает сверх своего партбилета, профбилета еще и «психбилет»: психастения, циклотимия, истерия, неврастения,— в таком количестве и такого густого качества эти невропатические расстройства никогда еще не набрасывались на пролетариат. Но, так как мы имеем перед собой целое классовое поколение, притом первое поколение революции, обязанное дать вторую творческую смену старым боевым кадрам, эта статистика становится чересчур тревожной. Надо о ней серьезно задуматься.

— Следует ли из всего сказанного выше, что надо впадать в панику?

— «Напрасно-де кинули в Вузы неподготовленную трудовую молодежь. И ее губите и другим культурным работникам, которым Вуз больше сродни, ходу не даете». Подобный белогвардейский вывод нам совсем не по пути.

Во-первых, конечно, не все трудовое студенчество нервно заболело. Наиболее умственно и физически выносливые, наименее претерпевшие, оказавшиеся в благоприятных академических и биологических условиях, конечно, пострадали не так сильно. Да и сильно пострадавшие еще исправимы, излечимы. Лишь надо организованно проработать способы их «исправления».

Все нелепые контр-революционные утверждения, что пролетарски-крестьянская молодежь наша слишком поспешила с захватом культурных постов, что она их не осилит—ни на чем не основаны. Мозговых данных нашего трудового молодняка вполне хватит, чтобы целиком завоевать весь наш культурный фронт.

Следует только умеючи использовать эти данные.

Как их использовать, как наискорейшим, наименее продуктивным образом изжить этот тяжелый кризис роста нашей молодежи—об этом в других очерках, ниже.

«О психоневрозах» коммунистического студенчества.

Предыдущий очерк коснулся современного студенчества в целом. Данный же очерк адресуется исключительно коммунистическому студенчеству: Комвузов, Вузов, рабфаков.

Понятно, вышеуказанные соображения, в той части их, которая связана с наиболее демократическим студенчеством, относятся в одинаковой степени как к коммунистическому, так и к пролетарскому беспартийному студенчеству. Однако, в виду совершенно исключительной роли, которую играет сейчас комстуденчество в Вузах, в виду особой важности и характерности тех нервно-психических и идеологических процессов, которые совершаются именно в этой, наиболее передовой части нашего красного молодняка,—необходимо на коммунистических учащих остановиться особо внимательно, глубже анализируя творящееся именно в этой среде.

Отдельных моментов нервных заболеваний взрослой части партии автор коснулся уже однажды в своей книге «Очерки культуры революционного времени».

Несомненно, часть сказанного ниже о коммунистическом студенчестве может быть отнесена и к идейно наиболее нам близкому кадру беспартийной учащейся молодежи.

«ПСИХОНЕВРОЗЫ» И СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА.

За последние десятилетия в психоневрологической науке происходит глубокий переворот. Исчерпывающие, самодовлеющие биологические объяснения нервных болезней дополняются, а часто и заменяются «социально-биологическими». В науке «вспомнили», что человеческий организм представляет собой «не просто организм», а глубоко общественный организм, насквозь, во всех своих функциях, пронизанный соци-

альными моментами. Поэтому заболевание организма есть не только изменение его внутреннего функционирования, но, в значительной его части, а иногда в подавляющем, даже в истощающем его содержании, также и первичное изменение его социальной установки.

Изменения в окружающем человека коллективе, во внутриколлективистических связях, не в меньшей, а иногда и в большей степени, чем изменения воздуха, состава питания, могут грубо—резко отражаться на биологических его процессах, при чем, если забыть об этой болезненной первопричине и пичкать больного такого типа внутренними лечебными средствами—без соответствующих поправок в коллективистическом его окружении, выздоровления не последует. Социальное бытие определяет не только сознание, но и все более подавляющую часть биологических процессов.

Ведь человек вырастает не как индивидуум, а как социальная, коллективистическая частичка. Все биологические функции человека,—не только так наз. психические процессы, но и дыхание, пищеварение, кровообращение—полностью связаны с коллективистическим бытием, неся на себе неизгладимые, не прекращающие своего усугубляющегося влияния до самой смерти организма, черты непосредственного социального, коллективистического окружения. Трещины, разрыв в этой социальной, коллективистической спайке вызывают не только «психические» колебания, но и нарушение всех функций. И есть, и дышать, и спать человеку хочется и можно по-иному, если изменить элементы его коллективистического бытия. Колеблющиеся, ущербленные элементы коллективистической установки человека уродуют его аппетит и пищеварение, дезорганизуют его сон, искажают и парализуют его способности к организованным движениям, нарушают темп и силу дыхательных процессов. Вездесущий и многоликий «психоневроз», на добрую половину обгладывающий все биологические богатства человеческого организма, искажающий все его функции, представляет собою лишь серию благоприобретенных нарушений коллективистической установки: нерациональный коллективистический условный рефлекс, нерациональные условные рефлексy социальной связи.

Устранение психоневроза, «психотерапия»,—это коллективистическая вправка организма, внедрение его в такие

условия коллективистического бытия, при которых не будет данных для социально-биологической дезорганизации.

Итак, мы имеем перед собой новую главу человеческой биологии, так наз. учение о психоневрозах и психотерапии *).

«Биография» этого учения довольно сложна, но сжато здесь надо привести ее, чтобы сделать ясным научный метод, которым мы пользовались при анализе болезней коммунистической молодежи и, вообще, заболеваний человека на фоне социальной среды.

Медики давно уже констатировали большое влияние внушения на организм. Пытались вначале объяснить его чудом,—космической, электрической и прочей энергией,—в итоге же пришли к выводу (Нансийская школа гипнологов: Бернгейм, Льежуа и др.), что дело здесь в самовнушении, в «силе представления», во «влиянии представления на организм». Гипнотизер, внушающий, лишь обладал способностью так твердо укреплять эти представления в больном, что тот прочно пропитывался ими и поправлялся. Тем самым, внушение было сведено к живому социальному влиянию людей, к живому идеологическому, словесному воздействию человека на человека. Помимо лекарства, помимо биологической терапии было найдено еще одно ценнейшее средство, метод социальной терапии: слово.

Наука пошла дальше. Оказалось, что внушением (т.-е. упрочившимся лечебным самовнушением) могут устраняться лишь те болезненные явления, которые возникли прежде в результате болезненного самовнушения (пифиатизм, самогипноз—по выражению знаменитого французского невролога Бабинского). Болезненные, неправильные представления вызвали болезненные отклонения в биологических процессах («ложная целевая установка тела», как выразился бы современный рефлексолог),—внушение же подставляло взамен болезненных—здоровые представления, и биологические отклонения исчезали. Следовательно, дело—в предыдущем болезненном самовнушении, в «неправильных представлениях».

Однако, наука пошла еще дальше—вглубь вопроса. Выяснилось, что болезненные самовнушения (или психоневрозы,

*) Объяснение этих терминов ниже.

т.-е. нервные болезни, происшедшие «психическим» путем: путем самовнушения) вовсе не случайны у заболевшего,—наоборот, они характерны для всей его личности. Так, швейцарский ученый Дюбуа утверждал, что к этим болезненным самовнушениям, неправильным представлениям, к неправильной целевой установке склонны лишь люди легковверные, идейно неустойчивые, не выдержанные в волевом отношении, поддающиеся «голосу чувства, а не указаниям разума». Дюбуа и требовал для таких лиц радикальной выправки, воспитания их в духе организованного, устойчивого, бодрого мирозерцания.

Знаменитый французский невролог Дежерин заявил, что этим болезням самовнушения особенно легко поддаются люди социально растерявшиеся, оторвавшиеся от устойчивой жизненной базы, вечно озабоченные, неуверенные в завтрашнем дне. Дежерин требовал не только изменения мировоззрения этих лиц, но и изменения обстановки вокруг них («бытие определяет собою сознание»), так как именно внешние условия дезорганизовали их в первую очередь. Марциновский, Яроцкий искали корень этих болезненных самовнушений в недостатке идеалистического оптимизма, в философских изъяснах *). Фрейд находил их в несоответствии между половыми желаниями личности и требованиями социальной среды и т. д., и т. д.

При всем разное, разброд в приведенных точках зрения, у них имеется общий стержень. Все они констатируют, что внешняя среда (т.-е. для человека социальная среда, а именно, о человеке они и говорят) часто создает у человека ложную социальную целевую установку, ложную социальную направленность, выражающуюся в нерациональных реакциях организма в ответ на раздражения социальной среды. То, что Дюбуа и другие понимали под болезненной самовнушаемостью, легковверием, идеологической недостаточностью и пр., т.-е. под «психоневрозом», вообще, по существу, представляет собою нерационально организованный социальный опыт всего организма в целом (а не только его «идеологию»), неправильное приспособление его к социальной среде, к ее требованиям (лучше всего это выражено у Дежерина).—Лечебным же внушением или идеологическим перевоспи-

*) Пусть читатель не боится всех этих идеалистических толкований,—они дальше будут расшифрованы.

танием или психотерапией *) надо считать попытки перестроить социальную установку организма, попытки изменить его направленность в социально и биологически полезную сторону. Попытки эти, конечно, фактически никак не могут ограничиться одними лишь словесными воздействиями на организм больного (в современной медицинской психотерапии они обычно к этому лишь и сводятся), но в основе своей они должны быть рассчитаны на сложную перестановку элементов той социальной среды, которая создала эту ложную направленность больного организма.

Переведем эти понятия на объективный язык учения о рефлексх. Определенным образом организованная социальная среда может воспитать серию нецелесообразных условных рефлексов (ложная целевая установка организма), для уничтожения которых надо в этой социальной среде создать новый кадр нужных, полезных раздражителей. Среди этих полезных («психотерапевтических») социальных раздражителей, слову, конечно, принадлежит также огромная роль,—но слову не как самодовлеющему биологическому или идеологическому началу, а как символу, сгустку определенного социального содержания.

С этой точки зрения становится понятным, почему, независимо от состояния питания и других внутренне-биологических условий, такими массовыми становятся сейчас нервные заболевания в капиталистических странах, особенно в деклассированных социальных слоях. Колеблющаяся социальная почва под ногами последних потрясает и биологические их процессы, дезорганизуя их, создавая в них ложную целевую направленность. Отсюда же делается понятной и причина массовых невропатий в угнетенных классах после поражения революций: происходит подавление нервно-психических процессов, извращение нормальных их устремлений.

Так, по описанию проф. В. П. Осипова (на 2-м психоневрологическом съезде), купец, здоровый до революции, нервно заболевает («навязчивые идеи», боли, бессоница)—во время революции (несмотря на удовлетворительное питание и прочие внешние и внутренние биологические условия),—и выздоравливает... при НЭП'е. Разная социальная среда, как видим,

*) Под психотерапией подразумевается вся система „психологических“ лечебных влияний на заболевания организма.

в зависимости от соответствия ее с его «интересами» (с его социальным, классовым опытом) создает у него разную направленность: то большую («навязчивая идея»), то «здоровую» (свободная торговля). Дворянское и буржуазное офицерство, нервно стойкое в царскую войну или в белогвардейской армии, особенно тяжело нервно заболело во время службы в Красной армии, и, наоборот, рядовые воины Красной армии, выходцы из трудовых слоев и из гонимых прежде национальностей, сейчас нервно болеют гораздо реже, чем в царских войсках.

Итак, одна и та же социальная среда по-разному действует, в зависимости от разной предварительной социальной классовой направленности организма: в одном случае может вызвать нервную болезнь,—в другом укрепляет нервную систему. В конечном счете, понятно, среда здесь в каждом отдельном классовом случае оказывается разной, так как на каждый отдельный организм действует не вся она в целом, а различные ее элементы, классово избирательные по отношению к данному организму.

Конечно, созданием этой болезненной социальной направленности не исчерпываются все причины нервных болезней (см. ниже), но в наше время, в особенности в СССР, где происходит колоссальная социальная ломка,—социальную обстановку, социальных раздражителей надо особенно зорко подмечать и точно учитывать. Сугубого внимания этот учет требует, когда мы имеем дело с таким необычайно социально чутким материалом, каким является сейчас коммунистическая молодежь. Как увидим ниже, понятие о психоневрозе*) во многом совершенно незаменимо поможет нам при анализе нервнопсихического состояния коммунистического студенчества (да и не только его, конечно).

БИОРЕАКТИВНЫЕ И СОЦИОРЕАКТИВНЫЕ НЕРВНЫЕ БОЛЕЗНИ.

Нервные болезни коммунистического студенчества, как и вообще все нервные болезни, можно условно разделить на две

*) Фактически мы, конечно, отказываемся от этого термина „психоневроз“, так как он предполагает возможность самостоятельного возникновения биологических нарушений „психическим“ путем (психогенный), в то время, как мы знаем, что, в конечном счете, эта „психогенность“ вызывается социальным, т.-е. внешним фактором. Потому мы заменяем этот термин другим: социореактивный невроз (см. дальше).

группы *): биореактивные и социореактивные нервные заболевания.

Биореактивными невротами мы считаем те нервные отклонения, которые возникли под исключительным влиянием внутренних или внешних чисто биологических раздражителей (отсюда и термин—биореактивный: реакция на биологический раздражитель): наследственность, внутриутробное повреждение зародыша, перенесенные инфекционные болезни, отравления, физические сотрясения, голодовки, тяжелое переутомление и пр.

К социореактивной невропатии мы относим заболевания, обусловленные непосредственными изменениями социальной установки организма, изменениями в области непосредственного взаимоотношения его с другими людьми, в области социальной связи: потеря друзей, ликвидация возможности вести любимую работу,—изменения среды, влекущие за собою т. наз. идеологические разочарования,—преследование критики и общественного мнения и т. д., и т. д.

В конечном счете, понятно, и биореактивные факторы являются социальными (ведь и человеческая наследственность есть лишь сгущенный в ряде поколений социальный опыт; инфекционные болезни—тоже продукт определенного социального строя),—и социореактивные влияния оказываются в дальнейшем—биологическими (потеря друзей, удар по честолюбию и пр. способны уменьшить аппетит, вызывают расстройства кровообращения,—«тоску», и пр.),—однако, для нашего различения важна лишь первичная почва, на которой возникает данный раздражитель: в области социальных ли связей человека или в сфере грубо биологического его бытия. Практически эта предпосылка окажется нам в дальнейшем чрезвычайно полезной.

Коммунистическое студенчество, конечно, имеет в своем прошлом достаточно оснований для биореактивных невропатий. Если в области наследственности с ним обстоит довольно благополучно (так как трудовые массы России избегли пока той участи психопатического наследственного вырождения, которому подверглись прежде господствовавшие и промежуточные группы), все же голодовок, усталости, инфекций и пр. биологических «благ» испытано было за революционные годы вдоволь. На этих

*) Это деление принадлежит пишущему, оно представляет практические удобства.

биореактивных формах преимущественно я и останавливался в предыдущем очерке, почему снова к ним возвращаться здесь не буду. Все внимание мы уделим сейчас исключительно социореактивным неврозам («психоневрозам»).

Но как отличить социореактивную нервную болезнь от биореактивной?—Во-первых, у коммунистического студенчества очевидно нет чистых форм ни той, ни другой. Слишком наголодалось и утомилось оно, чтобы его невроз можно было целиком отнести исключительно к области изменений в живом его социальном окружении. С другой стороны, оно слишком социально чутко, чтобы не реагировать на изменения в этом окружении, а современная живая социальность, окружающая нас, живой человеческий коллектив менялись в эти годы часто и сложно. Следовательно, в коммунистическом студенчестве мы имеем довольно пеструю смесь обоих сортов нервных явлений. Как же отличать оба эти сорта?

Возможности различения имеются. Конечно, они не так чутки и не так объективны, как хотелось бы, но к сожалению, современная психопатология вообще не обладает пока достаточным арсеналом точных, чутких и объективных методов исследования. Ей приходится часто пользоваться эмпирикой,—придется прибегнуть к последней и нам.

а) Нервно-психические болезни биологического происхождения. Сюда относится так наз. чистая неврастения (после инфекций, истощения, голода), циклотимия (колебания настроения внутреннего происхождения), большая часть так наз. шизофрений (наследственного происхождения постепенно развивающееся расщепление психической деятельности), часть случаев травматического невроза (с органическим повреждением нервной системы) и т. д. Впрочем, рекомендую товарищам не очень интересоваться этими диагностическими названиями, так как в большинстве случаев нет прочных способов их проверки, и потому, зачастую, один и тот же случай трактуется тремя врачами в трех разных направлениях. Нам в данном случае важно учесть лишь биологический корень этих невропатий,—в прочие же тонкости различных форм проникать сейчас не следует, так как мы не пишем здесь неврологического учебника. Этот тип нервных болезней или эта типическая часть смешанных нервных болезней (смешанная с частичными элементами социореактивных наслоений) характеризуется зна-

чительной стойкостью своих симптомов, неподатливостью их по отношению к изменению коллективистического, живого социального окружения. Та часть нервно-психических болезненных явлений, которая действительно обусловлена исключительно биологическими причинами, ни в малейшей степени не реагирует ни на слова утешения, ни на внушение, ни на переубеждение, ни на изменения в составе и тактике окружающих лиц, ни на прочие влияния живой социальной среды. Ведь эти болезненные нервные явления возникли, как результат отравления, самоотравления или иного биологического повреждения, и без устранения причины,—т.е. без нейтрализации яда, без уничтожения производящегося на мозг физического давления и т. д.—выздоровление не произойдет. Первичная нерациональная социальная направленность организма здесь не причем, т. к. организм поврежден в своем внутреннем существе (анатомическом, химическом), и целебными будут лишь те влияния, которые произведут в нем соответствующие анатомические и химические лечебные перемены: медицинские сыворотки, лекарства, питание, отдых, хирургическая операция,—время, наконец. В этом основной признак биореактивных нервных болезней. В них нет предыдущих болезненных самовнушений, которые надо устранять лечебными «внушениями» из живой социальной среды. Болезнь возникла не от социальных конфликтов, не от «самовнушений», а от грубо биологических причин,—не социальными компромиссами, не внушением, не психотерапией должна она лечиться, а соответствующей чисто биологической выправкой организма.

Обратное—с социореактивными нервно-психическими болезнями или, по-старому, с «психоневрозами». Сюда относится т. наз. истерия, крупнейшая часть т. наз. психастении, значительная часть тех явлений, которые по ошибке часто относят к чуждым им формам циклотимии, шизофрении и т. д.; впрочем, особой точностью определений и эта область неврологии не отличается *).

Эти формы заболеваний могут наступать без первичных биологических нарушений организма, помимо отравлений, самоотравлений, истощения, повреждения и пр. (конечно, наличность

*) Не стану здесь детально разбирать каждую из этих болезненных форм, т. к. задание очерка в этом не заинтересовано. Названия приведены лишь потому, что больные часто ими жонглируют.

последних ухудшает заболевания, но не они в данном случае вызывают болезнь). Вызывает ее живая социальная причина, живой сдвиг в социальном, коллективистическом окружении, не совпадающий с интересами данной личности,—колебания или потрясения в цепи живых общественных ее связей,—при чем обычно это происходит не сразу, а постепенно.

Лучшей иллюстрацией такого заболевания являются уже приведенные мною выше примеры невропатий царского офицерства, бывших коммерсантов и пр., а также и наших красноармейцев. Заболевания эти обусловлены исключительно передвижками в системе социальных связей, при первичной ненарушенности биологического состояния больных и, наоборот, могут исчезать даже при ухудшении биологического состояния: так, красноармейцы в недавние революционные годы питались хуже, чем царская армия, а нервно заболевали реже; жены бывших коммерсантов выздоравливали от своих психоневрозов при голодовке,—сейчас, при сытости, снова начинают заболевать *). Значительное количество бывших купеческих жен, «отдохнувших» от своих нервных болезней во время голодовок—в период военного коммунизма (нашли иную «направленность»—по линии непосредственной борьбы за кусок хлеба),—сейчас, в дни сытости и прочего материального благополучия, снова заполучают свои психоневрозы: психоневрозы—довольно частая установка в избыточно материально сверхпроцветающих семьях,—избыток возбуждения тратится тогда на нервные проявления. Такова расплата за избыточно сытый досуг.

В этой тесной болезнетворной зависимости от «невыгодных» колебаний коллектива, в выздоровлениях, наступающих после «благоприятных» изменений коллектива, и заключается характерное содержание социореактивных невропатий.

Если мы имеем перед собой смесь из биогенных и социогенных явлений, та часть их, которая исчезает от благоприятных социальных перемен, относится ко второй группе,—и обратно. Раненый или больной солдат, начинающий впятеро быстрее поправляться при ласковой сестре милосердия, либо

*) Конечно, не все нервные болезни буржуазии, офицерства и пр. за время войны и революции относятся именно сюда, но, во всяком случае, достаточно их крупная часть.

попав к себе домой; истощенный, истрепанный коммунист, быстро крепнущий, как только доносятся вести о растущем революционном возбуждении в Германии,—это смесь биогенных и социогенных явлений в болезни: смесь потому, что, кроме социальных перемен, для выздоровления требуется еще и биологическое подкрепление.

ПСИХОНЕВРОЗЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА.

Коммунистическое студенчество страдает как-раз этой биосоциогенной смесью в чрезвычайно сложном ее содержании, притом с перегибом в сторону социогенных элементов (психоневрозы), чем серьезно отличается от старых партийных кадров, у которых преобладают, а часто и исключительно имеют место—явления биогенного характера: лучшее доказательство неполной пока еще социально-идеологической, классовой прочности нашего молодняка. Ему необходимо пройти еще ряд этапов суровой революционной школы,—той школы, которая так хорошо страхует сейчас от психоневроза наши старые кадры (к сожалению, только от психоневроза, т. к. биогенными болезнями, в результате влияния тюрем, фронтов и прочих прелестей, они слишком богаты; но тут дело уже не в социальной прочности).

Непосредственных наблюдений над нервно больными товарищами из коммунистического студенчества накопилось у автора 600—700. Относятся они к 1919—1924 г.г. Здесь Ленинградские рабфаки и Вузы (1919—1920 г.г.), Свердловка, Академия Коммунистического воспитания, Московские рабфаки, Комуниверситеты Востока, Запада. Есть, значит, материал для сопоставлений—и по социальному происхождению, и по индивидуальности ВУЗ'а, и по времени заболевания (на протяжении пяти лет). В этом материале мы намеренно откидываем те случаи чисто биогенных невропатий или невропатий с преобладающим наличием биологических причин, по поводу которых нельзя сказать ничего нового в сравнении с предыдущим очерком и целиком сосредоточимся на социореактивных («психоневротических») заболеваниях коммунистического студенчества. Приблизительно до половины наших случаев может быть отнесено именно к этой категории. Число, конечно, недостаточное для исчерпывающих выводов, но вполне убедительное для привлечения серьезного внимания к определенной принципиальной постановке вопроса.

Невропатические проявления комстуденчества, страдающего психоневрозом, чрезвычайно разнообразны. Здесь и неуверенность в себе, и недостаточность воли, и тоскливая подавленность, и бесплодное возбуждение,—разгул фантазии и, наоборот, уплощение фантазии,—тяжелое самозамыкание, страхи, раздражительность, упадок памяти и сообразительности. Дело зачастую доходит до довольно тяжелых симптомов: истерические припадки с потерей сознания и криками (хотя бы т. наз. командная истерия), навязчивые состояния и т. д. При этом надо отметить своеобразную закономерность и некоторую типичность колебаний в процессе развития болезни, что дает возможность произвести нечто вроде социальной группировки больных товарищей.

Большинство товарищей серьезно заболело в боевую паузу, т.-е. после 1921 года. Предыдущие (в боевой период) вспышки заболеваний быстро ликвидировались обычно, как только больных требовала к себе политическая обстановка. Среди этих психоневротиков преобладают выходцы из мещанских и интеллигентских слоев, а также наблюдается сравнительно большой процент женщин.

На-ряду с вышеуказанными клиническими симптомами их болезни, характерными для их душевного состояния являются также: пессимистический самоанализ, ковыряние в своей совести, в своем прошлом,—идеологические сомнения; зачастую злоба на жизнь, на товарищей,—иногда даже на революцию, на партию. Часто это выражается в неудовлетворенности всей прошлой своей работой, в густом затемнении перспектив дальнейшей своей деятельности. Очень нередко это сопровождается сложными и нудными хитросплетениями в половой жизни.

Как видим, перед нами не просто больные, а люди социально, идеологически растревоженные, притом не со случайной, косвенной идеологической путаницей, которая возможна у всякого больного, лихорадящего, изголодавшегося человека, а с путаницей, которая лежит в основе всех их нервных проявлений. Этим они представляют резкий контраст с прочими нервно больными парттоварищами (последних подавляющее большинство, приблизительно до 75%), поражающими своей необычайной идеологической стойкостью, не подавляемой никакими биологическими невязками *).

*) См. ст. „Заболевания коммунистов“ в нашей книге „Очерки культ. револ. врем.“

Характерно, что большинство этих товарищей, страдающих психоневрозами, не принадлежат к подпольному кадру партии, (хотя понятно, не по своей вине, т. к. они слишком еще молоды), притом значительная их часть не имеет большого боевого стажа: приблизительно около четверти их пришли в школу прямо из семьи, с производства, и «психоневроз» настиг их уже на 2-й, 3-й год учебы, при нехулиганских, к тому, биологических обстоятельствах (питание, комната), чем те, которые были у соседей, избежавших психоневроза. Наоборот, рядом находились и находятся десятки товарищей, значительно более биологически пострадавших, но «психоневрозу» все же не поддавшихся.

Выясняется, что около 80% этих заболевших товарищей до революции не отличались никакими психопатическими особенностями. Даже, наоборот, обычно более хрупко проходивший у других подростков т. наз. переходный возраст был ими пережит вполне благополучно. Те из них, которым пришлось пройти боевую полосу, в период опасностей и глубокой ответственности особых невропатических свойств тоже не обнаруживали: нервный «прорыв» случился с ними, как мы уже говорили,— в период боевой паузы,—после наступления НЭП'а.

Пролетарская часть этого исследованного нами психоневропатического студенчества (до 35% всего состава), либо относятся к числу недостаточно идеологически зрелых, либо действительно отличаются общей, повышенной, в сравнении с прочими психоневротиками, нервной возбудимостью, что сделало их и более идеологически ранимыми. Лишь незначительная их часть обладала достаточной идеологической зрелостью при отсутствии в то же время психопатического предрасположения.

При попытках глубже анализировать пути этой своеобразной нервно-психической дезорганизации товарищей, удавалось чаще всего наталкиваться на следующие характерные биографические страницы: товарищи действительно испытали значительное число конфликтов, сложную неудовлетворенность в своей прошлой работе; они считали себя обиженными, оттертыми, неправильно, непродуктивно использованными. Их прошлая работа им была не по душе, была навязана в порядке партдисциплины. Они часто ссорились, вздорили с соседями по работе, с руководителями, тяжело переживали свои очередные

неудачи, старались сообщить об испытанной несправедливости в центр, в печать, настойчиво пытались добиться своего, даже мстить. Разочарования, срывы в этом периоде их жизни сопровождались обычно желчным настроением, раздражительностью, расколотостью внимания, ухудшением сна, тоскливостью, повышенной утомляемостью, упадком аппетита. Наоборот, прояснения в их деловом горизонте быстро и бесследно рассеивали эту накопляющуюся невропатическую бурю (лучшее доказательство, что здесь мы имеем как-раз «психоневроз», т.е. социореактивное нервное заболевание, т.к. оно целиком зависело от колебаний в деловой обстановке).

Деловые невязки, неудовлетворение обстановкой работы, товарищами—зачастую в прошлом затемняли перед ними горизонты революции, лишали их диалектической гибкости. Минусы ближайших частей работы представлялись им характерными для всей революции в целом, местные неудачи (зачастую и не по вине этих, в дальнейшем заболевших, товарищей) казались им гибельным кризисом всего революционного процесса. Агрессивная оценка окружающих, непрерывная и напряженная самооценка приводили их к мучительной радикальной переоценке смысла и путей революции. Узко деловой, а иногда еще более узкий личный кризис превращался в глубокий кризис всей их революционной идеологии.

В ВУЗ'овской обстановке этот процесс индивидуалистического самоокапывания, самоуглубления—у большинства подобных товарищей резко усложнялся и заострялся.

Как никак, а связанный прежде в более тесном, более малочисленном деловом коллективе непосредственными нитями общения,—в вузе, однако, наш впадающий в индивидуализм товарищ оказывается, наоборот, потонувшим, расплывшимся в целом человеческом море,—притом в море, частички которого не так прочно соединены, более текучи, чем то было в недавней, хотя бы и неприятной работе. Слушание лекций, подготовка к зачетам, чтение текущей литературы—все это является индивидуальным занятием, которому в массовом ВУЗ'е «коллективизм» лекционной системы не в силах противопоставиться, будучи слишком для этого коллективистически слаб. Совместная активность на горячих политических собраниях—явление кратковременное, слишком редкое, чтобы надолго и глубоко захватить подобного, постепенно самоокапывающе-

гося, товарища. Пестрая смесь в современном ВУЗ'е товарищей различного революционного опыта, различных социальных слоев, разной интеллектуальной подготовки является для наших индивидуализировавшихся товарищей отнюдь не целебным, не коллективизирующим фактором. Разнообразные студенческие группировки—по научным, по политическим, по районным интересам («землячества»), в общем чрезвычайно полезные для организации всего Вузовского коллектива в целом, являются для этих откалывающихся лишним поводом к отщеплению их от массы.

ВУЗ'овская учеба, вообще, временно в некоторой степени отрывает комстуденчество от партии, от широких революционных масс, т. к. стопроцентная массовая партработа, конечно, немыслима при ВУЗ'овской нагрузке. Однако, товарищи, пребывающие в нормальном, здоровом партсостоянии, не чувствуют обычно слишком резко этот отрыв, т. к. неостывший революционный заряд гонит их вперед если не извне, то изнутри. Между тем, для части впадающих в индивидуализм студентов, о которых говорилось выше, этот отрыв является молотом, неуклонно расклепывающим звенья той цепи, которая связывала некогда молодого товарища с революцией.

ВУЗ для них, сверх того, является еще источником добавочных раздражений, грубо ударяющих по зреющему индивидуализму, т.-е. еще более густо его питающих. Для студенческой массы, в целом, характерна ведь сейчас не установка тлеющего, тускло догорающего костра, ее захватывает, наоборот, яркий бурный огонь, смелое стремление вперед, революционная уверенность в победе,—и потому кумирами молодой студенческой массы (за редкими исключениями, которые делаются многочисленными лишь в порядке отдельного временного эпизода) становятся сейчас наиболее коллективизированные, наиболее «партизированные», энтузиастически настроенные, бодрые и смелые из ее среды. Поэтому поникшая голова нашего тускнеющего индивидуалиста не привлекает к себе симпатий массы,—он остается без аудитории, один, совсем один. Невозможность иногда справиться с учебной нагрузкой, вследствие трудности ее для него и неорганизованности, лишь обостряет эту одинокую напряженность.

Разлагающую работу довершает улица, с ее коммунистически-неповскими контрастами, то озлобляющими, то манящими,—и

невропатизирующая работа закончена: перед нами зрелый клинический тип «хорошего психоневротика», страдающий резкой перевозбужденностью нервной системы, глубокой раздражительностью, легкой утомляемостью и отвлекаемостью, тоскливой подавленностью или, наоборот, тоскливым возбуждением, разгулом больной фантазии, доходящей иногда до так называемых сомнамбулических припадков,—навязчивыми состояниями, беспричинными страхами, бессонницей, отвращением к жизни и людям, обостренным чувством одиночества, грубыми самоугрызениями или, наоборот, озлобленностью и т. д., и т. д.

Искать корни этого психоневроза в первичных биологических нарушениях было бы праздным делом,—он полностью питался плохо переваренной социальной обстановкой, он является ложно направленной социальной установкой, социореактивным неврозом или именно психоневрозом—по старому. Отсюда же следуют и приемы лечебного на него воздействия (о которых подробнее ниже).

Довольно значительной части этого психоневрозирующего комстуденчества особо сильный толчок к нервному прорыву дал НЭП,—и не только идеологической своей для них неприемлемостью (для части так это и было), но и слишком резким переходом от атмосферы горячего боя к серым прозаическим будням. Захватывающая, интригующая, рискованная обстановка, необходимость быть всегда на-чеку, реагировать чутко на самые неожиданные и самые разнообразные обстоятельства отнимают слишком много энергии, слишком заполняют, чтобы оставить еще время и место для мелких внутренних колебаний, сомнений, самоугрызений, злобы. Кроме того, такая обстановка организует, дисциплинирует сама по себе, требуя обязательного, немедленного ответа на свои запросы, препятствуя какой бы то ни было пассивности, безответственности. «Будничный» же, «серый» НЭП отнял от этой обстановки огонь революционного романтизма (конечно, отнял лишь у более поверхностного наблюдателя), оставил много горячих, юношеских стремлений без дела, а взамен грубо потребовал исчерпывающей организованности в кропотливейших, нуднейших мелочах, при том организованности не на виду у всех, а у себя за столом, в кротовой, незаметной работе, наедине с одним лишь собою: здесь можно и отвлечься, и забыться, и усумниться, и заколебаться,—в особенности, если работа совсем нова и не совсем по душе. Эта резкая деловая пере-

установка (бой—НЭП), сыгравшая для сильных роль добавочного, оздоравливающего регулятора, для кандидатов в психоневротики оказалась грубо расслабляющим, обессиливающим фактором.

Интересно проследить за своеобразным экспериментом, который проделала над частью наблюдавшихся автором молодых психоневротиков наша революционная современность. Жаль, что в поле нашего наблюдения при этих «экспериментах» попало недостаточно крупное число объектов, иначе получились бы довольно оригинальные и убедительные обобщения.—В полосу осеннего (1923 г.) оживления революционных событий в Германии, в момент, когда вся партия ответственно и восторженно напряглась, как один человек, ожидая своего часа, своего дела, (это восторженное предвкушение революционных боев пытался описать г. Ю. Либединский в своем рассказе «Завтра»),—в это время, надо отдать им справедливость, горячо всколыхнулась и большая часть наблюдавшихся мною молодых психоневротиков. Куда девались тусклые глаза, опущенные углы рта, нудные иппохондрические жалобы, вялые движения. Внимание, недавно, резко и быстро срывавшееся на повседневных мелочах, вдруг оказалось достаточно гибким и стойким, чтобы жадно вцепиться в длиннейшие Зиновьевские и других вождей статьи о близких боях. Нерешительность, самоугрызения, злоба, идеологическая путаница растворились в напряженном, радостном ожидании, укрепляющем, организующем. Не было сомнений в том, идти ли на фронт или «продолжать болеть».—«До болезни ли тут»,—вот характерные для этих недель восклицания наших психоневротиков. «Болею из-за отсутствия настоящего дела»,—это наиболее частые диагностические ярлыки, которые прикрепляли к себе в германские дни наши больные товарищи (как видим, кое в чем они и были правы). Однако, германские надежды сорвались, и болезнь качнулась снова вверх. Но не надолго. К этому времени, как мы помним, развернулась парт-дискуссия, появилась оппозиция, разгорелась борьба.

Нижеследующие строки, вероятно, вызовут у ряда товарищей нарекания по адресу автора,—однако, с спокойной совестью заявляю, что у меня нет ни малейшего намерения неврологически чернить оппозицию, что в описанных дальше фактах мною руководила лишь объективно-научная точность, и только она. Конечно, дискуссия имела под собою глубоко-социаль-

ную почву, и не нашим неврологическим изысканиям пытаться расшифровать до конца ее корни.

Партидискуссия, как и германские события, освободила своим социальным оживлением у ряда молодых психоневротиков связанные их болезнью силы.— Это характерно для всякого психоневроза: колебания болезни вверх и вниз под влиянием резких перемен социальной обстановки, то использующих (сублимация), то закупоривающих (вытеснение) творческую энергию.

Партийное затишье снова заменилось крупной (так им показалось) политической бурей. Появилась, наконец, возможность выявить то сдавленное за долгое время напряжение, возбуждение, которое аккумулировалось в период длительного накопления неудач, разочарований, обид. Психоневротика прорвало, и прорвало не как политического деятеля (выступали же в оппозиции и вполне здоровые политические деятели, без каких бы то ни было клинических проявлений в своих выступлениях), а как клинического больного. Та бурная страстность, та кипучая возбужденность и злоба, которые вносили в дискуссию эти больные товарищи, конечно, сыграли не малую роль в разжигании атмосферы дискуссии,—и в этой же психоневротической, сверхнапористой, патологической страстности (при том не подтвержденной соответствующими объективно-убедительными мотивами, т. к. психоневротическая активность всегда проявляется в избытке аффекта при недостаточном интеллектуальном подкреплении) лежит значительная доля причин довольно широкого, хотя бы и временного, привлечения к ним молодой аудитории.

Как клиницист, имевший дело с многими сотнями психоневротиков, я иногда поражался симптоматической характерности этих больных выступлений отдельных молодых представителей оппозиции: мелкие подергивания лица, расширенные зрачки, грубые срывы голоса и мыслительного потока, безудержная жестикуляция, частые и ненужные повторения, резкая забывчивость, полная отвлекаемость под влиянием мельчайших рассеивающих причин, обостренная личная чувствительность,—да разве вся эта картина представляет собою здоровую политическую борьбу? Это классическая клиника психоневроза, проявляющаяся на глазах у многочисленной аудитории,—и только. Вполне естественно, что подобные психоневротические высту-

пления появлялись преимущественно на стороне оппозиции, т. к. оппозиция во время дискуссии оказалась, как мы помним, в положении обиженной стороны,—обиженности же у наших психоневротиков, как мы уже видели из их клинической биографии, непочатый край. Из сказанного вовсе, конечно, не следует, что оппозиция вся сплошь состояла из психоневротиков, и что психоневротики, как один, все шли в оппозицию. Такой вывод был бы грубейшей вульгаризацией социологического и неврологического понимания содержания нашей партийной жизни *).

Наши молодые психоневротики в дискуссии находили как-раз то, чего им так не доставало в мирном их деловом бытии: 1) возможность свободного прорыва всей накопившейся злобы и разочарования; 2) атмосферу борьбы, связанной, пожалуй, и с некоторым риском; 3) более плодотворную замену того коллективизма («группировки»), который так неудачно формировался у них в обычных условиях мирной жизни.

Характерно, что (как это и бывает у всех психоневротиков) во время этих социальных прорывов заторможенной эмоциональности больные товарищи чувствовали себя великолепно, успокаивались, хорошо спали и т. д.: клокочущая аффективность, раньше свободно бродившая по организму, нашла себе «деловое» русло, прорвалась действительно во вне. Конец дискуссии был, вероятно, для значительной их части и концом временного их клинического улучшения (автору, к сожалению, не удалось проследить за этим процессом до конца, вследствие ряда сложных технических причин)...

Товарищи, впадавшие в психоневроз, достаточно часто (до 50%) отличались путаницей, неладами и в половой области. Среди мужчин, это либо длительные перед тем онанисты, которым трудно было впоследствии наладить прочную любовную привязанность, либо жаждущие частых половых перемен, ввиду притупления их половой чувствительности, на которую могло действовать лишь обостренное разнообразие,—либо это были попросту «принципиальные» половые путаники, находившие, что «оседлая» любовная жизнь «омещаневает», а потому создававшие в своих личных связях вечные «взрывы». Среди женщин—это либо долго сексуально голодавшие, либо глубоко оскорбленные в своем любовном стремлении (не ми-

*) См. послесловие к очерку.

рившиеся с чисто чувственным подходом к ним партнера), либо тоже запутавшиеся на неясности революционных половых принципов. До 50% этих психоневротиков, однако, никакими невязками в половой области не страдали,—лучшее возражение Фрейду, искавшему под психоневрозом всегда половые корни. Даже 50% запутавшихся, в подавляющем большинстве, заболели вовсе не от этой половой путаницы, а, наоборот, последняя возникала в результате общей социально-идеологической и деловой путаницы, хитро используя (паук) временную паразитическую установку заболевшего товарища.

Для конкретизации своего анализа приведем несколько иллюстраций из Вузовской практики.

1. Товарищ С., 22 лет, из мещанской среды, комсомолец, рабфаковец, стаж с 1918 года, страдает бессонницей, плохой умственной работоспособностью, большой раздражительностью, нелюдимостью, сильным сердцебиением, беспричинными страхами: вечно тяжелая голова, считает себя ни к чему не пригодным, разочаровался в партийных товарищах, в революционной современности, но не в самой идее революции. Медицинское исследование устанавливает ряд объективных расстройств нервной системы: повышенные сухожильные рефлексы, увеличенную сердечно-сосудистую возбудимость и проч. В прошлом у товарища С. имеется 2½ фронтовых года, связанных с серьезными рисками и ответственностью (комиссар полка), когда чувствовал себя вполне хорошо. С тех пор—«Нэп придавил»,—«деваться некуда стало»; «тоска и злость одна».—«Святые люди, уйдя из революционных боев, в прозе будней начали быстро прогнывать». (Товарищ С., не без литературного дарования—даны дословные его выражения). «Революция обязательно победит, и боевые годы даром не прошли, но слишком уж велика ее накипь;—дышать, жить противно, нет сил».—«Слишком много личных счетов и карьеризма, идейному порыву приткнуться некуда»,—(между прочим, т. С. обладает чрезвычайно слабой деловой инициативой, вялой реальной приспособляемостью, любит больше фантазировать, чем предпринимать. Неудивительно, что подступы к идейной работе кажутся ему такими тяжкими). Тов. С. неуживчив, часто меняет места своего обиталища и работы, никакое дело, в том числе и ВУЗ, его долго не удовлетворяет,—«учиться в ВУЗ'е нет охоты, т. к. идейный огонь выдохся,—девать учебу потом никуда не захочется». Харак-

терно, что этот пессимизм, несмотря на грубо давящее свое содержание, у т. С. не очень устойчив. При всей нелюбимости и скрытности С., он жадно прислушивается к каждому слову еще невыдохшегося революционного энтузиаста, к отдельным зажигающим статьям и речам,—с мукой, с большой надеждой, после долгих усилий, пытается он рассказать о своих мытарствах тщательно им избранному, чуткому собеседнику,—и охотно следует его советам, если организовано влиять на т. С. В такие «не одинокие» периоды он и в нервном отношении чувствует себя значительно лучше.

Волна германских событий и партдискуссия глубоко его захватили. Дискуссию, в которой он был на оппозиционном фланге, он считал внутренним самоочищением партии. «Давно уже не чувствовал себя так хорошо», говаривал он в дискуссионные недели, и, действительно, клинически он выглядел гораздо приличнее, хотя выступления его всегда носили резко невропатический характер. Неминуемое поражение оппозиции—превращалось в новый грубый удар для его нервной системы, симптомы снова возвращались, резко усугубленные,—но смерть т. Ленина снова и сразу поставила его на ноги. Обострилось чувство ответственности за партию, и увеличилась уверенность в собственных возможностях. Настроение выравнивается, нервные явления постепенно тускнеют. Конечно, этот процесс выздоровления в целом—будет разворачиваться медленно, но характерные его признаки налицо, а это главное.

Как видим, перед нами типичный случай клинического психоневроза, который старая неврология наверняка стала бы пичкать лекарствами, электризацией и прочей латинской кухней, в то время, как корни болезни здесь исключительно социальные (ложная социальная направленность),—и лечение должно быть социальное же (усиленное партийное перевоспитание).

II. Второй случай—не менее, если не более, характерен: т. П., 24 лет, из мещан, член РКП с 1918 года, страдает истерическими галлюцинациями, выкрикивает слова команды во время припадка,—тяжелые головные боли, полная невозможность умственной работы, бессонница. Боевые годы провел на фронтах, воевал с бандитами, с украинской контр-революцией, с Махно. Бывал во время захвата власти врагами и в подполье, откуда однажды наблюдал, в одиночестве, дикий бандитский погром,

оставивший неизгладимое впечатление, наполнивший его огромной, неиссякаемой злобой против белогвардейщины. Бывал в летучих ревтройках, часто подвергался смертельной опасности, всегда проявлял кипучую энергию, гибкость, неустрашимость, беспощадность к врагам, оригинально совпадавшую у него с необычайной нежностью к детям, которых он пытался всегда спасти—независимо от опасности, угрожавшей ему самому.

При переходе на мирное положение на его долю пришлось, во главе отряда Ч. К., завершающие стычки с мелкими охвостьями политического бандитизма в ближайшем районе, и борьба, там же, с уголовным бандитизмом. С 1922 года остается «не у дел», должен перейти на «спокойную» работу. Это его «не устраивает». Он всячески доказывает, что действительное успокоение еще не наступило, что враг лишь закопался глубже, что корни врагом пущены глубоко, что рано праздновать мир. Однако, боевых поручений у него больше нет, и на тихой административной работе он постепенно нервно заболевает. Торжествующие нэпманы, жирные и нарядные,—выставки в магазинах, обнаглевшая экономическая уголовщина,—все это приводит его в неистовство, лишает его покоя, умственной гибкости, доставляет ему грубую физическую боль. Появляются и все более обостряются, углубляются вышеуказанные нервные симптомы. При переходе т. П. в ВУЗ нервная болезнь препятствует ему успешно заниматься; появляются головные боли, отвращение к умственному труду. «Мы сейчас лишние здесь», скорбно говорит т. П., «сейчас нужны другие люди»,—«мы годимся лишь для опасности, для боя,—серенькая тишина нам не годится, и мы для нее не годны».

Объективное психофизиологическое исследование установило у т. П. полную сохранность всех умственных процессов, прочность его нравственных устоев, но, на-ряду с этим, развилась за последние полтора года склонность к частым—так называемым сужениям сознания (истерический сомнамбулизм), когда т. П. как бы переходит в другой мир, где и осуществляет свои вожеления, столь чуждые современной мирной реальности: он снова в боях, командует, гонится за противником, служит революции—по своему. Характерно, что германские события целиком оторвали его от истерии,—на протяжении четырех недель у него всего один припадок (до того, один-два припадков в день),—намеревался отправиться

в германское подполье. Затем автор потерял его из виду. Поведение П. во время дискуссии нам неизвестно. Но корни его психоневроза, корни глубокого упадка его работоспособности нам и без того ясны: это нерациональная реакция на Нэп, ложная целевая социальная направленность—при наличии сильнейших революционных качеств у т. П. При последних встречах с т. П. я рекомендовал ему идти на военную или военно-политическую работу, либо в заграничное коммунистическое подполье.

Белогвардейщина скажет: «садист, дегенерат,—заболел потому, что нельзя больше крови проливать». Личность т. П. лучшая отповедь для белогвардейской лжи: смиреннейший юноша до революции, приведенный в естественную ярость бандитской разнузданностью на юге, неистощимо нежный к детям, нравственно сверхщепетильный, сверхчуткий в отношениях к окружающим—садисты такими не бывают.

III. С третьим случаем обстоит не так благополучно.—Ф., 26 лет, интеллигентка, в РКП с 1919 года. Острая нервная возбудимость, трясется, дрожит, возбуждается от малейшего шума, сильные невралгические боли, которые врачами были признаны психальгическими (т.-е. не имеющими под собою органической почвы,—самовнушенными): постоянная тоска, грубая отвлекаемость, сильные сердцебиения, расстроенный сон; критический анализ не затронут; о наружности заботится энергично, несмотря на подавленное настроение.

Выяснилось, что в революцию пошла «чистой романтики ради»: ярко, возвышенно, героично. Была маленьким политкомом,—в фронтовых передрягах пришлось испытать много. Отступая с частью, была захвачена белогвардейской казачьей группой и изнасилована. После этого резкий перелом: отчаяние, от которого так и не оправилась больше;—чувство пустоты в себе и вокруг, постепенный отрыв от всего окружающего и нарастание вышеизложенных нервных симптомов. ВУЗ, куда она пошла для отвлечения, выхода ей тоже не дал, занятия не шли на ум. Во время единственной нашей медицинской встречи с Ф., она уже была исключена из РКП, как бесполезный элемент, и уезжала к себе на родину.

В этом случае характерна тяжесть, оказавшаяся непосильной для Ф., а именно факт изнасилования. Автору пришлось встретиться по меньшей мере с десятью партийными товарищами, изнасилованными в процессе кровавой борьбы с врагом, и лишь

Ф. и еще одна реагировали на это, как на непоправимое несчастье (между прочим, Ф. ни венерической болезни, ни беременности от насильников не получила). Остальные же, в общем вполне сексуально нормальные, одаренные здоровой женственностью, товарищи отнеслись к этому по революционному, считая, что кровавая борьба сопровождается всякими жестокими испытаниями и что надо быть способным вынести все; никаких идеологических кризисов после этого они не переживали. Лучшее доказательство тому, что при правильной, твердой социальной, классовой установке—одна сексуальность, даже самая тяжелая, не создает психоневроза, играя лишь второстепенную роль, служебную в отношении к социальному.

Из общей картины комстуденческих психоневрозов и из приведенных персональных иллюстраций явствует, что так называемая психотерапевтическая школа действительно права, предполагая под очень большим количеством нервных заболеваний почву—в виде «неправильных представлений» «самовнушений», «идейной путаницы» и проч. Приходится лишь искать коренную причину не в самих больных, а в окружающей их социальной среде, своим содержанием создавшей у них ложную социальную направленность, т.-е. неправильные реакции всего организма на ее (социальной среды) раздражения. При этом, конечно, надо всегда помнить, что подобная ложная социальная направленность вовсе не ограничивается сферой одних лишь представлений (как это предполагали Дюбуа, Марциновский и др. интеллектуалисты), т. к. нет в организме представлений, изолированных от прочих физиологических реакций. Ложная социальная направленность выражает собою дезорганизованную социальную установку всего человеческого тела в целом, со всеми его функциями, которые оказываются растревоженными—и в одинаковой степени и одновременно—с потрясениями в сфере так называемой идеологии. Вот почему психоневротик выступает перед нами не только как идейно заблудший, но и как потрясенный во всем своем психофизиологическом содержании организм. Вот почему одного лечения «словами» в таких случаях совершенно недостаточно (а психотерапия на 95% лечит словами, при чем отдельные школы сводят свой метод к словам на 100%). Необходимо менять вместе с тем и окружающую обстановку.

Как же отнестись нам к психоневрозам коммунистического студенчества? В чем их значение, и каков должен быть к ним подход.

Конечно, студенты коммунисты, заболевшие именно психоневрозами, принадлежат не к лучшим партийцам, т. к. в основном своем содержании психоневроз их почти всегда связан с идеологическими колебаниями. Причиной этой неустойчивости, с одной стороны, могут быть биографические допартийные данные (социальное происхождение, предыдущие политические колебания и проч.), — с другой стороны, неблагоприятное окружение уже в период партийной работы («склочная» атмосфера в районе, существование различных уклонов в местной организации и проч.). При второй категории причин, часть «виновности» психоневротика смягчается (если, конечно, не он является источником склоки), т. к. подобная окружающая обстановка сама по себе дезорганизует иногда и очень крепких, стажированных партийцев. Зачастую к числу причин психоневроза приходится отнести и деловую непригодность заболевших товарищей, иногда обусловленную, между прочим, нерациональным их использованием партаппаратом (что опять таки смягчает «криминальность» психоневроза).

Психоневротиков особенно часто выделяет наименее слаженная, наименее дружная, мало чуткая, слабо коллективизированная партийная организация (как видим, партийный коллективизм является не только ценным политическим орудием, но и великолепнейшим нормализующим средством в области физиологии). Свердловка, в разгар дискуссии и, особенно, в первые недели после конца ее, расколовшаяся на два отдельных лагеря, дала картину нараставшего обособления целых групп товарищей и выявила много новых психоневротических симптомов не только среди «побежденных», но и среди «победителей» (прочный массовый коллективизм, захватывающий целиком весь ВУЗ., является физиологически более мощно организующим, чем коллективизм отдельных, более мелких групп).

Очень часто почвой, возвращающей психоневроз, является также недостаточная идеологическая зрелость заболевшего, незначительная его марксистская, ленинистская нагрузка, благодаря чему у него не хватает диалектической гибкости — для

отражения мелких нападений советской повседневности (особенно это касается опять таки мещански-интеллигентских слоев, т. к. пролетарская часть берет зачастую в таких случаях чутьем, классовым инстинктом).

К сфере тех же причин надо отнести и неуменье продуктивно организовать свою умственную работу (часто здесь виноват ВУЗ), что озлобляет, удручает, изолирует и вызывает, вместе с тем, ряд побочных брожений, более глубоких.

От этих «извне» запутавшихся психоневротиков надо тщательно отличать запутавшихся «изнутри» товарищей, с врожденной психопатической конструкцией, или резко переистощившихся, у которых испорченный общий психофизиологический аппарат, конечно, может выявить себя и в идеологической порче. Между прочим, наиболее крепкие партийцы с особо стойким, длительным революционным прошлым даже при очень тяжелых биореактивных (в том числе и душевных) заболеваниях не переживают серьезных идеологических кризисов *).

Очевидно, среди этих психоневротиков, с партврачебной и контрольной помощью, надо отцедить тех, ложная направленность которых действительно обусловлена их неизлечимой идеологической хрупкостью (вроде нашего 3-го случая). Партия на них должна махнуть рукой, они—отрезанные ломти, и наличность их в молодых партийных рядах лишь вредна, т. к. своей эмоциональностью, обостренной возбудимостью, окрашенной обычно, как мы видели, в тона идеологических кризисов, они лишь вызывают ненужные брожения, напряжения, а иногда ложно направленной страстностью даже заражают других.

Но зато тем более внимательно и чутко должны мы отнестись к «не злобно» запутавшимся, к излечимым психоневротикам. Очень часто густота, яркость, мучительность их нервных симптомов—прямо пропорциональны силе их почему-либо закупорившегося внутреннего революционного устремления (2-й наш случай, например), которое и нужно рационально направить во вне, организовать, предварительно основательно и чутко выяснив, в чем же истинный корень этой закупорки. Усилия, направленные на лечение этой группы психоневротиков окупятся сторицей, т. к. психоневроз их поглощает лишь те силы, которые вре-

*) См. Очерки культуры, ст. „Заболевание коммунистов“.

менно, по недоразумению, не приложены к революционной действительности. Освободить эти силы для революции—значит лишить психоневроз его паразитического питания, и болезнь растает. В этом вся «философия» психоневроза, в этом и его физиология.

Ясно, что сочный коллективизм в среде молодежи, налаженная этическая самодисциплина, братская связь в идейных исканиях, взаимное оплодотворение яркими культурными впечатлениями, радостная политическая активность вокруг, общая чуткость, гармонизированная половая жизнь в ВУЗ'ах, хорошо организованная учебная жизнь—все это явится наилучшей «психотерапевтической атмосферой», которая растворит в себе психоневроз, без остатка. Последующие наши очерки являются попыткой внести некоторую ясность в вопрос о методике построения этой психотерапевтической атмосферы («этика и быт», «половая жизнь», «умственная деятельность»). Конечно, эти очерки исчерпают лишь незначительную часть всего вопроса.

Много ли этих психоневротиков среди коммунистического студенчества?

На основании случаев, попавших в поле зрения автора, исчерпывающие статистические обобщения были бы преждевременны. На основании имеющегося в нашем распоряжении материала, можно предположительно высказать, что до четверти всего нервно-больного комстуденчества страдает психоневрозом,—притом меньшая часть—в идеологически неизлечимой форме. Однако, во всяком случае это достаточно крупная цифра, чтобы считать вопрос очень серьезным. Он тем более важен, что самая конструкция психоневротика располагает, с одной стороны, к дальнейшему росту болезни, если во-время не приостановить процесс,—с другой стороны, психоневротик быстро и глубоко заражает других своей эмоциональной силой.

Насколько же велик вообще процент нервно-больного комстуденчества?

Об этом судить еще труднее. По мнению ряда врачей, он составляет не менее 40—50% всего состава; конечно, глубоких клинических больных среди них гораздо меньше: 10—15%. К сожалению, нет пока еще убедительной, четкой статистики. Однако, если на сотню партийных товарищей студентов

придется 3—4 «хороших» психоневротика,—это более, чем достаточно.

Проблема психоневроза среди комстуденчества является лишь частью общей проблемы «о психоневрозах в РКП», но, с одной стороны, автор коснулся уже однажды ее (статья «Язвы РКП» в «Правде», перепечатанная в «Очерках культуры революц. времени»), с другой стороны, этому вопросу здесь не место.

Р. С. Самая нелепая критика—это критика, построенная на непонимании критикуемого произведения. Такая критика возможна особенно в подходе к данному очерку. «Близоруким» покажется (как казалось некоторым—по «Язвам РКП»), что социологический анализ корней внутрипартийных процессов подменяется здесь неврологическим подходом. Однако, всякий непредвзятый читатель не согласится с этим кривотолком. По всему очерку явственно выступают социальные первопричины «психоневротических—брожений» комстуденчества (социальное происхождение, допартийный стаж, общие колебания революционного процесса, внутрипартийные течения социального характера и т. д.),—и «психоневроз» рассматривался, как биологическая реакция на эти социальные раздражения, как продукт социальности. Ни в малейшей степени не предполагает автор, что эти «психоневротические брожения» каким-то особым, самостоятельным путем активно влияют на общий ход партийной жизни: проблема «партипсихоневрозов» —не в центре, а в периферии партгигиены,—иначе это автору никогда и не мыслилось. В центре же—социальная диалектика, внутри которой как корни, так и целебные и «фильтровочно-хирургические» (чистка) средства для партипсихоневроза. «Суровых» критиков прошу еще раз внимательнее перечитать и данный очерк и «Язвы РКП».

Этика, быт, молодежь.

Э Т И К А.

Старая нравственность умерла, разлагается, гниет. Эксплуататорские классы, создавшие ее для себя, для своей самозащиты, больше истории не нужны, и подавляющее большинство человечества начинает вести себя совсем не так, как буржуазии хотелось бы. На авансцену истории выдвигается новый господствующий класс,—он начинает строить свои собственные правила поведения, свою этику.

Этика, нравственность всегда была сборником фактических правил классовой самозащиты; она учила, как следует поступать в том или ином случае с точки зрения классовой целесообразности. Такой же, очевидно, должна быть и будет новая классовая этика,—этика пролетариата; она должна дать правила поведения, полезные с точки зрения революционно-пролетарской целесообразности.

Этика исчезнет лишь тогда, когда сгинет и классовая борьба, так как в этот исторический период не понадобится уже особых правил для особого, «классового» поведения, противопоставленного другому, враждебно-классовому поведению: коллективизированное человечество будет пропитано общими, едиными устремлениями и будет регулироваться в своих проявлениях совершенно иными законами, чем те, которые существуют в классовом обществе. Доисторический период развития человечества перейдет тогда в исторический.

Для переходного же времени, для периода обостренной классовой борьбы пролетариата, ему этика необходима. Какова же она?

Явится ли пролетарская этика прямой противоположностью буржуазной? Если буржуазия требовала «не украдь», «не пожелай жены, вола... и проч. ближнего своего», «чти отца», «не

прелюбодействуй»,—значит ли это, что пролетариат должен требовать поведения «наоборот»:—«укради», «пожелай», «не чти», «прелюбодействуй»?—Конечно, нет.

Как и во всей своей классовой деятельности, в построении этики пролетариат поступает диалектически. Он первым долгом заглядывает в первоисточники этики, в основу классового бытия, в производственные корни, питающие класс.

Этика—непосредственное отражение производственного бытия класса. В частности, буржуазная этика—сборник правил по наилучшей защите капиталистических производственных отношений, основанных на принципе частной собственности. Отсюда, право на украденную частную собственность, право на эксплуатацию меньшинством большинства, требование покорности со стороны эксплуатируемого большинства, освящение неизбежного экономического хаоса («пути господни неисповедимы»), вытекающего из собственнических, т.-е., в конечном счете, неорганизованных отношений, и парящая над всем этим неумолимая, вездесущая воля божия, в различных ее философских и будто бы научных маскировках,—вот в чем заключается основное содержание буржуазной этики, этого сборника основных правил поведения, нужного для эксплуатации буржуазией масс. Все, что идет против этих божественных правил, безнравственно, преступно, подлежит беспощадному уничтожению.

Производственные отношения, производственные интересы, выдвигающие пролетариат на победоносную революционную борьбу и на захват производства в свои руки—для передачи его затем всему человечеству,—конечно, не похожи на буржуазные.

Против частной собственности—за общественную, за коллективную собственность,—против индивидуалистического распыления буржуазных человечков—мощная общность интересов всех пролетариев. Вместо себялюбивого индивидуализма буржуазной этики—пролетарский коллективизм нашей этики.

Против экономического хаоса, порожденного индивидуалистическим раздроблением хозяйства,—против нелепых экономических кризисов и прочей капиталистической бестолковщины—закономерно организованное общественное производство и общественное распределение, закономерная организация всего хозяйства,—организованные, согласованные, дисциплинирован-

ные действия всего класса в целом. Взамен освященного богом хаоса буржуазной этики—организация пролетарской этики.

Против рабьей покорности масс, одурманенных, запуганных, обманутых, действующих лишь по инерции, в слепую, автоматически (будто быков ведут на бойню)—за смелую, боевую активность, за революционную чуткость и гибкость, за беспощадную борьбу, проникающую в первопричины эксплуатации. Взамен инертного пассивизма буржуазной этики—диалектический активизм пролетарской этики.

Против бога, этого адвоката эксплуатации, во всех его видах и подвидах, против мистической гнили, хотя бы и защищаемой под флагом науки, против трусливых повязок на глазах, мешающих видеть классовую истину,—за отчетливое, острое знание всего, за исчерпывающий объективный анализ всей жизни и общественных отношений—в первую голову, за научно-материалистическое обнажение всех пластов мироздания в их историческом развитии, с их неиссякаемой борьбой противоречий. Мертвый мистицизм буржуазной этики заменяется диалектическим материализмом пролетарской этики.

Итак коллективизм, организация, активизм, диалектический материализм,—вот четыре основных, мощных столба, подпирающих собою строящееся сейчас здание пролетарской этики,—вот четыре критерия, руководясь которыми всегда можно уяснить, целесообразен ли с точки зрения интересов революционного пролетариата тот или иной поступок. Все, что способствует развитию революционных, коллективистических чувств и действий трудящихся, все, что наилучшим образом способствует планомерной организации пролетарского хозяйства и планомерной организации дисциплины внутри пролетариата,—все, что увеличивает революционную боеспособность пролетариата, его гибкость, его умение бороться и воевать,—все, что снимает мистическую, религиозную пленку с глаз и мозга трудящихся, что увеличивает их научное знание, материалистическую остроту анализа жизни,—все это нравственно, этично с точки зрения интересов развивающейся пролетарской революции,—все это надо приветствовать, культивировать всеми способами.

Наоборот,—все, что способствует индивидуалистическому обособлению трудящихся,—все, что вносит беспорядок в хозяйственную организацию пролетариата,—все, что развивает классовую трусость, растерянность, тупость,—все, что плодит у трудящихся суеверие и невежество,—все это безнравственно, преступно,—такое поведение должно беспощадно пролетариатом преследоваться.

Отсюда нам становится, сейчас, доступной и критика отдельных правил буржуазной этики. Мы можем любое правило поведения эксплуататорской этики заменить вполне конкретным, практическим соображением, направленным на защиту классовых интересов пролетариата.

«Не укради» эксплуататорской библии давно и хорошо было заменено этической формулой товарища Ленина: «грабь награбленное», которая является лишь русским видоизменением Марксовой формулы: «экспроприация экспроприаторов».—Конечно, товарищ Ленин вовсе не освящал огульного грабежа, а лишь доказывал, что ограбленное буржуазией у трудящихся должно быть возвращено обратно трудящимся. Следовательно, здесь нет и речи о праве на кражу всяким у всякого. Все богатства принадлежат создавшим их, т.-е. трудящимся, и потому трудящиеся имеют право использовать эти богатства для своих нужд: отсюда—экспроприация буржуазии в период военного коммунизма была этична, экспроприация Советской, т.-е. трудовой властью церковных ценностей, во время голода, была этична, как ни вопили против этих экспроприаций апостолы буржуазной этики, т.-е. апостолы частной собственности. Но отсюда вовсе не значит, что бандит, нападающий на гражданина, хотя бы и нэпмана, и присваивающий себе его имущество, тоже поступает этично. Его поступок—грубейший, хамский индивидуализм, заключающийся лишь в переброске денег из одного собственнического кармана в другой, собственнический же, карман. Поэтому такого бандита, как поступившего с пролетарской, коллективистической точки зрения безнравственно, да еще подрывающего при этом авторитет пролетарской власти, нарушающего общественное спокойствие трудящихся,—пролетарская власть и будет беспощадно преследовать. Экспроприация экспроприаторов нравственна лишь тогда, если она идет на пользу всем трудящимся и пролетариата в первую голову, и если она организованно выполняется по приказу дей-

ствительной власти трудящихся (ее администрации, партии, профсоюза). Только такое «укради»—этично, нравственно, так как оно содействует благу пролетарского коллектива (коллективизм), стойкой организации его власти (организация), увеличению его боеспособности и сознательности (активизм, материализм).

«Не убий»—собственно говоря, для буржуазии—было ханжеской заповедью, т. к. она великолепнейшим образом убивала, когда это ей было нужно, и всегда получала потребное для этого божье благословение. Пролетариат—первый в истории класс, который не прибегает к ханжеству, подойдет к этому правилу вполне откровенно, строго—по-деловому, с точки зрения классовой пользы—диалектически. Если человек крайне вреден, опасен для революционной борьбы, и если нет других способов предупреждающих и воспитывающих на него воздействий,—ты имеешь право его убить, конечно, не по собственному решению, а по постановлению законного твоего классового органа (в минуты острой опасности, конечно, ждать такого постановления было бы бессмысленно, но ты всегда обязан потом немедленно отчитаться перед классовым органом в этом действии). Убийство во имя сведения личных, собственнических счетов, убийство по произволу—безнравственно с точки зрения пролетарской этики, преступно, должно жестоко караться пролетарской властью. Убийство злейшего, неисправимого врага революции, убийство, совершенное организованно классовым коллективом—по распоряжению классовой власти, во имя спасения пролетарской революции—законное, этическое убийство, законная смертная казнь. Пролетариат не жесток и при первой возможности заменит казнь более легкой степенью наказания, если острота опасности притупится, но в этой замене нет никакого псевдофилософского ханжества, т. к. метафизической самодовлеющей ценности человеческой жизни для пролетариата не существует.

Для него существуют лишь интересы пролетарской революции, интересы борьбы за освобождение человечества от эксплуатации.

«Чти отца»,—пролетариат рекомендует почитать лишь такого отца, который стоит на революционно-пролетарской точке зрения, который сознательно и энергично защищает классовые интересы пролетариата, который воспитывает детей

своих в духе верности пролетарской борьбе: коллективизированного, дисциплинированного, классово-сознательного, революционно-смелого отца. Других же отцов, враждебно настроенных против революции, надо перевоспитать: сами дети должны их перевоспитать (что и делают сейчас комсомольцы, пионеры). Если же отцы ни за что не поддаются этому революционизирующему воспитанию, если они всячески препятствуют и своим детям воспитываться в революционном духе, если они настойчиво пытаются сделать из своих детей узких хозяйчиков, мистиков,—революционным детям не место у таких родителей: после энергичной борьбы, если она оказалась безуспешной, дети этически вправе покинуть таких родителей, т. к. интересы революционного класса важнее блага отца. Самодовлеющего «отцовства» для класса нет, нет и самодовлеющего «почитания» отцов.

«Не прелюбы сотвори»,—этой заповеди часть нашей молодежи пыталась противопоставить другую формулу—«половая жизнь—частное дело каждого», «любовь свободна»,—но и эта формула неправильна. Ханжеские запреты на половую жизнь, неискренне налагаемые буржуазией,—конечно, нелепы, т. к. они предполагали в половой жизни какое-то греховное начало. Наша же точка зрения может быть лишь революционно-классовой, строго деловой. Если то или иное половое проявление содействует обособлению человека от класса, уменьшает остроту его научной (т.-е. материалистической) пытливости, лишает его части его производственно-творческой работоспособности, необходимой классу,—понижает его боевые качества,—долгой его. Допустима половая жизнь лишь в том ее содержании, которая способствует росту коллективистических чувств, классовой организованности, производственно-творческой, боевой активности, остроте познания (на этих принципах и построены половые нормы, данные автором в статье ниже).

И т. д., и т. д.,—из этих примеров мы видим, что организованный, активный и материалистически-сознательный коллективизм является нравственным оселком, на котором можно безошибочно испытывать революционную остроту, классовую правильность того или иного нашего поступка. Вся наша жизнь, весь наш быт должны строиться именно на этих принципах.

Наш быт—ведь это наше поведение, наше классовое поведение, и этика, сборник правил классового поведения, учит

нас практически, как строить наш повседневный быт. Быт и есть основная почва, к которой прилагаются этические правила,—при чем необходимо оговориться, что в военную полосу жизни пролетариата (а сейчас, все эти годы, именно такая полоса,—вплоть до конечной победы рабочего класса)—боевые элементы его быта неотделимы от прочего быта. Военный лагерь сейчас такая же часть пролетарского быта, как и домашний очаг, как и производство.

Н О В Ы Й Б Ы Т .

Как же нам строить этот новый быт,—быт, основанный на принципах революционной, пролетарской целесообразности.

Имеются товарищи, утверждающие, что мы-де все великолепно знаем, каков должен быть новый быт, что-де не быт строит революцию, а революция строит быт,—незачем и голову ломать над этим вопросом.

Этот своеобразный, хотя и не столь редкий «марксизм-фатализм» так же нелеп, как и его антипод «ура-марксизм», требующий немедленного, вот сегодня же, осуществления всех норм коммунистического быта, не взирая ни на что, и впадающий в сумасшедшую тоску, если вожделенный план не осуществляется.

Правда лежит по середине. Ориентируясь на далекую, конечную революционную перспективу, ни на миг о ней не забывая, новый быт все же надо строить, применяясь к реальным возможностям сегодняшнего дня,—но строить надо энергично, не дожидаясь, когда он сам «построится», так как надстройки (а быт ведь надстройка) очень косны, формируются туго, и если их не подогнать,—народится рядом с политическим меньшевизмом также меньшевизм—бытовой.

Но куда, в каком направлении строить—и что именно, какие здания следует строить—вот вопрос, далеко не разрешенный для новобытчиков. Стратегия и тактика в области нового быта—проблема не менее сложная, чем экономическая политика. Сюда привмешивается столько взаимно противоречащих факторов,—горизонты в этом вопросе еще настолько туманны, что путаница обеспечена, конечно, на долгий срок. Между тем, новый быт, несмотря на нудную «принципиальную» критику, волей масс, выявленной в решениях многих конференций и съездов, становится первоочередным и боевым вопросом советской общественной работы, привлекая жгучее внимание

рабочей аудитории, особенно молодой ее части: создаются кружки по изучению и формированию нового быта, продельваются довольно многочисленные, иногда очень ответственные пробы. Какое же дать направление этому движению?

Основной вехой в этом вопросе, как и всегда в нашей политике, должна быть, понятно, революционная целесообразность. Действительно новым бытом является все то, что содействует наиболее интенсивному и плодотворному росту революционных сил. Отсюда уже все прочие «качества» нового быта.

С точки зрения революционной целесообразности, все вопросы нового быта можно бы схематически разделить на три области: 1) новый быт в области возрождения нашего хозяйства; 2) новый быт в области культурно-идеологического нашего роста; 3) новый быт в области физического нашего оздоровления (санитарно-гигиеническая область нового быта). Конечно, все эти области органически между собою связаны (вопросы здоровья и культуры неотрывны от вопросов хозяйства), но подобное разделение имеет в себе ряд технических удобств, почему им и следует воспользоваться.

Новым бытом в хозяйственной области является все то, что возрождает наше союзное хозяйство, все то, что оплодотворяет и укрепляет нашу социалистическую экономику. Экономика не отрывна от быта, быт вторгается в нашу экономику, как в плохом, так и в хорошем своем содержании. Служащий или рабочий, лодырничавший на советской государственной фабрике, сквозь пальцы смотрящий на зря утекающее советское богатство, не делающий конкретных предложений об улучшении производства, не старающийся улучшить производительность труда свою и товарищей,—это старый быт. Гражданин, потворствующий разнузданию нэповской торговли, не поддерживающий общественной кооперации, не дающий советов о наилучшей постановке кооперации,—это старый быт. Крестьянин, застывший на до-революционных способах землепользования, не развивающий у себя кооперативных форм труда и потребления, экономически поддерживающий кулака и торговца,—это старый быт. Советский работник, неорганизованно растрачивающий свое время, не воюющий с бестолковой утечкой времени у других или благодаря другим, способствует обкрадыванию революции,—это старый быт. Человек, органической частью совести

которого является советская хозяйственная совесть,— человек, оберегающий советское время и советское добро, укрепляющий советскую промышленность и торговлю, содействующий кооперации, улучшающий середняцкое и низовое сельское хозяйство—это новый быт. Быт вовсе не ограничивается семьей, домашним очагом. Советская общественность, массовая трудовая общественность расширила рамки быта вплоть до мельчайших закоулков государственного строительства, где гражданин не является чиновником, и где его не опекают, а где, наоборот, он сам ответственно строит. Это—органическая часть его жизни, это органическая часть его быта. В СССР—рабочий на фабрике, совработник в канцелярии, учитель в школе—это не только производство, не только служба, но и быт, кровно близкий всякому трудовому гражданину СССР, как и его личный быт.

В культурно-идеологической области первым вопросом нового быта является ликвидация неграмотности. Не умеющие читать будут плохими помощниками по построению социалистического хозяйства. Профсоюз, ячейка, фабрика, волость, семья, насчитывающие в своем составе много безграмотных,—это старый быт. Общественное мнение, клеймящее позором всякого безграмотного,—общественная и личная активность, направленная на уничтожение своей и чужой безграмотности, на воспитание любви к книжке, на воспитание умения пользоваться книжкой,—это новый быт. Революция будет крепнуть прямо пропорционально росту процента грамотности, вот хорошая главная заповедь для строителей нового быта. Не менее существенной стороной нового быта в культурно-идеологической области является рост политической сознательности масс. Кумушки и Бобчинские, сплетничающие о развале в РКП, о крахе Соввласти, ожидающие пришествия Врангеля «со французы»,—старый быт, который надо выжигать каленым железом. Отчетливое понимание классового построения Соввласти, международного нашего положения, экономической нашей политики, отношения нашего к крестьянству, значения Красной армии,—активное, организованное участие в манифестациях, в общественных собраниях, селькоры, рабкоры,—все это новый быт. Религиозная отрыжка во всех ее видах—старый быт,—естественно-научная грамотность вместо евангелия, талмуда, корана,—клуб—вместо церкви, синагоги, мечети,—красные галстуки и портреты Ленина вместо крестиков

и ладонок,—это новый быт. Отучить от ругани, карт, пьянства, мордобоя,—клуб вместо пивных,—это тоже новый быт. Связь пролетарских родителей с советским детским садом и советской школой, помощь родителей пионерской организации, политическая и антирелигиозная пропаганда пионеров и комсомольцев среди своих родителей,—это новый быт. Как видим, имеется ясный и обильный материал для построения нового быта в культурно-идеологической области.

Санитарно-гигиеническая часть нового быта должна впервые дать трудовому населению то здоровье, которого не мог ему предоставить феодально-буржуазный режим. «Вошь—вот сейчас злейший контр-революционер», говаривал часто т. Ленин во время сыпняка.—«Научить детей и их родителей чаще мыть руки—это огромный революционный сдвиг», неустанно твердит сейчас и т. Крупская. Научить себя и других гигиенически обращаться со своим телом, с одеждой, жилищем, с постелью, с пищей,—яростная борьба с грязью во всех ее видах,—вытренировать, укрепить, закалить, организовать все свои физиологические процессы,—наложить тормоза классовой скупости на половую разнузданность, оставленную нам буржуазией (переведа тем резервы энергии на культурное творчество), отучить от нелепого курения и пьянства,—все это массовый новый быт, который создаст нам здоровую, чистоплотную, закаленную, боеспособную, производственно прочную, творчески-богатую трудовую массу,—ту массу, с которой революция не может не победить.

Итак, вот перед нами неисчерпаемый материал для построения нового быта. Из пальца высасывать его, как видим, не приходится. Была бы лишь охота и умение его строить. Однако, при этом необходимо помнить одно условие: надо всячески разгрузить семью от повседневных ее хозяйственных, воспитательных и прочих забот, иначе ток советской общест-венности будет проникать в нее очень туго. Отсюда все то, что помогает организации общественных столовых, прачешных, домов-коммун,—все ясли, детские сады, детские площадки, детские дома, пионерские отряды,—все то, что способствует раскрепощению семьи от мелочей повседневности и вливает освобожденную энергию в русло общественной активности,—все это крупнейшая предпосылка нового быта, требующая напряженной энергии со стороны ее творцов.

Первым объектом для воспитания в духе нового быта должна быть женщина, обычно наиболее прочный и косный защитник старых заветов.

Но как быть, спросят нас, с героическими попытками строить идеальные, исчерпывающие опыты «абсолютно коммунистического» быта. Ведь, раздробив новый быт на детали, мы распыляем, скажут нам, конечный идеал, и для устроителей нового быта не будет образца, которому следовало бы подражать.—Конечно, против хорошо поставленной попытки возражать не приходится. Но, во-первых, массовыми подобные пробы сейчас не могут сделаться, ввиду отсутствия общесоциальных к тому предпосылок. Во-вторых, плохо верится в идеальный эффект подобных, даже изолированных, попыток. Не выросшие из массовой естественной необходимости, в большей своей части надуманные, они, даже в случае сомнительной удачи (как им избавиться от внешнего просачивания?), угрожают выродиться в сектанские ячейки, нетерпимые и потому пропагандистски бесплодные. Лучше бы использовать энтузиастический заряд, который действительно содержится в этих энергичных экспериментах, не на тепличную, а на массовую работу по строительству нового быта. Этот заряд там очень и очень пригодится...—Но где же здесь коллективизм, материализм, организованность, диалектический активизм?—спросит нетерпеливый молодой читатель.—«Учить азбуке и борьбе со вшами, да разве это коллективизм, диалектический материализм,—это обычные вопросы простой культурности и только».—«Можно быть грамотным, чистым,—и великолепнейшим образом верить в господа бога».—«Какой революционный коллективизм в кооперации, если на кооператорстве западные да и русские меньшевики (ревизионисты) собирались провалить революционно-боевую работу пролетариата».—«Вот английская буржуазия блестяще распределяет свой день, идеально занимается спортом, а до пролетарской революции ей как-будто далеко».—«Где же во всем этом нашем строительстве специфически пролетарское,—то, к чему действительно следовало-бы прикрепить нормы нашей пролетарской этики?»

Подобный вопрос имел бы серьезное значение в буржуазном Западе, где быт складывается, преимущественно, по указке буржуазии, где буржуазия—прогнаивает своим смрадным дыханием и печать, и искусство, и школу, и санитарию,—и всю науку.

Там сейчас, в самый разгар начала кровавой революционной борьбы, такое культурническое мелкоделие было бы далеко не первоочередной программой пролетариата, не первую часть его этического плана. Стачки, забастовки, собирание оружия, подготовка вооруженного восстания, борьба со штрейкбрехерами, самая энергичная экономическая, политическая, революционная агитация—вот что является для западного пролетариата первоочередной, первоэтической программой сейчас. Правила наилучшей подготовки внутри своей страны вооруженного восстания,—вот первый отдел пролетарской этики наших западных братьев. У нас же, в Рабоче-Крестьянском Советском Союзе, где власть принадлежит пролетариату, и где наша революционная участь сейчас, в первую очередь, зависит от наших строительных способностей, не менее, если не более, важной главой этики (воевать рабочие и крестьяне СССР привыкли, более или менее они всегда к этому готовы)—является сборник правил по наискорейшему хозяйственному, культурному и санитарному возрождению СССР.

От этого, именно от этого родятся и прочие наши качества, в том числе, на первом плане, и боеспособность наша. Ну, какие же мы бойцы, если у нас не будет хороших оружейных и химических заводов, если железные дороги наши будут скверны, если по неграмотным войскам нашим пойдут гулять сыпняк и холера. А возможно ли добиться крепкого улучшения в этих областях без хозяйственного и без культурного нашего укрепления? В то время, как хозяйственное улучшение Запада является злейшим тормозом, хотя бы и временным, для пролетарской революции,—наше хозяйственно-культурное улучшение—вернейший залог революционной победы. Поэтому наш строительный бытовой план действительно революционно целесообразен, так же, как и на Западе, наиболее этическим является сейчас планирование вооруженных революционных боев, чем неукоснительно и занят теперь Коминтерн.

— «Но при чем же, все-таки, здесь коллективизм, диалектический материализм и прочие этические наши «столпы»,—продолжает вопрошать наш суровый критик.—Да, притом, что возрождающимся трудовым массам СССР некуда податься, кроме наших четырех столпов, если они действительно возрождаются, и если СССР действительно останется СССР, т.-е.

Рабоче-Крестьянским Союзом Советских Республик. Ведь, если будет крепнуть и пухнуть НЭП, а наша государственная индустрия и техника захиреет, если кулак расцветет, а кооперация вместе с середняцким и бедняцким крестьянством поникнет, если всеобщая грамотность затормозится, а пьянство гордо подымет голову,—тогда мы получим и индивидуализм, и хозяйственную дезорганизацию, и ослабление активности действительно трудовых масс, и религиозное околпачивание, т.-е. как раз те черты, которые этичны для буржуазии, а для нас безнравственны. Если же мы добьемся всеобщей грамотности,—если научить трудовые наши массы читать, научить понимать нашу общественную жизнь, не отравленную гнилой ложью буржуазной печати,—мы этим посодействуем общегосударственной сплоченности, т.-е. росту нашего коллективизма, коллективизма трудящихся. Рост советской государственной сплоченности—это и есть рост международного коллективизма трудящихся,—это и есть коллективистическая, революционно-классовая, международно-пролетарская замена старого, обособленного, индивидуалистического, себялюбивого, эксплуататорского национализма.

Если мы улучшим сельское хозяйство бедняка, середняка, при гегемонии государственной советской промышленности и индустрии,—что это значит? Это значит, что крестьянин становится покупателем наших государственных изделий,—это значит, что мы увеличиваем вывоз хлеба за границу, укрепляем нашу валюту, делаем ее независимой от заграничной спекуляции на наш счет, т.-е. делаем мощным наше организованное, плановое, социалистическое хозяйство.

Если мы научим трудовое население бороться с заразными болезнями, с засухой, с градом, с морозами, если уничтожим стихийную зависимость трудового крестьянина от природы,—не будет ли это густейшей струей воды на колеса материалистической мельницы, не ослабит ли это религиозный дурман?

Грамотный, политически-сознательный, сытый реалист-хозяйственник, наш гражданин СССР не даст никому в обиду своего родного Советского Союза,—он сделается революционным, боевым активистом (конечно, специально-боевой, вооруженной, полевой активности его надо обучить особо,—и сугубо внимательно).

Крепнущая государственная индустрия, сельско-хозяйственная пропаганда, борьба с частным торговцем и кулаком—все это крепит кооперацию, а кооперация в советском строе—наилучший способ воспитания того же организованного коллективизма.

Мелкоделие ли это? Конечно, нет.—Специфически-пролетарское ли это дело? Конечно, да.—Если бы руководил этим делом не пролетариат, а буржуазия,—та же индустрия, то же улучшение сельского хозяйства, та же кооперация были бы только лишней тяжелой гирей на ногах измученного в революционной борьбе рабочего класса. У нас же они служат именно коллективизму, организованности, активизму, материалистической идеологии.

Прямая пропорция: больше грамотных, больше сытых крестьян-бедняков, больше чисто вымытых детей из трудовых семей—это значит крепче кооперация, сильнее госпромышленность,—это значит глубже, сочнее коллективизм, организация, материализм, боевая активность. Ведь стоит ему, прозревшему и окрепнувшему гражданину нашей СССР, снова втянуться в лень, мистику, обособленность,—к чему это приведет? К бессилию перед природой и к беспощадной оторванности от хозяйственного коллектива, к голоду, страданиям,—на собственной шкуре он познает пользу коллективизма, организованности, активности и научно-материалистического знания. Тем лучше он это познает, что религиозным колдунам сейчас трудно будет отвлечь его от земного, утешить небесными обещаниями: без государственной опоры религия гибнет, безвозвратно гибнет.

М О Л О Д Е Ж Ь.

Какова же роль красной молодежи в проведении норм пролетарской этики, в построении нового быта? Как и во всем—быть инициаторами, пионерами, застрельщиками, показательным примером.

Конечно, молодежь должна в первую голову, раньше всех, лучше всех—быть особо глубоко материалистически сознательной, организованной, смелой, коллективизированной. Дух классового товарищества, боевой решительности, деловой плановости,—критического, острого знания должен пронизать собою все переживания, все поступки, весь быт нашей молодежи. Остальное уже отсюда.

Молодежь должна «заболеть» непрерывным зудом пролетарской совести. Всегда напряженно-внимательная, всегда на-чеку, всегда на страже интересов пролетарской революции,—всегда, во всем, всякому пример.

Начать надо с себя, в первую голову надо «этически» перестроить свой собственный быт.

Максимум товарищеской солидарности, сотрудничества, общения, максимум организованности и экономии сил в работе и в прочем времяпрепровождении, в использовании советского добра, беспощадная, остро-пытливая, научно-материалистическая критика всего, что попадает под руку, без тени малодушного легковерия,—революционная бодрость, мужество во всем—вот по какому плану должно строиться здание быта нашего молодняка, безразлично, где бы он не находился, в ВУЗ'е, совпарт-школе, фабзауче, Красной армии, на производстве, в деревне.

Настойчивая борьба за экономию времени, за рационализацию работы, за классовую честность и смелость; ожесточенная борьба с бесплодной утечкой классовой энергии, в том числе и половой (см. очерк ниже). Непримируемая ненависть ко всякому индивидуализму, самообособлению, мещанству; неутомимая, жадная, острая, научная критика всего; учиться, учиться, всегда учиться.

Неиссякаемое, напористое классовое беспокойство (не лихорадочное, нервное, истерическое беспокойство истрепавшихся людей, а твердое, мужественное беспокойство в и е, диалектически всегда необходимое в боевые годы революции).

Всегда на-чеку, всегда настороже, всегда готовый притти на помощь, всегда готовый при классовой необходимости и сам воспользоваться этой помощью, без того ложного эгоистического стыда, который столь свойственен «гордому» мещанину.

Острый, чуткий, сосредоточенный взгляд, немедленно улавливающий всякий беспорядок, вредный для класса. Разумное, твердое, гибкое вмешательство в этот непорядок, с привлечением всех нужных лиц, органов, организаций.

Вот как должен строить свой быт, строить свое поведение наш красный молодняк. Его идеалом во всем должен быть старый большевик. Каков, по своей революционной этике, старый костяк нашей партии,—такова должна быть и наша красная молодежь.

Что характеризует собою типического старого большевика, того большевика, который создал РКП, который строит Коминтерн, который и сейчас «делает основную погоду» в Коммунистической Партии? В миниатюре он представляет собою то, что в колоссальном увеличении характеризует личность нашего учителя т. Ленина.

Ленин—мощный прообраз, сверхконцентрированный тип большевика.

Каков Ленин?

С ранних лет т. Ленин проходит перед нами, как насыщенный колоссальной энергией психофизиологический аппарат, обладавший неисчерпаемыми возможностями напряжения и возбуждения, неиссякаемой силой для устремления вперед, неистощимым боевым резервуаром. Максимальная концентрация, организованность, величайшая революционная целеустремленность характеризуют товарища Ленина во все годы его общественной жизни.

Огромная динамика, не мирившаяся с прозябанием, праздностью, требовавшая,—жадно требовавшая неперменного явления во внешних общественных действиях. Необычайная реалистическая восприимчивость, обостреннейшая чуткость к конкретным явлениям, точное улавливание мельчайших конкретных деталей, которые скрадывались, обычно, во внимании подавляющего большинства окружающих, изумительная точность расчетов. Блестящая самоорганизация во всей, как научной, так и практической политической деятельности, чрезвычайно сильно развитое чувство делового ритма, умение во-время уловить нужное, отмести лишнее,—способность к острому и планомерному учету всех полезных элементов прошлого опыта; жесточайшая требовательность к себе и другим, выбор наименеешей реакции в ответ на требования жизни. Необычайная гибкость, подвижность интеллектуального аппарата, колоссальное умение получить максимальную синтетическую обработку впечатлений при минимальной затрате сознательного, нарочитого, волевого усилия; необычайная легкость, продуктивность, быстрота творчества при наилучшем использовании так называемого творческого подсознания, творческих автоматизмов. Огромное развитие исследовательской, критической

ненасытности: пионерские, инициаторские вщупывания, внедрения в новое,—страстное тяготение к этому новому, при великолепном исследовательском анализе, при почти пророческой прозорливости. И все это при величайшем с о ц и о ц е н т р и з м е, т.-е. полном отвлечении от своего «я» в сторону общественности, организованной общественной деятельности; всегда с партией, с массой и всегда неизменно—бодрый, радостный, подъемный, сверхскромный в своих житейских требованиях и вкусах, товарищески-чуткий ко всем *).

Товарищ Л е н и н не чудо; он такой же, лишь во много раз более концентрированный, продукт истории, как и все мы. Революционная современность, идущий к победе рабочий класс—наделили своего вождя наиболее нужными для победы свойствами, сделали его идеальным типом пролетарского революционера, идеальным типом коммуниста, идеальным предтечей, показательным примером, олицетворением этого грядущего коммунистического типа.

Подобный тип уже зарождается, уже развивается в современных, невыразимо-тяжелых условиях революционной борьбы пролетариата.

Равняться на этот тип—святое историческое право, радостная революционная обязанность.

— Дисциплинированная, стойкая классовая установка, постоянная связь с общественной реальностью, всегда ответственно—на виду у всех, всегда полный чувства своих классовых обязательств, своей классовой чести,—всегда собран, подтянут, смел, организован, не допуская возможности своего классового опорочения,—таким должен быть всякий молодой революционер. Равняться на этот тип в полной мере должен наш большевистский и предбольшевистский (в будущем большевистский) молодняк. Старые кадры пролетарской революции должны быть замещены достойной сменой.

Красный молодняк не может ограничивать свой этический быт лишь рамками собственного молодого общежития. Он должен энергично вторгнуться в быт семьи, в жизнь предприятия, в работу клуба, библиотеки, избы-читальни и, что особенно важно, в дело воспитания идущей вслед за ним смены, младшей пролетарской ребятни. Не за свой страх и риск, не наобум

*) См. подробнее в нашей статье о т. Ленине („Ленин“—сборник, журн. „Мол. Гвардия“).

вторгнуться,—организованно, продуманно, коллективно, с полным сознанием своей революционной ответственности перед классом.

Семья еще не разрушена. Нищее пролетарское государство, ни в воспитательном, ни в хозяйственном отношении не в силах еще полностью заменить семьи, и потому семью необходимо революционизировать, пролетаризировать. Роль молодняка в этом вопросе огромная.

Не говоря уже о том, что молодая наша семья должна быть вся построена на новых началах, нельзя оставить в покое и старую семью. Дух равенства между мужем и женою, общественное воспитание женщины, жены («социальное воспитание женщины», по великолепному выражению т. К р у п с к о й) и мужа, борьба с религиозным душком внутри семьи, борьба с излишнею любовью к мещанскому домашнему уюту—при помощи переноса наиболее ярких и радостных элементов семейного бытия в клуб, в общественную обстановку,—прививка семье общекультурных, санитарных и, в первую голову, хороших политических классовых навыков.

Подметить недочеты на предприятии, указать их в стенгазете, уловить изъяны в культработе, притянуть к ним завклубов, поймать волокиту, кражу в административном органе и ткнуть пальцем виновного,—короб этического поведения нашей молодежи неисчерпаем.

ДЕТИ И МОЛОДЕЖЬ.

Особенно чутко должен наш молодняк заняться ребятней. Надо вдолбить в голову родителям, что нельзя бить ребенка, что надо держать его в чистоте и приучать к чистоте, что надо вести себя с детьми не поначальнически, а по-товарищески, что надо обучать детей грамоте, что надо дать ребятишкам полную возможность свободной общественной самоорганизации.

Какие огромные возможности скрываются для здорового революционного воспитания ребятни в нашей советской общественности! Ведь старая педагогика рассматривала детей, как изолированные от социальной среды физиологические машинки, требовавшие узко специального, чисто педагогического к себе отношения. Даже и передовая, новейшая педагогика буржуазии, хотя бы система знаменитого американца Д. Дьюи, тщательно

замыкает детский мирок в специальную скорлупку и старательно прячет ребятишек от вторжения в их жизнь «вредоносного» влияния окружающей социальной среды, с ее дрянной классовой борьбой и «бессовестной» политикой партий. Дети же в СССР—как-раз наоборот, по всеобщему признанию, в революционные годы необычайно сильно именно соци а л ь н о оживились: у них даже в самые ранние годы появилась масса связей с политикой, с производством, с совершающейся сейчас глубокой идеологической ломкой. В детских рисунках, в речевом материале ребят, в их новых, ими же создаваемых, играх постепенно исчезают следы гнилостного влияния умершего строя и старой педагогики. Конечно, не в «абсолютных свойствах» детской природы надо искать причины этой необыкновенной перемены (не даром так старательно эту «биологическую абсолютность», тугоподвижность детских свойств отстаивает буржуазная педагогика),—а в коренной ломке всей социальной среды, прямым отражением чего явились и глубокие сдвиги в детских интересах, вкусах, действиях. В педагогическую работу, тем самым, настойчивейшим образом вовлекается социальная среда, революционным своим содержанием оказывающая незаменимое содействие всей воспитательной работе. Участие в политических манифестациях, экскурсии на производство и к революционно-историческим местам, в детские ленинские уголки,—красноармейские, крестьянские, беспризорные и прочие шефства, сборы на германских детей и на воздухофлот, связь с пионерами, а позже и непосредственное включение в пионерские отряды,—все это дает неисчерпаемый, интересный зажигающий материал для творческой детской любознательности и для активной увлекающей организованной работы ребят, для углубления и здорового их душевного роста. Советская общественность, наша революционная современность отныне стала неотрывной частью всей воспитательной работы во всех ее частях. Влиянию революционной молодежи на детей здесь обеспечено первое место.

Разве это не новый быт? Основная же роль в этой тесной спайке советской педагогики и советской общественности принадлежит именно нашему красному молодняку. Детское пионерское движение—вот воспитательный центр, куда должен устремить наш красный молодняк весь свой общественный педагогический темперамент. Из коммунистического детского движения, и больше ни откуда, родится истинное ре-

волюционное воспитание, т. к. правильно развернувшееся комм. детск. движение проникнет и в школьную педагогику, перестроит весь быт, все учебные планы и методы школы, направив их на путь коммунистической революционной борьбы. Именно здесь наш красный молодняк—своим классовым энтузиазмом, своим политическим чутьем, своей молодой бодростью—окажется воспитательно совершенно незаменимым (конечно не врозь с педагогами, а вместе с ними надо делать эту работу). Если и трудно вато этически перерожать сейчас взрослых,—зато, правильно принявшись за детвору, мы добьемся очень, очень многого. Да и ребяшня потом, обратным ударом, оздоравливающе повлияет и на родителей своих и на взрослых вообще. Энергичное участие в правильном этическом воспитании трудовой детворы—наилучшая пролетарски-этическая позиция для нашего молодняка.

Как видим, в создании особой секты для воспитания внутри ее духа пролетарской этики нет нужды. Вся советская жизнь является материалом для такого воспитания.

Революционные нормы полового поведения и молодежь.

Всякая историческая эпоха, всякий общественный класс характеризуются и особым содержанием половых проявлений. Направлению этих половых проявлений класс всегда придавал чрезвычайно серьезное значение, что вполне четко зафиксировано и в этических нормах классового поведения.

Библия пестрит самыми разнообразными и вполне практическими указаниями по половому вопросу. Церковное христианство половым правилам уделяет очень значительное место в своих житейских директивах. Освобождающаяся от феодального гнета буржуазия, расковыривая экономические, социальные, идеологические звенья связывающей ее феодальной цепи, по пути борьбы строя новую этику, вполне недвусмысленно вкладывает в нее и новые революционные правила полового поведения: взять хотя бы литературные произведения эпохи буржуазного «возрождения» — итальянца Боккачио, француза Рабле и др.

Половая жизнь — сложное отражение общественных отношений. Простенькое общественное хозяйство первобытного человечества имеет и несложную, стихийную, инстинктивную половую жизнь, при чем многоженство, многомужество были лишь наиболее удобными, для данного состояния производительных сил, формами построения хозяйственной организации. Наоборот, наша сложнейшая социальная действительность с ее хаотической экономикой, с ее обостреннейшей классовой борьбой, резкими слоевыми расщеплениями общества, имеет напряженную, запутанную половую жизнь, с массой извращений, надломов, усложнений. Это особенно рельефно отразилось во всей современной художественной литературе, во всем искусстве, фактически на три четверти занятом половой проблемой.

Господствующие общественные классы, идущие к производственному упадку, отличаются особой взвинченностью, бо-

лезненностью, разнузданностью в своих половых проявлениях (древние Восток, Рим,—современная крупная буржуазия) и, наоборот,—классы, производственно растущие, оздоравливают себя и в области половой жизни (к чему и сводится половой бунт вышеупомянутых Боккачио, Рабле). Половым разгулом характеризуется эпоха реакции, наступающая за подавлением революции, и обратно, чрезвычайной половой скромностью отличается хотя бы наш революционно-коммунистический авангард в боевые годы революции *), когда вся энергия уходила на напряженное революционное творчество.

Очевидно, социальная обстановка, отношения между классами, позиция класса определяют собою и половые проявления людей, при чем содержание половой жизни современного человечества далеко не исчерпывается одними лишь рамками так называемых семейных, брачных отношений. Половая жизнь начинается задолго до брака и в подавляющей части протекает вне брака. Половое в значительной степени сделалось независимым от брака, превратилось как бы в отдельную область социального бытия. Не даром на-ряду с преступлениями против собственности мы знаем не меньшее количество преступлений полового характера.

Если половая активность класса есть органическая часть его социальной активности, если различные распределения энергии внутри класса вызывают соответствующие изменения и в половой его жизни,—этого процесса не может избежать, конечно, и пролетариат. Получив сложное социальное наследство от побежденной им буржуазии, он должен сугубо-внимательно разобраться и в половой части этого наследства. На-ряду с общей идеологической ломкой старого, начинается и ломка старой половой идеологии.

От буржуазии мы получили прогнившую, дезорганизованную семью, массовую проституцию. Культура буржуазии насквозь пропитана половыми возбуждениями, получающими особо широкую свободу развития, благодаря придавленности других областей бытия трудовых масс, с одной стороны,—и благодаря половому перевозбуждению и самой же буржуазии, питающемуся ее биологическим избытком («С жиру бесятся»). Экономический хаос эксплуататорского общества вообще отличается

*) См. отдел: „О психофизиологии РКП“ в нашей книге „Очерки культ. револ. врем.“.

бессмысленным размещением человеческой энергии, распылением значительной ее части по паразитически ненужным направлениям, отдавая, между прочим, половому ценнейшие творческие богатства человека, которые при иных, более благоприятных условиях, были бы великолепно использованы для мощного социального строительства.

Если мы попытаемся проникнуть в глубины половых проявлений современного человека, мы там найдем чрезвычайную дезорганизацию, усложненность, хрупкость, очень вредные для человеческого организма, если своевременно их не ликвидировать. Пролетариат, пытаясь сейчас организованно строить общественную экономику, не может не вмешаться и в прочий социальный беспорядок, так как скверно налаженная надстройка (хотя бы та же бытовая надстройка в половой ее части) часто может отражаться грубо тормозящим образом на здоровом развитии самого базиса (т.-е. экономики).

Половая жизнь современного индустриализированного, цивилизованного человека, вместо выполнения функций размножения, в подавляющей своей части превращается в самодовлеющее удовольствие, при условии максимальной борьбы с последствиями этого удовольствия т.-е. с беременностью. Эта борьба с беременностью лишила половое влечение и половое удовлетворение большей части его инстинктивного, стихийного содержания, так как постоянная озабоченность, настороженность («как бы не было беременности») дробит инстинктивность половой жизни.

Половая жизнь современного человека лишается своей сезонной ритмики. У животных она приурочивается к сезонам наибольшего тепла, наилучшего питания для супругов и будущего детеныша; человек же в современной, преимущественно городской, социальной среде этих пищевых ритмических сезонов не знает, и половая жизнь его может протекать во все времена года с одинаковой силой.

Половая жизнь человека потеряла большую часть и своей непосредственно-биологической обусловленности. В то время, как животные возбуждаются в половом отношении лишь в состоянии сытости, здоровья, при непосредственном соприкосновении с половым объектом, человек зачастую испытывает половое возбуждение и при недостаточном питании, и в состоянии недомогания (половое возбуждение туберкулезных), даже в ста-

рости (половое извращение стариков), даже при беременности, не говоря уже о том, что для появления полового возбуждения достаточно бывает подчас одной лишь мысли об объекте, картинке, строчке из рассказа и пр.

Половая жизнь развивается у очень значительной части современных людей задолго до возможности деторождения: онанизм и прочие активные половые проявления 30—40% современных городских детей до 10—12 лет.

Половое русло является у современного человека особенно легко используемым путем для переключения в него любого иного сильного органического возбуждения. Так, честолюбие, ненависть, героический пафос чрезвычайно легко замещаются половым вождением, которое тем приобретает большую силу, так как получает добавочный заряд от переключенной в него энергии, только-что принадлежавшей другому органическому стремлению, другому желанию.

Половая жизнь большей части современных людей характеризуется еще резким конфликтом между социальными симпатиями человека и его чувственными половыми влечениями. Чувственно часто тянет не к социально совершенному, а лишь к физически «аппетитному». Мало того,—если и была социальная симпатия до половой близости, она часто тускнеет после половой связи («любовь начинается идеалом, кончается под одеялом»—грубая, но часто правдивая поговорка). Экономическая и половая независимость, а вместе с тем и половая смелость современного мужчины,—экономически связанная, подчиненная роль подавляющей части современных женщин породили этот конфликт и продолжают всемерно его обострять. Женщина робко и трепетно ищет в возлюбленном друга, помощника, мужа,—не в силах активно за него бороться, ждет его, мечтает о нем; мужчине нужно удовольствие поострее, поразнообразнее, без обязанностей. У женщины слишком слаба чувственность, у мужчины слишком много чувственности; у женщины слишком много социального содержания в половом (эротизм), у мужчины его слишком мало. Взаимное неудовлетворение,—вечная трагедия.

Но и содержание полового влечения в корне уродуется при подобном положении вещей. Рано рождаясь, отрываясь от сезонов, от инстинкта, от внутренне-биологических предпосылок, раздвоенная, паразитирующая за счет других областей,

половая жизнь благодаря этому пестрому и далеко не укрепляющему сочетанию, теряет в своей внутренней силе. Слишком много биологической стихийности отнято у него, и слишком много побочного, второстепенного приобрело оно по пути, чтобы укрепить качественно,—и потому количественно растущее половое возбуждение отличается качественно меньшей силой каждого отдельного полового желания. Чем больше половых желаний, тем меньше насыщает, удовлетворяет каждое из них. Несытость же порождает новый материал для возбуждения, т.-е. и новую несытость—заколдованный круг *).

В большей или меньшей степени эта сжатая картина половой жизни характеризует собой очень значительную часть современного человечества, при чем и пролетариату далеко не удалось избежать той же печальной участи. К счастью (своеобразное счастье), у него слишком достаточно других забот и отвлечений, чтобы много энергии уделять на половое, и его половая попорченность не так велика. Но она все же имеется, буржуазия его многим заразила,—тело пролетария искажено эксплуататорским строем, и надо ясно знать, как же ему быть с половым вопросом, каковы должны быть его пути полового поведения.

Вопрос этот для СССР значительно упрощается, облегчается. Трудовые низы освобождены из-под эксплуататорской власти, имеют полную возможность творческого самовыявления, а это представляет собою лучшее средство против половой самозакупорки. Нормы здорового и социально целесообразного полового поведения делаются у нас постепенно осуществимыми так, как нигде.

Всякая область пролетарского классового поведения должна опираться при проработке норм ее на принцип революционной целесообразности. Так как пролетариат и экономически примыкающие к нему трудовые массы составляют подавляющую часть человечества, революционная целесообразность, тем самым, является и наилучшей биологической целесообразностью,

*) Значительно подробнее этот анализ современной половой жизни проделан автором в печатающемся пролеткультовском сборнике по половому вопросу. В дальнейшем все статьи пишущего, посвященные половой проблеме, будут изданы особой книгой: „Половая жизнь и советская общественность“.

наибольшим биологическим благом (как мы в этом ниже и убедимся).

Каков может быть подход с точки зрения революционной целесообразности к половому вопросу?

Класс может рассматривать половое, как биологическое орудие для продолжения себя, своей борьбы в истории. С этой стороны половое для него интересно, как «орудие производства» здорового, сильного классового потомства. С другой стороны, половое может интересовать класс, как часть жизни организма, как часть органической энергии, которая есть в то же время часть всей классовой энергии в целом—и потому для класса безразлично, насколько продуктивно, в смысле революционно-классовых интересов, растрачивается эта энергия, и как это отражается на прочих областях социального и биологического бытия человека. Далее, класс не безразлично относится к половому, как материалу для субъективного удовлетворения, как к источнику известного удовольствия, радости. Класс учитывает эту радость в общей сумме всех радостей своих сочленов, учитывает степень ее полезного и вредного значения и нормирует ее использование по пути наибольшей целесообразности для революции.

Однако, половая жизнь—это ведь не только чисто физическая связь между организмами различных полов. В половых переживаниях человека имеется много элементов социальной симпатии и антипатии,—живых, даже подчас очень горячих отношений между людьми: ревность, ненависть, половое соревнование, половой соблазн, обожание,—все эти чувствования, создаваемые в процессе развития половых переживаний, вносят новое, иногда очень дезорганизирующее, содержание в отношения внутри одного и того же класса, дробя его стойкость, нецелесообразно отвлекая часть его сил от боевого и производственного пути в русло половых исканий, зачастую даже грубо вразрез с боевыми интересами класса. Тем самым, половое не безразлично для класса и с точки зрения здоровой организации внутри-классовых связей, внутри-классовых отношений.

Следовательно, пролетариат имеет все основания для того, чтобы вмешаться в хаотическое развертывание половой жизни современного человека. Находясь сейчас в стадии первоначаль-

ного социалистического накопления, в периоде пред-социалистической, переходной, героической нищеты, рабочий класс должен быть чрезвычайно расчетлив в использовании своей энергии, должен быть бережлив, даже скуп, если дело касается сберегания сил во имя увеличения боевого фонда. Поэтому он не будет разрешать себе ту безудержную утечку энергетического богатства, которая характеризует половую жизнь современного буржуазного общества, с его ранней возбужденностью и разнузданностью половых проявлений, с его раздроблением, распылением полового чувства, с его ненасытной раздражительностью и возбужденной слабостью, с его бешеным метанием между эротикой и чувственностью, с его грубым вмешательством половых отношений в интимные внутри-классовые связи. Пролетариат заменяет хаос организацией в области экономики, элементы планомерной целесообразной организации внесет он и в современный половой хаос.

Половая жизнь—для создания здорового революционно - классового потомства, для правильного боевого использования всего энергетического богатства человека, для революционно-целесообразной организации его радостей, для боевого формирования внутри-классовых отношений,—вот подход пролетариата к половому вопросу.

Половая жизнь, как неотъемлемая часть прочего боевого арсенала пролетариата,—вот единственно возможная сейчас точка зрения рабочего класса на половой вопрос: все социальное и биологическое имущество революционного пролетариата является сейчас его боевым арсеналом.

Отсюда: все те элементы половой жизни, которые вредят созданию здоровой революционной смены, которые грабят классовую энергетику, гноят классовые радости, портят внутри-классовые отношения, должны быть беспощадно отмечены из классового обихода,—отмечены тем с большей неумолимостью, что половое является привычным, утонченным дипломатом, хитро пролезающим в мельчайшие щели—попущения, слабости, близорукости.

I. Не должно быть слишком раннего развития половой жизни в среде пролетариата—первая половая заповедь революционного рабочего класса.

Оздоровление изуродованной половой жизни нам нужно начать, конечно, в первую голову с детей, организм которых еще вполне гибок, вполне доступен здоровым воспитательным воздействиям. Именно с раннего детства начинается грубо искажаться половое содержание современного человека, и в раннем же детстве надо этот гнилостный процесс предупредить. Ребенок делается рано эротичным потому, что из трех основных областей его бытия (социальные устремления, обще-биологические и половые) первые две, в бессмысленных условиях современного воспитания, не получают для себя должной пищи, и голодающая активность ребенка направляется по третьему руслу, наиболее простому, доступному и приятному, по руслу полового удовольствия.

В самом деле, если не давать широкого и творческого простора детским движениям, детской любознательности, детским товарищеским чувствам, ребячьей любви к приключениям,—если угрозами, запретами, карами—связать детей драконовскими, нелепыми нормами взрослых интересов, куда еще деваться детскому интересу, кроме собственного тела ребенка? Начинается полоса раннего детского аутоэротизма (половая сосредоточенность на своей особе), ранний онанизм, ранняя половая любознательность и половая жадность, ранняя влюбчивость. Весь этот преждевременный половой материал, как паук, паразитически похищает бездну той энергии, которая при благоприятных условиях ушла бы на творческий и физический детский рост, на развитие общественной, научной, трудовой активности ребенка.

Половое, в нелепых современных воспитательных условиях, получает возможность рано развиваться, тем самым обкрадывая прочие области детского бытия и за их счет непомерно разбухая, являясь грубым тормозом для дальнейшего развития человека, даже в зрелом его возрасте.

Борьба с этим необходима, и в наших условиях в СССР она вполне возможна.

Коммунистическое детское движение, захватывая с ранних лет в свое русло все детские интересы, создавая наилучшие условия для развития детской самостоятель-

ности, для физического детского самооздоровления, для яркого расцвета любознательных, общественных, приключенчески-героических устремлений, приковывает к себе все детское внимание *) и не дает возможности появиться паразитирующему пауку раннего полового возбуждения. Тут и физиологическая тренировка, и боевая закалка, и яркая классовая идеология, и раннее, равное товарищеское общение разных полов,—преждевременному половому развитию вырасти при таких условиях не на чем. Поэтому первая задача пролетариата—не давать ходу ранней детской сексуальности, а для этого необходимо: указать родителям и школе на необходимость правильного подхода к социальным и биологическим интересам ребенка, всемерно содействовать такому подходу,—и употребить всю классовую энергию на наилучшую организацию массового коммунистического детского движения, на внедрение этого движения во все закоулки детского, школьного и семейного бытия. Оздоровление половой жизни детства сделает в дальнейшем не нужной столь трудную сейчас борьбу с половой путаницей зрелого возраста.

II. Необходимо половое воздержание до брака, а брак лишь в состоянии полной социальной и биологической зрелости (т. е. 20—25 лет)—вторая половая заповедь пролетариата.

Нет никаких научных оснований предполагать, что до 20—22 лет половое воздержание может оказаться в каком-либо отношении вредным. В животном царстве начало активной половой жизни совпадает с полной способностью прокармливания семьи. Так как подобная способность в современных социальных условиях созревает у человека приблизительно к указанному выше возрасту, нет ни биологических, ни социальных оснований для более раннего начала половой жизни. Ссылки на массовые примеры значительно более раннего пробуждения активного полового влечения будут так же убедительны, как и ссылки на половые акты 8—10 летних детей. Здесь мы имеем дело с ранним изуродованием человеческого организма, и с этим изуродованием надо вести беспощадную борьбу.

Во-первых, как указывалось уже выше, не надо допускать до этого раннего появления полового влечения; во-вторых, надо,

*) См. нашу брошюру: „Детское пионерское движение“ (изд. „Молод. Гвардия“, 1924 г.).

если оно уже появилось, всячески нормализовать, организовать его. Психо-физиология половой жизни знает два выхода для невыявленного полового возбуждения: 1) так называемые поллюции, когда избыток полового химизма естественно находит себе путь наружу во сне; 2) так называемую сублимацию (сублимация—перевод низшей энергии в высшую), когда половое возбуждение, не нашедшее себе выхода во-вне, идет на питание и подталкивание мозговых процессов, на творческие устремления.

Между половой энергией и творчеством, вообще, существует сложное и тонкое сродство. Неиспользованное половое возбуждение (как обусловленное непосредственным половым химизмом, так и другими искусственными возбудителями, о которых говорилось выше) может быть направлено на добавочное возбуждение мозговой активности. Не даром ряд творческих изобретений, целая серия научных и художественных произведений, проявления наилучшего социального героизма рождаются в периоды полового воздержания.

А что же вредного, скажут нам, в половой активности до брака? Вредно то, что подобная половая активность не организована, связана со случайным половым объектом, не регулируется прочной симпатией между партнерами, подвержена самым поверхностным возбуждениям, т.-е. характеризуется как-раз теми чертами, которые, как увидим ниже, должны быть безусловно и беспощадно истребляемы пролетариатом в своей среде. Подобное, хаотическим образом развившееся, половое содержание никогда не ограничивается узкой сферой чисто полового бытия, но нагло вторгается и во все прочие области человеческого творчества, безнаказанно их обкрадывая *). Допустимо ли это с точки зрения революционной целесообразности?

Что же касается «реакционности» брачных форм полового сожительства, нужно определенно высказаться, что в условиях переходного периода, когда пролетарское государство в силах содержать лишь меньше 10% всех детей, революционизированная семья не только не отомрет пока, но приобретет серьезное вспомогательное значение в дополнение к тому воспитанию, которое дает детям государство.

*) См. ниже.

III. Половая связь—лишь как конечное завершение глубокой всесторонней симпатии и привязанности к объекту половой любви.

Чисто физическое половое влечение недопустимо с революционно-пролетарской точки зрения. Человек тем и отличается от прочих животных, что все его физиологические функции пронизаны психическим, т.-е. социальным содержанием. Половое влечение к классово-враждебному, морально-противному, бесчестному объекту является таким же извращением, как и половое влечение человека к крокодилу, к оранг-утангу. Половое влечение правильно развивающегося культурного человека впитывает в себя массу ценных элементов из окружающей общественной жизни и становится от них неотрывным. Если тянет к половой связи, это должно значить, что объект полового тяготения привлекает и другими сторонами своего существа, а не только шириною своих плеч или бедер.

На самом деле, что произошло бы, если бы половым партнером оказался бы классово-идейно глубоко чуждый человек? Во-первых, это, конечно, была бы неорганизованная, внебрачная связь, обусловленная поверхностным чувственно-половым возбуждением (в брак вступают лишь люди, ориентирующиеся на долгую совместную жизнь, т.-е. люди, считающие себя соответствующими друг другу во всех отношениях); во-вторых, это было бы половое влечение в наиболее грубой его форме, не умеряемое чувством симпатии, нежности, ничем социальным не регулируемое: такое влечение всколыхнуло бы самые низменные стороны человеческой психики, дало бы им полный простор; в-третьих, ребенок, который мог бы все же появиться, несмотря на все предупредительные меры,—имел бы глубоко чуждых друг другу родителей, и сам оказался бы разделенным, расколотым душевно с ранних лет; в-четвертых, эта связь отвлекла бы от творческой работы, так как, построенная на чисто чувственном вождении, она зависела бы от случайных причин, от мелких колебаний в настроениях партнеров и, удовлетворяя без всяких творческих усилий, она в значительной степени обесценивала бы и самое значение творческого усилия,—она отняла бы у творчества один из крупных его возбудителей,—не говоря уже о том, что большая частота половых актов в такой связи, не умеряемой моральными мотивами, в крупной степени истощила

бы и ту мозговую энергию, которая должна бы идти на общественное, научное и прочее творчество (см. выше о сублимации).

Подобному половому поведению, конечно, не по пути с революционной целесообразностью.

IV. Половой акт должен быть лишь конечным звеном в цепи глубоких и сложных переживаний, связывающих в данный момент любящих.

К половому акту должно «не просто тянуть»: преддверием к нему должно быть обострившееся чувство всесторонней близости, глубокой идейной, моральной спайки,—сложного глубокого взаимного пропитывания, физиологическим завершением которого лишь и может явиться половой акт. Социальное, классовое впереди животного, а не наоборот.

Наличность этой социальной, моральной, психологической предпосылки полового акта повлечет к ценнейшим результатам: во-первых, половой акт сделался бы значительно более редким, что, с одной стороны, повысило бы его содержательность, радостное насыщение, им даваемое,—с другой стороны, оказалось бы крупной экономией в общем химизме, оставив на долю творчества значительную часть неизрасходованной энергии; во-вторых, подобные половые акты не разъединяли бы, как это обычно бывает при частом чувственном сближении, вплоть до отвращения друг к другу (блестящую, вполне реалистически правильную иллюстрацию дает этому Толстой в своей «Крейцеровой сонате»), а сближали бы еще глубже, еще крепче; в-третьих, подобный половой акт не противопоставлял бы себя творческому процессу, а вполне гармонически уживался бы рядом с ним, питаясь им и его же питая добавочной радостью (между тем, как голо-чувственный половой акт обворовывает и самое творческое настроение, изымая из субъективного фонда творчества почти весь эмоциональный его материал, почти всю его «страсть», на довольно долгий срок опустошая, обесплодив «творческую фантазию»; это относится, как видим, уже не только к химизму творчества, но и к его механике).

V. Половой акт не должен часто повторяться.

Это уже достаточно явствует из вышестоящих пунктов. Однако, последними мотивы пятой «заповеди» все же не исчерпываются.

Имеются все научные основания утверждать, что действительно глубокая любовь характеризуется нечастыми половыми актами (хотя нечастые половые акты сами по себе далеко не всегда говорят о глубокой любви: под ними может скрываться и половое равнодушие). При глубокой, настоящей любви оформленное половое влечение вызревает, ведь, как конечный этап целой серии ему предшествовавших богатых, сложных переживаний взаимной близости, а подобные процессы протекают, конечно, длительно, требуя для себя большего количества питающего материала.

Нечастое повторение полового акта, помимо указанной выше (п. IV) огромной химической и прочей пользы, имеет еще и следующие положительные стороны: а) освобождает поле творческой деятельности от рассеивающих, дезорганизирующих образов—ожидания, предвкушения скорого полового акта, делая содержание творчества чистым, не привмешивая в него искусственных, посторонних элементов, используя полностью, без утечки, всю силу творческого порыва; б) нет того состояния физиологического и психического утомления и острого чувства жизненного безвкусыя, которое сопровождает собою обычно частые половые разряды; в) нет необходимости в частой перемене полового объекта (см. ниже), так как длительный период накопления стимулов для полового влечения делает последнее по-новому радующим, острым, полностью насыщающим; г) это вполне соответствует и физиологической природе женщины, для которой частые половые акты обычно представляют собою почву, порождающую половое равнодушие, нередко даже и половое отвращение;—редкие же половые разряды делаются и для нее источником глубокой, сильной, эротически-чувственной радости, что поможет как ликвидации этого вечного конфликта между женской эротикой и женской чувственностью, так и общей гармонизации в половых отношениях обоих супругов; д) это уничтожает мелкое распыление вечно несытого полового чувства, слишком часто пускаемого в ход,—оздоравливает, насыщает наиболее сильными биологическими токами половую жизнь в целом; е) это великолепно содействует созданию здорового потомства, столь трагически сейчас страдающего как от чрезмерно истощенного полового аппарата отца, так и от половой нескладицы у матери (90 % причин современной женской истерии именно в этом).

VI. Не надо часто менять половой объект. Поменьше полового разнообразия.

При выполнении указанных выше пунктов эта «заповедь» и не понадобится, но обосновать ее следует все же особо.

а) Поиски нового полового, любовного партнера являются очень сложной заботой, отрывающей от творческих стремлений большую часть их эмоциональной силы; б) даже при отыскании этого нового партнера необходима целая серия переживаний, усилий, новых навыков для всестороннего к нему приспособления, что точно также является грабежом прочих творчески-классовых сил; в) при завоевании нового любовного объекта требуется, подчас, напряженнейшая борьба не только с ним, но и с другим «завоевателем»,—борьба, носящая вполне выраженный половой характер и окрашивающая в специфические тона полового интереса все взаимоотношения между этими людьми,—больно ударяющая по хребту их внутри-классовой спаянности, по общей идеологической их стойкости (сколько знаем мы глубоких ссор между кровно-идеологически близкими людьми на почве полового соревнования).

Но этого еще мало. Половое разнообразие увеличивает сумму половых потребностей, так как делает половой акт с новым партнером в первое время более приятным, т.-е. и более к себе привлекающим, требующим более частых повторений,—но оно же и уменьшает и длительность этой новой приятности, требуя скорой замены новым и новым партнером. Чем чаще половой акт повторяется, тем скорее приедается половой партнер; чем чаще меняется половой партнер, тем скорее он приедается.—Любители полового разнообразия попадают в хитросплетенные сети бесконечно нарастающих половых раздражений и безвозвратно оставляют в этой сети как свое здоровое половое чувство, так и подавляющую часть своего классового творческого богатства (если не все). Привычно раздражающий и расслабляющий половой авантюризм засасывает, как наркотик,—он погубил не одного классового бойца.

Длительная половая верность как нельзя более кстати для психофизиологии женщины. Женщина ищет себе, вообще, длительного жизненного спутника, хозяйственного помощника, воспитателя, совместно с нею, их детей. Она очень постепенно, далеко не сразу, приспособляется к своему половому

партнеру, и частые перемены явились бы для нее лишь грубыми и бесплодными раздражениями, как физиологическими, так и моральными. Женя, героиня и «идеал» рассказа Коллонтай «Любовь трех поколений»,—совсем не типична для здоровой в половом отношении женщины. Не даром отрешиваются от нее пролетарские девушки, фабричные работницы, когда их знакомят с этим «революционным половым идеалом». Не даром Женя, интеллигентка насквозь, вымученная дочь и внучка двух, по горло запутавшихся в сексуальности интеллигентов же.—«Любовников я меняю по настроению. Люблю только физически. Сейчас беременна. Не знаю—кто отец, да мне на это и наплевать»,—вот недвусмысленная «половая вера» Жени. Хороши бы были наши девушки и женщины, которые последовали бы ее примеру! Куда подевали бы они своих детей от «неизвестных» родителей (ведь, государство опекает меньше 1% детей, и если 100% последуют «идеалу»—Жене,—куда денутся дети?), не говоря уже о том, что эта половая неразборчивость грубо противоречит здоровой женской физиологической организации. Не даром современная сексология причисляет большинство проституток к клиторному *) типу, отличающемуся особой в н е ш н е й раздражительностью половых органов. Женя, видимо, страдает сатириазисом **) средней степени, о чем забыла, вероятно, упомянуть т. Коллонтай. Но сатириазис, ведь, это несчастье, болезнь, а никак не классовый идеал.—Класс, кроме того, заинтересован, чтобы его смена рождалась от известных женщине отцов,—он требует, чтобы женщина сознательно и по-классовому ответственно выбирала отца своего ребенка. Женино презрительное «мне безразлично» говорит лишь о грубом ее безразличии к путям дальнейшего развития борьбы пролетариата, к р о л и г р я д у щ е й с м е н ы в э т о й б о р ь б е (или о полном ее непонимании путей этой борьбы).

Но, быть может, природе мужчины свойственна непреодолимая любовь к половому разнообразию, к многоженству?

Научная био-психология сексуальности таких врожденных мужских свойств не знает. Половое разнообразие, многоженство—продукты определенных социальных отношений, и только. Многомужество в истории заменялось многоженством по линии

*) Клитор—наружная часть женск. пол. органов, наиболее чувствительная.

**) Сатириазис—болезненное перевозбуждение в половой области.

хозяйственной целесообразности. Там, где многоженство узаконено (мусульмане), мы встречаем его лишь у богатых и т. д., поэтому не в мужской природе приходится его искать. Правда, большинство мужчин проявляют сейчас «вкус» к половому разнообразию, но этот вкус принадлежит к густому слою нецелесообразных условных рефлексов (условных, т.-е. благоприобретенных, а не врожденных: устранимых), вдавненных в человека современной нелепой эксплуататорской социальностью. Надо перестроить среду так, чтобы раздражители, питающие подобные условные рефлексы, исчезли.

Пролетарская революция уже перестраивает среду в этом направлении. Надо помочь революции.

VII. Любовь должна быть моногамной, моноандрической (одна жена, один муж).

Это отчетливо явствует из всего вышеизложенного, но, во избежание недоразумений, надо этот пункт выделить все же особо.

Нам могут указать, что возможно соблюдать все приведенные правила при наличии двух жен или мужей. «Идейная близость, редкие половые акты и прочие директивы совместимы, ведь, и при двумужестве, двуженстве».—«Ну, представьте, что одна жена (муж) мне восполняет в идейном и половом отношении то, чего не хватает в другой (другом); нельзя же в одном человеке найти полное воплощение любовного идеала».—Подобные соображения слишком прозрачная натяжка. Любовная жизнь двуженца (двумужниц) чрезвычайно осложняется, захватывает слишком много областей, энергии, времени, специального интереса,—требует слишком большого количества специальных приспособлений,—вне сомнения, увеличивает количество половых актов,—в такой же мере теряет в соответствующей области и классовая творческая деятельность, так как сумма сил, отвлеченных в сторону непомерно усложнившейся половой жизни, даже в самом блестящем состоянии последней,—никогда не окупится творческим эффектом. Творчество в таких условиях всегда проиграет, а не выиграет—притом проиграет не только количественно, но и в грубом искажении своего качества, так как будет непрерывно отягощено избыточным и специальным половым, «любовным» интересом.

Пишущий, в своей достаточно большой психо-аналитической сексологической практике, часто сталкиваясь с яркими творческими личностями и объективно анализируя их психо-физиологические процессы, ни разу не мог отметить усиления качества творчества от одновременного увеличения количества половых объектов. Ссылки на острую необходимость «восполнения», разнообразия для усочнения творческого процесса ни на чем не основаны и вполне аналогичны с требованиями водки, кокаина и проч. Наркотики для пробуждения вдохновения—это скверная, большая привычка, а никак не действительный механизм истинного творчества. Характерно, что как-раз те виды творчества, которые наиболее тесно связаны с половой жизнью (лирическая поэзия, лирическая музыка, живопись и скульптура сладострастно обнаженных тел,—все это, между прочим, области достаточно мало нужные революционному, воюющему пролетариату),—от подобной половой усложненности тоже не выигрывают, за исключением разве грубо порнографических произведений, для которых количество половых возбуждений, испытываемых автором, является непосредственным материалом к созданию определенного «ударного» впечатления.

VIII. При всяком половом акте всегда надо помнить о возможности зарождения ребенка—и, вообще, помнить о потомстве.

Ни одно предупредительное средство, кроме грубо вредных, не гарантирует полностью от возможной беременности,—аборты же чрезвычайно вредны для женщин,—и потому половой акт должен заставить обоих супругов в состоянии полного биологического и морального благополучия, так как недомогание одного из родителей в момент зарождения тяжело отражается на организме ребенка. Это же соображение, конечно, раз-навсегда исключает пользование проституцией, так как возможность заражения венерической болезнью является самой страшной угрозой, как для биологической наследственности потомства, так и для здоровья матери.

IX. Половой подбор должен строиться по линии классовой, революционно-пролетарской целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специально полового завоевывания.

Половая жизнь рассматривается классом, как социальная, а не как—узко личная функция, и поэтому привлекать, побеждать

в любовной жизни должны социальные, классовые достоинства, а не специфические физиологически-половые приманки, являющиеся в подавляющем своем большинстве либо пережитком нашего до-культурного состояния, либо развившиеся в результате гнилоносных воздействий эксплуататорских условий жизни. Половое влечение, само по себе, биологически достаточно сильно, чтобы не было нужды в возбуждении его еще и добавочными специальными приемами. Так как у революционного класса, спасающего от гибели все человечество, в половой жизни содержатся исключительно евгенические задачи, т.-е. задачи революционно-коммунистического оздоровления человечества через потомство, очевидно, в качестве наиболее сильных половых возбудителей должны выявлять себе не те черты классово-бесплодной «красоты», «женственности»,—грубо «мускулистой» и «усатой» мужественности, которым мало места и от которых мало толку в условиях индустриализированного, интеллектуализированного, социализирующегося человечества.

Современный человек—борец должен отличаться тонким и точным интеллектуальным аппаратом, большой социальной гибкостью и чуткостью, классовой смелостью и твердостью—безразлично—мужчина это, или женщина. Бессильная же хрупкая «женственность», являющаяся порождением тысячелетнего рабского положения женщины и в то же время представляющая собою единственного поставщика материала для кокетства и флирта,—точно так же, как и «усатая», «мускулисто-кулачная» мужественность, больше нужная профессиональному грузчику или рыцарю до-ружейного периода, чем изворотливому и технически-образованному современному революционеру,—все эти черты, конечно, в минимальной степени соответствуют надобностям революции и революционного полового подбора. Понятие о красоте, о здоровье теперь радикально пересматривается классом-борцом в плане классовой целесообразности, и классово-бесплодные так называемая «красота», так называемая «сила» эксплуататорского периода истории человечества неминуемо будут стерты в порошок телесными комбинациями наилучшего революционного приспособления, наиболее продуктивной революционной целесообразности.

Не даром идеалы красоты и силы в различных социальных слоях глубоко отличаются, и эстетика буржуазии, эстетика

буржуазной интеллигенции далеко не импонируют пролетариату. Но у пролетариата нет еще своей эстетики, она создается в процессе его победоносной классовой борьбы, и поэтому чудовищной ошибкой было бы, по пути формирования им методов нового классового полового подбора, пользоваться старыми, отгнившими, в смысле их классовой годности, приемами полового завлечения. Каково в классовом отношении будет потомство, созданное родителями, главными достоинствами которых, явившимися основными половыми возбуждателями, были: бессильная и кокетливо-лживая женственность матери и «широкоплечая мускулистость» отца? Революция, конечно, не против широких плеч, но не ими, в конечном счете, она побеждает, и не на них должен строиться, в основе, революционный половой подбор. Бессильная же хрупкость женщины ему, вообще, ни к чему: экономически и политически, т.-е. и физиологически, женщина современного пролетариата должна приближаться и все больше приближается к мужчине. Надо добиться такой гармонической комбинации физического здоровья и классовых творческих ценностей, которые являются наиболее целесообразными с точки зрения интересов революционной борьбы пролетариата. Олицетворение этой комбинации и будет идеалом пролетарского полового подбора.

Основной половой приманкой должны быть основные классовые достоинства, и только на них будет в дальнейшем создаваться половой союз. Они же определяют собою и классовое понимание красоты, здоровья: не даром не только понятие красоты, но и понятие физиологической нормы, подвергаются сейчас такой страстной научной дискуссии.

Х. Не должно быть ревности. Половая любовная жизнь, построенная на взаимном уважении, на равенстве, на глубокой идейной близости, на взаимном доверии, не допускает лжи, подозрения, ревности.

Ревность имеет в себе несколько гнилых черт. Ревность, с одной стороны, результат недоверия к любимому человеку, — боязнь, что тот скроет правду, — с другой стороны, ревность есть порождение недоверия к самому себе (состояние самоунижения): «Я плох настолько, что не нужен (ей) (ему), и он (она) может мне легко изменить». Далее, в ревности имеется элемент собственной лжи ревнующего: обычно, не доверяют в вопросах

любви те, кто сам не достоин доверия; на опыте собственной лжи они предполагают, что и партнер также склонен к лжи. Хуже же всего то, что в ревности основным ее содержанием является элемент грубого собственничества: «Никому не хочу ее (его) уступить», что уже совершенно не допустимо с пролетарски-классовой точки зрения. Если любовная жизнь, как и вся моя жизнь, есть классовое достояние, если все мое половое поведение должно исходить из соображений классовой целесообразности,—очевидно, и выбор полового объекта мною, как и выбор другим меня в качестве полового объекта, должен на первом плане считаться с классовой полезностью этого выбора. Если уход от меня моего полового партнера связан с усилением его классовой мощи, если он (она) заменил (а) меня другим объектом, в классовой смысле более ценным, каким же антиклассовым, позорным становится в таких условиях мой ревнивый протест. Вопрос иной: трудно мне самому судить, кто лучше: я или заменивший (ая) меня. Но апеллируй тогда к товарищескому, классовому мнению, и стойко примиись, если оценка произошла не в твою пользу. Если же тебя заменили худшим (ей), у тебя остается право бороться за отвоевание, за возвращение ушедшего (ей)—или, в случае неудачи, презирать его (ее), как человека, невыдержанного с классовой точки зрения. Но это, ведь, не ревность. В ревности боязнь чужой, т.-е. и своей лжи, чувство собственного ничтожества и бессилия, животное-собственнический подход, т.-е. как-раз то, чего у революционно-пролетарского борца не должно быть ни в каком случае.

XI. Не должно быть половых извращений. Не больше 1—2% современных половых извращений—действительно внутри-биологического происхождения, врожденны, конституциональны,—остальные же представляют собою благоприобретенные условные рефлексy, порожденные скверной комбинацией внешних условий, и требуют самой настойчивой с ними борьбы со стороны класса. Всякое половое извращение, ослабляя центральное половое содержание, отражается вместе с тем и на качестве потомства и на всем развитии половых отношений между партнерами. Половые извращения всегда указывают на грубый перегиб половой жизни в сторону голы чувственности, на резкий недостаток социально-любовных стимулов в половом влечении. Половая жизнь извращенного лишена тех творчески-

регулирующих элементов, которые характеризуют собою нормальные половые отношения: требования все нового и нового разнообразия, зависимость от случайных раздражений и случайных настроений становятся у извращенного действительно огромными; трудность найти партнера, всецело удовлетворяющего потребностям извращенного, боязнь потерять уже найденного партнера, сложность задачи извращенного приспособления его к себе (т.-е. фактически уродование партнера во имя своего удовольствия),—частая ревность, приобретающая у извращенного необычайно глубокий и сложный характер,—все это накладывает печать особо глубокой половой озабоченности на творческий мир извращенного, постоянно уродуя его прочие душевные устремления.

Всеми силами класс должен стараться вправить извращенного в русло нормальных половых переживаний.

ХII. Класс, в интересах революционной целесообразности, имеет право вмешаться в половую жизнь своих со-членов. Половое должно во всем подчиняться классовому, ничем последнему не мешая, во всем его обслуживая.

Слишком велик хаос современной половой жизни, слишком много нелепых условных рефлексов в области половой жизни, созданных эксплуататорской социальностью, чтобы революционный класс—организатор принял без борьбы это буржуазное наследство. 90% современного полового содержания потеряло свою биологическую стихийность и подвергается растлевающему влиянию самых разнообразных факторов, из-под власти которых необходимо сексуальность освободить, дав ей иное, здоровое направление, создав для нее целесообразные классовые регуляторы. Половая жизнь перестает быть «частным делом отдельного человека» (как говорил когда-то Бебель,—но он, ведь, жил не в боевую эпоху пролетарской революции, не в стране победившего пролетариата) и превращается в одну из областей социальной, классовой организации. Конечно, далеко еще сейчас до действительно исчерпывающей классовой нормализации половой жизни в среде пролетариата, так как недостаточно ясно еще изучены социально-экономические предпосылки этой нормализации,—много фетишизма имеется еще и в биологическом толковании полового вопроса. Попытки жесткой половой нормализации сейчас, конечно, привели бы к трагическому абсурду, к сложнейшим недо-

разумениям и конфликтам, но все же общие вводные вехи для классового выправления полового вопроса, для создания основного полового направления имеются.

Чутким товарищеским советом организуя классовое мнение в соответствующую сторону, давая в искусстве ценные художественные образы определенного типа, в случаях слишком грубых вмешиваясь даже и профсудом, нарсудом, и т. д., и т. д., класс может сейчас дать основные толчки по линии революционного полового подбора, по линии экономии половой энергии, по линии социализирования сексуальности, облагораживания, евгенирования ее.

Чем дальше, тем яснее сделается путь в этом вопросе, тем тверже и отчетливее, детальнее сделаются требования класса в отношении к половому поведению своих сочленов. Но он будет не только предъявлять требования, он будет строить и обстановку, содействующую выполнению этих требований. Мера его требований будет соответствовать возможностям новой обстановки, новой среды, степени ее зрелости и силы. Бытие определяет сознание. Половое должно всецело подчиниться регулирующему влиянию класса. Соответствующая этому обстановка уже формируется.

Конечно, нашими «12 заповедями» совершенно не исчерпываются все нормы полового поведения революционного пролетариата. Автор лишь ставит вопрос в первоначальном его виде, пытается фиксировать первые вехи. Он старался при этом последовательно держаться указанных выше трех критериев для классово-целесообразного полового поведения пролетариата: 1) вопрос о потомстве; 2) вопрос о классовой энергии; 3) вопрос о взаимоотношениях внутри класса.—Одной из предпосылок ему служило, между прочим, и то соображение, что в переходный период революции семья еще не погибла.

Здоровое революционное потомство, при максимально продуктивном использовании своей энергии и при наилучших взаимоотношениях с другими товарищами по классу осуществит лишь тот трудящийся, кто поздно начнет свою половую жизнь, кто до брака останется девственником, кто половую

связь создаст с лицом, ему классово-любовно близким, кто будет скупиться на половые акты, осуществляя их лишь, как конечные разряды глубокого и всестороннего социально-любовного чувства и т. д., и т. д., и т. д. Так мыслится автору «половая платформа» пролетариата.

Я слышу грубые протесты, крики возмущения, озлобления, недоумения.—«Как,—автор хочет сложнейшую, красивейшую, яркую диалектику половой жизни, с ее богатством красок, с ее бездной противоречий и неожиданностей, с ее зияющими и неизбежными провалами и стихийными потрясениями, с ее захватывающими подъемами, вложить в выхолощенные нормы мещански-скромной скупости, бесцветности, однообразия, творческой нищеты? Мощный, стихийный инстинкт полового подбора он хочет заменить нарочитой целевой нормализацией, надуманными указаниями половых образцов. Наш революционный идеал, свободный, раскрепощенный от буржуазного ханжества любви, он подменяет новыми оковами, новым рабством, новым ханжеством, но уже под революционно-пролетарской этикеткой, произвольно им к этому позорному делу приклеенной. Автор хочет лишить нас, и без того обездоленных, нищих, хмурых, и той небольшой крупинки радости, которую еще способна нам давать современная любовь!»

— Поспокойнее, уважаемые, но слишком сердитые критики. Еще Ницше и Фрейд говорили, что труднее всего столкнуться по половому вопросу: уж очень в нем сейчас много субъективизма, при том самого страстного, т.-е. самого пристрастного субъективизма. Без надлежащего спокойствия действительно столкнуться будет очень трудно.

Сначала о так называемой «свободной любви». Запомните, т. т. критики, одну неопровержимую истину: чем больше свободной торговли, тем меньше свободной любви. Самым бессмысленным было бы разрешение сейчас полового вопроса в духе так называемой свободной любви. Трудовое государство находится в состоянии нищеты. Семья еще необходима до зарезу,—общественных яслей, детсадов, детдомов, кухонь и прочего до безобразия мало. Женщины, дети зависят в 90% от домашнего очага, и потому мечтать о «порханиях» с одного любовного кустика на другой, по меньшей мере, выражаясь мягко, преждевременно. Это—с одной стороны.

С другой стороны, свободная любовь, т.е. полное доверие общества к свободному любовному выбору его членов, предполагает такое состояние развития коллектива, коллективистических чувств, до которого нам как-будто еще очень далеко—и производственно, и психологически. Современная человеческая психо-физиология, насквозь пропитанная гнилой социальностью, если ей предоставить свободу любви, натворит таких гнилых гадостей в этой «свободной атмосфере», от которых долго освобождаться придется потом при помощи жесточайшей половой диктатуры. В условиях же зрелого коллектива, т.е. в коммунистическом строе,—люди, полностью переплавившись в огне революционных боев, коллективизированного производства, идеологического единства, радикально изменят весь свой психо-физиологический облик, и та свободная любовь, которую они создадут, ничуть не будет похожа на ту «свободную любовь», которую пытаются насаждать мои сердитые критики. Наоборот, я имею все научные основания утверждать, что в грядущей коммунистической свободной любви будет гораздо больше половой скромности, половой верности, скупости, любовно товарищеской половой классовости и организованности, чем этого хотелось бы слюнтяво-похотствующим ярым ревнителям сегодняшней свободной любви.

Теперь несколько слов об «ограбленных», о выхолащенных моими нормами человеческих радостях. Всякая радость, в классовом ее использовании, должна иметь какую-нибудь ценную производительную цель. Чем крупнее эта радость, тем полнее должна быть ее производственная ценность. Какова же производственная ценность всей огромной суммы современных «половых радостей» человека?

Эта ценность на добрых $\frac{3}{4}$ чисто паразитическая. Органы чувств, не получая должных впечатлений в гнилой современной среде,—движения, не получающие должного простора,—социальные инстинкты, любознательские стремления, сдавленные, сплюснутые в хаосе нашей эксплуататорской и после-эксплуататорской современности,—отдают всю остающуюся неиспользованной свою энергию, весь свой свободный двигательный фонд, свою излишнюю активность единственному резервному фактору—половому, который и делается героем дня, пауком поневоле. Отсюда раннее пробуждение сексуальности, отсюда ранний разгул ее по всем отраслям челове-

ческого существования, отсюда наглое ее пропитывание всех пор человеческого бытия, даже науки. Культивировать это паучье бытие нашей сексуальности—неужели такой уж большой будет толк от этого для революционной, предкоммунистической культуры? Не лучше ли вернуть ограбленным обратно их добро, не лучше ли, «ускромнив», «усерив», «повыхолостив» разбухшую сексуальность соответствующими твердыми воздействиями (классовый противоположный насос, революционная сублимация)—выжать, отсосать из него обратно ценности, похищенные им у организма, у класса? Советские условия этому как раз максимально содействуют.

Сколько нового,—непосредственного, не увлажненного половым вождением,—яркого, героического, коллективистического, боевого классового устремления получит тогда заново человек! Сколько острой научной исследовательской, материалистической любознательности, не прикованной больше к одним лишь половым органам получит тогда человек! Неужели эти радости менее радостны, чем половая радость? Неужели производственная ценность их меньше, чем ценность тщательно оберегающегося от беременности полового акта или половой грезы? Тем более, что по праву это богатство, и социально и биологически, принадлежит не половому,—оно лишь было последним украдено в обстановке нелепой эксплуататорской энергетической суматохи.

Несколько слов о «мощной стихийной половой диалектике» и о невмешательстве в половой подбор. Если научно нормализуют половой подбор прочих животных и растений, чем современный человек их лучше? Тем более, что именно он, исковерканный, прогнивший, нуждается в коренной реорганизации этого подбора сильнее какого бы то ни было иного животного вида. Что же касается вообще половой нормализации,—чем же она более ответственна и научно менее осуществима в сравнении с нормализацией такого, кажется, тоже достаточно мощного инстинкта, как инстинкт питания (а тот, ведь, нормализуется сейчас все более прочно, хотя он биологически гораздо меньше искажен, чем так называемый половой инстинкт).

Проповедует ли автор аскетизм «классовых святош»? Агитирует ли автор за воспитание отвращения к половому?—Нет, нет и нет. Он лишь водворяет половое на научно и классово ему принадлежащее место. Он извлекает из полового лишь ту

часть радости и классовой пользы, которая сейчас действительно нужна и осуществима. Вместе с тем, с полового снимается излишняя накипь ненужного, но неизбежного при старой постановке вопроса полового трагизма, стоившего стольких слез и стольких сил человечеству.

Конечно, эта «реформа» удастся не сразу. Она будет стоить тяжких трудов. Но какой производственный прогресс удавался без жертв? Человечество, тем более революционный его авангард—пролетариат, привыкли к жертвам.

Советская общественность как нельзя более благоприятствует нашей радикальной реформе полового поведения—из нее мы и исходим при построении наших вех.

Если буржуазный строй создавал у господствующих классов колоссальный биологический избыток, уходивший в значительной своей части на половое возбуждение, а, с другой стороны—сплющивал трудовые массы, выдавливая крупную часть неиспользованной их творческой активности тоже в сторону полового,—советская общественность обладает как-раз обратными чертами: она изгнала тунеядцев с биологическим избытком и развязала сдавленные силы трудовых масс, тем высвободив их и из полового плена, дав им пути для сублимации. Сублимационные возможности советской общественности, т.-е. возможности перевода сексуализированных переживаний на творческие пути, чрезвычайно велики. Надо лишь это хорошенько осознать и умеючи реорганизовать сексуальность, урегулировать ее, поставить ее на должное место. В основном, конечно, это зависит от скорости творческого углубления самой советской общественности, т.-е. нашей социалистической экономики в первую голову.—Но и для специальной активности—широчайший простор.

В самом деле, какое огромное десексуализирующее значение (отрыв от полового) имеет полное политическое раскрепощение женщины, увеличение ее человеческой и классовой сознательности. Приниженность и некультурность женщины играет очень крупную роль в сгущении половых переживаний, так как для женщин в таких условиях половое оказывается чуть не единственной сферой духовных интересов. Для грубо чувственного же мужчины такая бессильная женщина особо лакомая добыча.

Освобожденная, сознательная женщина изымает из этого слишком «богатого» полового фонда обоих полов крупную глыбу, тем освобождая большую долю творческих сил, связанных до того половой цепью.

Огромное десексуализирующее же, сублимирующее значение имеет и общее творческое раскрепощение трудовых масс СССР, все сдавленные силы которых, уходившие и на излишнее питание полового, сейчас получают свободу для делового, производственного, общественного выявления. Сюда же надо отнести и раскрепощение национальностей, и прочие завоевания революции в деле освобождения масс от эксплуататорского ярма. Большое значение имеет и отрыв населения от религии. Религия, пытаясь примирить со скверной реальностью, уничтожала боевые порывы, принижала, сдавливала ряд телесных и общественных стремлений, сплющивая тем самым большую их часть в сторону полового содержания. Умиравшая религия масс ослабляет их половое прозябание, возрождает их боевые свойства (хотя религиозные проповедники и лгут об обратном: без религии-де появится половая разнузданность).

Много полового дурмана плодила и отвлеченщина нашей старой интеллигенции. Чем сильнее отрыв от боевой реальности, тем больше в ней внереальной фантастики, т.-е. больше и половой фантастики. Прикрепленная сейчас к советской колеснице жестко-практического строительства, наиболее социально здоровая часть старой интеллигенции перевоспитывается, теряя кусок за куском и лишний половой свой груз, не говоря уже о том, что она постепенно все более настойчиво замещается вновь растущей, вполне материалистической, рабоче-крестьянской интеллигенцией.

Детское коммунистическое движение будет спасать от раннего полового дурмана детский возраст (а не оно ли продукт нашей Октябрьской революции) и т. д., и т. д.

Очевидно, для организованной перестройки половых норм сейчас самое время. Наша общественность позволяет начать эту перестройку, требует этой перестройки, жадно ждет тех творческих сил, которые освободятся от полового плена после этой перестройки. Имеет ли право истинный друг революции, истинный гражданин СССР возражать против оздоровления сексуальности?

Но как начать, как провести эту «половую реформу»?

Конечно, сейчас не может быть и речи о государственном законодательстве, нормализующем половую жизнь граждан СССР. Не может быть таких формальных норм ни по партийной ни по профсоюзной линии. Кроме паники, сумбура, нелепых кривотолков, такая мера ни к чему сейчас не привела бы, так как ни зрелых социальных предпосылок нет для полного ее осуществления, ни стойких научных приемов для ее проведения. Речь может идти лишь по линии первичного практического нащупывания путей этой реформы в массах, при чем методическими щупальцами, сколько бы об этом ни спорить, в конечном счете окажутся как-раз те вехи, которые были даны автором выше. В действительных трудовых массах вехи эти найдут для себя вполне прочную опору, протестантами окажутся либо аристократическая верхушка трудящихся, либо та же интеллигенщина.

Требуется почин, пример, показательность. Застрельщиком в половом оздоровлении трудящихся и всего человечества, как и во всем прочем, должна быть наша красная молодежь. Воспитанная в героической сублимирующей атмосфере нашей революции, начиненная яркими классовыми творческими радостями так, как никогда молодежь до нее не начиналась, она легче отделается от гнилой половой инерции эксплуататорского периода человеческой истории. Именно она обязана быть энергичным пионером в этой области, показывая путь младшему поколению—своей смене.

Среди пестрой и жаркой дискуссии, которая ведется сейчас нашей красной молодежью, среди самых разнообразных, отчасти нелепых половых идеалов—в стиле хотя бы коллонтаевской Жени или в аскетическом духе—по Толстому,—начинает все более отчетливо пробиваться струйка классового регулирования полового влечения, струйка научно организованного, революционно-целесообразного, делового подхода к половому вопросу. Нет никакого сомнения, что струйка эта будет неуклонно нарастать, впитывая в себя все наиболее здоровые революционно-идеологические искания молодежи в области пола.

Кое-где отдельные, смелые, крепкие группки пытаются уже связать себя определенными твердыми директивами в области половой жизни. Кое-где, показывая пример другим своим пове-

дением, они пытаются обратить внимание и прочих товарищей на половые неурядицы, творящиеся вокруг. Иногда в контакте с бытовыми и НОТ'овскими местными ячейками,—всегда в тесной связи с парт'ячейкой, с ячейкой Комсомола, они пробуют нащупать и метод практического воздействия на слишком грубо нарушающих классовую равнодействующую в области пола. Напряженно ищет в этой области и наше революционное, пролетарское искусство.

То-и-дело профсуд, партколлегия, контрольная комиссия прорезают общественное внимание сообщением, что грань половой допустимости кончается там-то, и молодежь мотает это сведение себе на ус, используя его в случае стратегической необходимости—для пресечения слишком разнузданных порывов вокруг. Так—постепенно, снизу, энергичными исканиями накапливается опыт, формируется система деловых правил. Автор не сомневается, что система половых норм, создающаяся этой массовой практикой, нащупываемой снизу, в основном, целиком совпадет с данной им выше схемой. Возможны, конечно, изменения в деталях, добавления, варианты, но схема и не претендует на исчерпание всей проблемы, она лишь пытается дать направление.

Наши дети—пионеры—первыми сумеют довести дело полового оздоровления до действительно серьезных результатов. С них и надо начать.

Еще несколько слов об обязанностях красной молодежи в половой области. Ей многое дано, а потому с нее много и спросится. Октябрьская революция была выстрадана героическим большевистским подпольным кадром, потянувшим за собою массы,—давшим колоссальное количество тяжелых жертв пролетарскому благу. Это—героически-революционный фонд, которым питается и еще долго будет питаться разветвляющаяся, идущая вглубь пролетарская революция. Какой героический фонд в революцию внесла наша молодежь? Пока она, конечно, многое еще не могла успеть и по возрасту, но, во всяком случае, ближайшие возможности ее боевых героических накоплений не так велики,—революция, ведь, вступила на несколько лет в сравнительно мирную полосу. Поэтому не грех, если в состав героического, жертвенного революционного фонда среди других частей этого фонда молодежью будет также внесен и богатый вклад половой скромности, половой самоорганизации. Это оздо-

ровит наши нравы, это поможет нам сформировать крепких, творчески насыщенных классовых борцов, это позволит нам родить здоровую, новую революционную смену, это сбережет уйму драгоценнейшей классовой энергии, которой и без того непродуктивно утекает слишком много, по неумению нашему.

Для того, чтобы строить, нужно научиться организованно копить.

О гигиене умственного труда пролетарского студенчества.

Летом этого года мы торжественно праздновали первый длительный выпуск свердловцев, нашей лучшей красной интеллигенции. Днем перед тем так же радостно провожали мы на работу и первый вылет общеузовских красных спецов советской выделки. Казалось бы, все основания для классовой радости. Однако, диалектика революции требует утроенной осторожности как-раз в самые радостные минуты. Поэтому с особенной внимательностью именно сейчас, в месяцы именин нашей красной передовой молодежи, рассмотрим в проблему построения нашей советской интеллигенции.

Приведу отдельные типические выдержки из врачебных писем, получаемых мною как-раз по этому вопросу (авторы—врачи Комвузов и Вузов, врачи страховых касс, клинические ординаторы и пр.):—«юноши и девушки 17—20 лет из различных рабочих слоев проводят в учебных занятиях и в общественной работе нередко до 18 часов, а то и более, на сон уделяя сплошь и рядом меньше 6-ти часов»;—«учащаяся молодежь питается нерегулярно, по качеству беспорядочно, а чаще всего и недостаточно»;—«нервная система красного студенчества хронически пребывает в перенапряженном состоянии»;—«при медицинском осмотре оказывается, что как-раз наиболее талантливые, прекрасные юноши и девушки страдают жестоким переутомлением, особенно перенапрягая себя в вечерние часы в клубах, в кружках, на курсах, лекциях и пр., до самозабвения предаваясь общественной работе; у себя в комнате красный студент оказывается глубокой ночью, затем еще и здесь читает, пишет, спешит в последнюю минуту подготовиться к обязательному зачету (за недосугом это у него всегда неблагоприятно), ложится спать в два, три, четыре часа,—утром развинченный, с неотдохнувшим мозгом, снова за работу». «В этот

трагический вопрос необходимо авторитетное регулирующее вмешательство высших партийных органов»,—пишет, между прочим, один беспартийный врач.

Личный опыт пишущего эти строки не менее, если не более красноречив. Те же сегодняшние именинники свердловцы и другие комвузовцы, как и просто вузовцы (среди последних—особенно рабфаки) поставляют мне слишком убедительный материал в том же духе.

Как видим, с красной учащейся молодежью обстоит не совсем благополучно. Вопрос приходится ставить во всей его исчерпывающей серьезности.

В до-советские времена молодежь трудовых низов, при всем ее тяжелом положении, обладала одной несомненной привилегией: она поставляла минимальный, в сравнении с интеллигентской и буржуазной молодежью, процент нервно больных. Причина тому в ясной, конкретной трудовой деятельности, не требовавшей особых ухищрений, протекавшей зачастую (после первого, более сложного периода выучки) почти автоматически. Радоваться такой механизации мозга, конечно, не приходится, но факт остается фактом: нервно-больных среди наиболее демократических слоев трудовой молодежи было тогда меньше всего.

Сейчас же огромная часть интеллектуального мозгового общественного груза свалилась именно на этот слой молодежи. От станка, от сохи—в учебу, в науку, притом не в обычную учебу,—эволюционно, постепенно разворачивавшуюся в прежние годы, а в учебу лихорадочную, потрясающую, порывистую, безудержную, спешную. Революция не ждет, срочно безотговорочно требует себе своих квалифицированных работников, и весь молодой порыв отдается полностью,—вернее, с избытком, школе.—«Даешь науку!»

Однако, не во всякой работе надо действовать напролом. Особенно боится этого стихийного напора мозговая работа, и сугубо опасен подобный напор для мозга, неуспевшего еще усвоить органические навыки сложного научного мышления. Опасность становится воистину страшной, если подобные грубые мозговые удары наносятся целому классовому поколению, призванному историей впервые заменить собою буржуазных поставщиков умственного товара. Именно первое поколение революционной смены должно быть образцом мозговой силы и

выдержки, иначе какое же наследство передаст оно своим приемникам!

Проблема создания нервно крепкого и творчески мощного красного молодняка—одна из крупнейших революционных проблем. Надо основательно ею заняться.

Все нижеследующее является первой попыткой ближе, детальнее подойти к этому сложному вопросу.

Перед нами огромной трудности задача.

В современной науке вообще нет еще ясных, проверенных норм по организации умственного, тем более учебного труда. Работы Клапареда, Крепелина, Мюнстенберга, Ашаффенбурга и др. психофизиологов в этой области—являются лишь первыми, притом чисто лабораторными пробами, непрошедшими еще через массовую жизненно-практическую фильтровку,—не говоря уже о том, что достаточно часто выводы этих отдельных изысканий жестоко противоречат друг другу.

В СССР, помимо научной неразработанности этого вопроса, задача нормализации учебного труда усложняется до чрезвычайности еще и другими, не менее существенными обстоятельствами.

Идеологическая ломка, произведенная революцией во всех областях обществоведения и философии (не только, конечно, чистого обществоведения, но и в литературе, искусстве), не ограничилась, понятно, этими завоеваниями и, следуя логике диалектического материализма, проникла почти во все сферы научного знания: в естественные науки, в психологию, в педагогику и проч.,—вплоть, зачастую, до чисто технических дисциплин. Многие научные области, таким образом, претерпевают сейчас состояние внутреннего потрясения, ревизии, новых исканий, методологических формирований, что далеко, конечно, не облегчает труд рядового работника—учащегося по их усвоению, при чем надо помнить, что и в самой реорганизации существа науки учащиеся принимают далеко не последнее участие.

С другой стороны, самая методика преподавания научных дисциплин в СССР претерпевает сейчас коллосальные видоизменения. Старая академическая отвлеченщина или сухая казенщина, приуроченные к задачам подготовки мертвых чиновников или бесплодных фантазеров, заменяются четким, прикладным, жизненным использованием науки,—самостоятельной, деловой

ее проработкой учащимися, а подобный метод преподавания теоретически еще достаточно мало известен в России, и профессорский кадр далеко еще не овладел им практически. Приходится в процессе работы, в процессе внутренней ломки самой научной дисциплины, глубоко перестраивать и метод ее учебного преподнесения. Все это совершается на спинах студенчества, при значительном его же активном содействии. Все это, конечно, неизбежно, необходимо, в конечном итоге крайне полезно, но планомерную научную организацию учебной работы это, понятно, мало облегчает.

Особенно сложным обстоятельством, во многом затрудняющим гигиеническую организацию учебной работы, является совершенно новый социальный состав современной студенческой аудитории. Пришедшее от станка, от сохи, из рабочего поселка, из деревни, пропитанное совершенно определенными соками социальных и производственных впечатлений, прошедшее в значительной своей части огонь и воду гражданской войны,— это новое массовое студенчество по-иному усваивает преподносимые ему дисциплины, чем к этому за десятки до-революционных лет привыкли профессора. Требуют нового иллюстративного материала, иного языка, иной ритмизации работы. Это уже не просто ломка методов преподавания, это глубокая ломка всей социальной личности самого преподавателя, т. к. тот методический прогресс преподавания, который последний в силах усвоить из научного опыта Запада, оказывается совершенно недостаточным в применении к подобному социальному составу аудитории. Западная профессура свою прогрессивную методику строит на ином классовом кадре студенчества, и новый класс требует внесения в эту, даже прогрессивнейшую, методику серьезнейших дополнений и поправок.

При этом надо учесть, что подобный академический эксперимент продлевается над организмами, перенесшими сложнейшую голодную и эмоциональную революционную встряску в наиболее хрупкие годы своего переходного возраста.

Нельзя забывать также, что современная учебная работа протекает и сейчас либо в грубо неблагоприятных биологических условиях, либо в своеобразной обстановке массового студенческого общежития, гигиенические элементы которого для научной организации умственной работы учеными Запада вряд ли были учтены.

Наконец, современная студенческая учебная жизнь непрерывно пронизывается самыми непосредственными громами и молниями окружающей горячей политической жизни, органической частью которой, между прочим, является и сама студенческая жизнь, крупный клок своего бытия организованно отдающая активной политике.

Вот в каком сложном окружении пребывает современное академическое бытие нашей молодежи. Совсем слабенькая научная организация умственной работы в подобном «советском окружении» оказывается еще более хрупкой.

Поэтому мудрствовать лукаво по поводу нормализации нашей учебной жизни не приходится. «Не до жиру—быть бы живу». Учтя все тормозы и положительные стороны нашей современной учебной жизни, надо выделить в нормирующих правилах лишь самое необходимое и вполне осуществимое.

ТВОРЧЕСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ АВТОМАТИЗМ *).

Основное, чем страдает сейчас наша пролетарская учащая молодежь, это недостаточное развитие у нее особого, первоочередного качества, необходимого для плодотворной, умственной работы, которое мы называем творческим интеллектуальным автоматизмом. Вместо того, чтобы всячески разгрузить свой труд от непосредственного, нарочитого усилия, передавая самую крупную его часть по усвоению материала во власть автоматической переработки его прошлым мозговым, приобретенным опытом,—наша молодежь занимается таким образом, что на долю напряженного, осознанного мозгового усилия по меньшей мере приходится три четверти всей

*) Автор часто пользуется термином „подсознание“, „автоматизм“, т.е. терминами субъективистическими. Однако, если быть исчерпывающим „Объективистом по терминологии“—в таком сложном вопросе, как гигиена умственного труда,—придется отказаться от трех четвертей данных, добытых психологическим экспериментом и психологической эмпирикой. Стопроцентная объективная психология (т.е. учение о рефlekсах) не вышла еще из стадии лабораторно-исследовательских исканий,—и претендовать сегодня же на замену собою всех существующих научно-психологических понятий она пока не в праве. Будущее, конечно, целиком за нею,—но жить то, ведь, надо сегодня же. Важно лишь, чтоб наш „терминологический субъективизм“ был полностью объективно-практически полезен и объективно-экспериментально подтвержден.

умственной работы, и в лучшем случае лишь четверть—на долю автоматической, так называемой подсознательной переработки. Ущерб же, наносимый подобным подходом к работе, колоссальный,—и заключается он в следующем.

Напрягая, путем непрерывного и излишнего усилия, нашу сознательную умственную жизнь и не оставляя времени на создание прочных возможностей для подсознательных усвоений и переработок воспринятого материала, мы, во-первых, наносим огромный вред качеству наших научных познаний, так как не используем при этом богатейший багаж нашего прошлого опыта, залегающего сейчас в подсознательном своем вместилище и ждущего лишь умелых толчков, удачных сознательных посылок—для того, чтобы подняться на поверхность и цепко, сочно связаться там с новым впечатлением, обогатив, углубив его, применив его ко всему предшествующему интеллектуальному фонду. Если же вся эта работа продлевается исключительно при помощи напряженного сознательного усилия, притом еще без соблюдения нужных ритмов отдыха, без соответствующих смен разных видов умственного труда и т. д., гибкие и богатые механизмы подсознания не приводятся тогда в должное движение, и воспринятый материал сухо, вяло укладывается в выхолощенном пространстве сознательной части психизма, медленными и бедными связями скрепляясь с ограниченными, поверхностными кусочками предшествующего опытного фонда. Взамен продуктивного творческого роста знаний остается тогда убогая внетворческая накипь.

Но этим не исчерпывается вред, получающийся от неиспользования творческого автоматизма. Несмотря на слабый качественный результат подобной работы, такое перенапряжение сознания обходится и биохимически слишком дорого. Момент сознательного усилия вызывает наибольшую затрату тех нервно-мозговых элементов, которые особенно ценны для организма и наиболее трудно восстанавливаемы. Это, конечно, не значит, что надо избегать сознательного усилия: именно, в нем, ведь, деловой стержень, организующее начало всякого творческого процесса, т. к. без него не накопился бы и подсознательный фонд, а, накопившись, не получал бы должного направления. Но это значит все же, что сознательное усилие необходимо умеючи использовать, урегулировать, организовать.

Характерно, что это, всегда перегруженное активным напряжением, сознание, не замещаемое автоматизированной работой подсознания, является не только тормозом для усвоения текущего материала, но, медленно освобождаясь от своего груза, оно тем самым притупляет и свои способности к восприятию сейчас нового материала, т. к. возможности его единовременной вместимости значительно более бедны, чем у гигантски растяжимого подсознательного аппарата. Это же, в свою очередь, толкает к особенно тяжелому и длительному переутомлению, даже и при наличии хороших условий питания и прочих биохимических предпосылок: функциональное перенапряжение, грубо ослабляющее гибкость всего творческого аппарата, выхолащивающее эмоциональную жизнь, сплющивающее творческую фантазию, ломающее сон, разъедающее, в дальнейшем, сосуды и сердце.

Чем же объясняется, что этот творческий автоматизм, так слабо разворачивается сейчас у нашей пролетарской, трудовой молодежи?

Для этого надо уяснить сначала условия, обеспечивающие продуктивное функционирование творческого автоматизма.

Наклонность к богатому творческому автоматизму, к особо продуктивному подсознательному творчеству,—до известной степени может быть врожденной, в результате большого, предшествующего мозгового опыта,—накопленного на протяжении целой серии поколений. Подобные врожденно-богатые дарованиями индивидуальности обладают очень восприимчивым, цепким и гибким мозговым аппаратом, совершающим свои творческие операции с большой быстротой и точностью. Благодаря плодотворным и подвижным подсознательным связям, поле их воспринимающего сознания обычно оказывается чрезвычайно широким, что дает возможность одновременно охватить значительно больший круг впечатлений, значительно более точно и глубоко их воспринять, связать их значительно большим количеством старых сцеплений опыта. Еще с раннего детства у подобных индивидуальностей замечается эта колоссальная разгрузка сознания, путем расширения подсознательной мозговой автоматизации.

Наша трудовая молодежь, в отношении к унаследованному творческому автоматизму (поскольку это касается, главным образом, теоретического научного мышления), социально, исто-

рически, конечно, оказывается не в очень благоприятном положении. Прадеды, деды у сохи, отцы либо тоже у сохи, либо у станка,—такая унаследованная установка, понятно, не располагает к автоматическому усвоению теоретических ученых тонкостей. Однако, с этим вопросом все же обстоит сейчас не так трагически, как этого хочется контр-революционной психологии: во-первых, наука, как уже сказано выше, теперь практикуется (и в содержании своем и в методах обучения ей), лишается своей отвлеченческой жвачки, все теснее сближается с здоровым жизненным смыслом, являясь его организованным и концентрированным углублением. Организованный же практический смысл «как-будто», ведь, не так уж чужд богатому жизненному опыту нашего пролетарского молодняка и его трудовых предков. Все дело лишь в том, чтобы революция энергично и основательно отгрызла у науки ее бока, слишком набухшие паразитическим жиром отвлеченщины, сохранив лишь действительно нужный человечеству, производственно организующий, ее костяк, для одоления которого производственно-реалистического, практического автоматизма в биологических свойствах нашей трудовой молодежи хватит вполне. С неревольюционизированной же наукой ему, конечно, справиться будет труднее.

Но, помимо врожденных свойств (как при сильной, так и при других степенях его развития), второй предпосылкой, вторым условием для плодотворного творческого автоматизма—является наличность благоприятной внешней воспитательной среды, поставляющей с раннего детства богатый материал впечатлений, притом материал как-раз в том направлении, в какое устремлена и данная творческая работа: такое благоприятное стечение обстоятельств может иметь место и случайно, может быть построено и нарочито, путем планомерного создания соответствующих воспитательных условий вокруг. Чем больше материала, нужного для данного мозгового задания, имеется в прошлом опыте работника, тем сильнее шансы на более продуктивное распределение умственного труда между подсознанием и сознанием.

Третьим условием для построения здорового мозгового автоматизма является состояние хорошей обще-физиологической организованности и прочности. Чем сильнее организм, в смысле биохимического своего содержания, чем лучше налажена, в про-

цессе жизненной тренировки, связь между его функциями, чем более организованы движения его, работа органов чувств и прочие физиологические проявления, чем больше естественного ритма во всем его бытии, тем больше данных (конечно, при наличии и других предпосылок) для более богатого использования подсознательного автоматизма, который питается, конечно, и биохимически и функционально из общих физиологических источников. Подобная общефизиологическая организованность иногда может быть до известной степени и врожденно-удачной, но в подавляющем своем содержании она является результатом большой организующей тренировки, проделанной над человеком средой, воспитанием.

Четвертым условием для плодотворного подсознательного автоматизма являются хорошо воспитанные, специальные навыки организованной умственной работы,—хорошо воспитанная, гибкая и стойкая регулировка процессов умственной деятельности. Проявления этой воспитанной умственной организованности таковы: умелое создание соответствующей внешней (технической) обстановки, благоприятствующей работе,—разумная предварительная подготовка всего необходимого, умелое использование времени, подбор материалов, нужных для работы,—разумный, своевременный выбор задания для работы, выбор наиболее благоприятного биологического состояния, умелая комбинация различных частей используемого материала и рациональное вовлечение в дело нужных для этого элементов психофизиологического аппарата. Все эти свойства—результат воспитанной личной самоорганизации, продукт хорошего воспитания и самовоспитания (врожденные черты, облегчающие это самовоспитание, указаны выше).

Итак, при наличии: 1) соответствия между содержанием проделываемой умственной работы и социально-наследственными свойствами и тяготениями; 2) обилия даваемых средой впечатлений—по линии работы; 3) общефизиологической организованности и прочности; 4) воспитанного умения организовать интеллектуальную работу,—богатый подсознательный автоматизм был бы обеспечен вполне, мозговая деятельность протекала бы при условиях наибольшей экономии и наилучшего эффекта.

Учебный материал, преподносимый в форме, близкой наследственному и личному опыту учащегося,—организация вокруг работы впечатлений, наиболее сочно питающих работу,—устой-

чивая регулировка всех телесных функций работающего, истощающая рационализация самих специальных процессов умственной, учебной деятельности,—вот что является общим преддверием нормализации творческого процесса.

— Как же эти условия осуществить?

1. ОРГАНИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ.

Первым долгом для этого надо разрешить проблему времени.

Необходимо таким образом организовать время, чтобы количество его, занятое целевой сознательно-сосредоточенной умственной работой, и порядок размещения этого времени по различной интенсивности, по различному материалу работы, с одной стороны, соответствовали биологическим возможностям организма,—с другой стороны, чтобы они создавали наилучшие условия для наипродуктивнейших результатов.

Надо так распределить части дня и так пунктуально выполнять эту организационную схему, чтоб за некоторое время до начала некоей новой работы—подсознательно уже шла к ней, без усилия воли, соответствующая подготовка.

Еще не кончена, казалось бы, старая работа, а резервная часть нашего мозгового аппарата—автоматически готовится уже к новой работе, которая, тем самым, не настигает работающего врасплох. Я подчеркиваю—резервная часть, т.-е. та, которая в данный момент вообще не была пущена в ход,—почему изъятие ее из обращения не произведет бреши в производящейся сейчас, еще незаконченной, сознательной нашей работе. Мы знаем, что все 100% нашего мозгового фонда никогда не идут в ход сразу, и, в данном случае, подготавливающейся к следующей работе является именно свободная, резервная его часть.

При умелой организации времени, мы добьемся еще одного, тоже колоссальной ценности, результата: проделанная нами только-что, для сознания нашего на сегодня уже законченная работа, оказывается включенной в определенное русло подсознательного автоматизма и там подвергается дальнейшему, еще более углубленному, продвижению,—почему, впервые после этого перерыва принявшись снова за ту же работу, человек неожиданно узнает, что он гораздо лучше усвоил воспринятый материал, чем тогда, когда он прекратил сознательную его обра-

ботку. Подобная подсознательная переработка может идти тут же рядом с сознательной обработкой совершенно других материалов, но умение в том и заключается, чтобы распределить по времени и материалам различные виды работы — именно, применительно к наиболее удобному сочетанию этого своеобразного «творческого раздвоения». Фактически, ведь, мы всегда раздвоены, расколоты,—никогда определенный процесс мышления не занимает сразу всю личность. Но обычно эта расколотость—явление дезорганизации, между тем, как мы можем путем организации блестяще ее использовать.

Для ясности приведем пример, иллюстрирующий организацию двух вышеуказанных ценнейших процессов в области подсознательного автоматизма. (Назовем их: а) предварительная подсознательная подготовка; б) последующая подсознательная доработка.)—Если я накануне подготовился по историческому материализму, а сегодня, в час дня, мне предстоит семинарий по этому предмету, то еще часов с двенадцати (конечно, если время всякой работы для меня действительно точно организовано), в то время, когда я занимаюсь сосредоточенно, положим, математикой, начинается подсознательная внутренняя подготовка к предстоящему семинарию. Если я действительно организовано работаю, эта подсознательная подготовка к следующей работе не отвлекает меня от математики, т. к., при моих занятиях таким, сравнительно сухим, предметом, всегда остается подсознательно резервная часть мозгового аппарата, которая ищет более сочного для себя мыслительного материала и, не оказавшись у нее по пути организованного сгустка—в виде предстоящего урока исторического материализма, она отвлеклась бы в другом, менее рациональном, менее своевременном направлении: анализом процессов подсознательной жизни (Жане, Пренс, Юнг, психоанализ и пр.)—это всегда можно установить.

Таким образом, семинарий по историческому материализму не застаёт уже студента врасплох,—но этого еще мало. Самые занятия «сухой» (для неспециалистов) математикой, пропитанные более сочным, более «вкусным» тоном—предвкушением живых, содержательных занятий по историческому материализму (даже в подсознательной подготовке к ним)—значительно оживляются: добавочный раздражитель, организованно связанный со всей системой

учебной работы, не отвлекает, а сугубо возбуждает.

Но и этого еще мало. Если после хотя бы и интересного, но все же трудного семинария по историческому материализму (вслед за перерывом, конечно), студент уселся за интересную и легкую книгу по истории литературы, или по истории западного рабочего движения, он этим убивает двух зайцев; после трудного—легкий предмет, по линии контрастного возбуждения, особенно радостно и глубоко усваивается,—и, вместе с тем, ушедший в подсознание законченный исторический материализм, имея перед собою несложного соперника, тоже находит и для себя удобное русло, где и подвергается более детальной переработке, чем это можно бы сделать на самом семинарии, притом ничуть не мешая изучению легкой литературы. Если же после исторического материализма снова заняться трудным предметом,—мы создадим два торможения: второй трудный предмет, после недавнего сильного сознательного напряжения, будет хуже восприниматься, а, с другой стороны, неполное еще усвоенному материалу, полученному в семинарии по историческому материализму, некуда будет развернуться в подсознании, придавленном сейчас избыточным возбуждением в сознательной области умственной деятельности. Значительная часть его так и окажется неувоенной, забудется, «выветрится». Можно в данном случае—всегда экспериментально подтвердить, что наш примерный исторический материализм—до истории литературы—был усвоен хуже, чем после истории литературы. Если же за ним следовала, положим, политическая экономия (трудный предмет),—то исторический материализм после нее окажется хуже переработанным, чем после истории литературы,—и, что особенно важно, гораздо хуже, чем немедленно после семинария.

Теперь представим себе, что это распределение предметов во времени производится неорганизованно. Самостоятельную подготовку к семинарию по историческому материализму студент производит не накануне, а в тот же день, за несколько часов до семинария, и тут же усядется за математику. Так как предварительная подготовка—работа чрезвычайно напряженная и ответственная (проделывается она не в коллективе, без помощи руководителя и т. д.),—очевидно, для подсознательного ее «утрамбования» требуется некоторое время, некоторая пауза,

свободная именно от данной работы,—пауза, которая могла бы быть использована для автоматического заполнения ее «неразжеванным», «непереварившимся» материалом—для завершения этого незаконченного «мозгового пищеварения» («утро вечера мудренее»—«отдохнув, я вдруг понял все»). Не получив этой «пищеварительной паузы», и вообще, не получив более длительного, нужного для «утрамбования», срока, прочитанный материал по истмату врежется в непереработанном виде в занятия по математике и нарушит в них единство сознательного внимания (особенно необходимое именно для студенческой математики, ввиду ее необразности и малой ее пока связанности с социально-производственным опытом трудовых масс, что не дает, как знаем, сильных толчков под-сознательному). Это, с одной стороны,—с другой же, в подобных условиях уничтожается возможность и указанной выше предварительной подсознательной подготовки к самому семинарию, осуществимой лишь при прочно сейчас организованной, сознательной работе в другой области (хотя бы в нашем примере—по математике).

Такая же дезорганизация подсознательных, творческих автоматизмов произойдет, если перебрасываться временем различных видов работы. Если обычно, т.-е. и сегодня, я готовлюсь к истмату, а через неделю ту же подготовку к истмату провожу после немецкого языка,—это разрывает привычную, удобную, условную, рабочую сцепку между двумя областями знания и вызывает ненужное добавочное напряжение, требующее особой затраты, как биохимической, так и во времени. Если же у работника вообще нет этих условных, технических связей, и предварительную подготовку он проделывает, когда придется, по какому-угодно предмету, таким приемом работы он наносит сокрушительные удары подсознательному автоматизму—вообще, т. к. каждый раз нуждается в проторении для себя в одной и той же узкой области новых деловых путей: сто первый раз открываем без нужды все ту же Америку.

Итак: 1) хорошая организация сознательного сосредоточения; 2) обеспечение наилучших условий для последующей подсознательной доработки; 3) создание благоприятной обстановки для предварительной под-

сознательной подготовки,—вот три основных требования, которые мы предъявляем рациональному распределению учебного времени. При этом, под организацией сознательного сосредоточения, мы, конечно, понимаем не только использование, так называемого, сознания, но и такое умелое оперирование с ним, при котором лучшие области предшествующего подсознательного опыта данной категории были также сейчас вовлечены в процесс работы. Это ставит перед нами во весь рост проблему об определенном и устойчивом соотношении между различными типами сознательного сосредоточения в области одной и той же дисциплины, т.е. между коллективной проработкой предмета, руководимой кем-то (семинарий, кружок) и самостоятельной, предварительной подготовкой к этой коллективной работе.

Вполне очевидно, что если студент предварительно ничего не будет знать из того материала, который он получает в коллективной работе,—его сиденье в кружке, в семинарии будет совершенно бесплодным, т. к. оно в корне противоречит основному, азбучному принципу нашего учебного подхода—принципу творческой самостоятельности учащегося: механическое запоминание, рассеянное внимание, добавочное и бесполезное в то же время напряжение, утечка через короткое время 90% услышанного материала—таков результат подобной «работы». Следовательно, предварительная самостоятельная подготовка необходима.

Надо ее распланировать во времени, добиться вполне определенных соотношений. Конечно, в час не подготовишься к двухчасовому семинарию по политической экономии: на семинариях в кружке—обычно прорабатывается лишь самое существенное, стержневое в области очередного учебного задания, что является значительно более концентрированной, умело руководителем профильтрованной работой. Он организует внимание коллектива в определенном направлении, экономно использует имеющийся в коллективе материал знаний. В предварительной же подготовке нет этой концентрации, экономии, выявившегося направления, т. к. усваиваемый материал для читающего нов. Он должен одинаково внимательно относиться ко всему прочитываемому, стержневое выделится у него лишь в конце. Это требует, понятно, значительно больше времени

на подготовку, чем на семинарские занятия, при чем более сложный материал семинария требует и больше времени для предварительного с ним ознакомления.

Если руководитель коллективной работы действительно осмысленно подбирает для слушателей предварительные литературные и прочие источники (и по качеству и количественно), и если содержание очередных его занятий не рождается по наитию, а заранее отчетливо им продумано,—соотношение между предварительной подготовкой и коллективной работой—у наиболее трудных предметов приблизительно равно 3:1, более легких 2:1 (т.е. один час семинария, кружка требует трех или двух часов предварительного ознакомления с материалом); конечно, это соотношение вычислено эмпирически, но все же оно подкрепляется достаточно крупным числом экспериментальных наблюдений. Проблема распределения учебного времени требует твердого учета и этого соотношения.

Далее,—вопрос о размещении различных видов работы в разные части дня и о последовательной очередности этих работ. Если действительно серьезно относиться к делу, а не требовать одного лишь формального прохождения предмета,—надо построить учебную работу так, чтобы на один день приходилось не больше одной трудной дисциплины (семинария, кружка). Два трудных семинария, один за другим—это ликвидация каких бы то ни было возможностей использования благодетельных мозговых автоматизмов (почему—мы видели выше). Вообще, чрезвычайно желательно, чтобы в день было не больше одного семинарского занятия (трудного, легкого), т. к. подобный метод (конечно, хорошо применяемый) организованной, настойчивой и полновесной коллективной нагрузки дает чрезвычайно много последующих иррадиаций (боковых отдач)—очень ценных, захватывающих различные области предшествующего опыта, но в то же время очень упорных и объемистых, что не дает возможности здесь же уместиться в тот же день еще одной подобной же нагрузке. Лишь в крайних случаях, при неумолимых, непреодолимых требованиях учебного плана, можно согласиться иногда на совмещение в один день семинария с другим,—конечно, более легким, коллективным занятием (лекция, кружок). (О лекциях особо,—см. ниже.)

Предварительную подготовку, как говорилось, следует про-

дельвать заранее, при чем стараться не дробить ее на мелкие приемы в полчаса, час. Предварительная подготовка—в один присест (об отдыхах ниже)—должна отнять не меньше двух часов,—для трудных же предметов часа три сразу, т. к. начальная «раскачка» отнимает много времени (даже у хорошо организованных работников: надо войти в сферу новых вопросов), и наибольшая качественная продуктивность вырастает лишь ко второму часу работы.

Очередность предметов должна придерживаться основного правила *): избегать длительного одностороннего возбуждения, т. к. оно утомляет; поэтому целый день, отданный исключительно обществоведению, окажется для студента менее продуктивным, чем тот же «обществоведческий» день, пронизанный хотя бы двухчасовой физикой. Обществоведческая пауза во время физики позволит впитанному обществоведческому материалу лучше подсознательно акклиматизироваться («утрамбоваться»),—апперцепироваться—по Вундту.

Перейдем к отдыхам, в течение учебного дня, и к распределению обеих половин дня. Каждый час организованных, коллективных занятий требует десятиминутного перерыва; после двух часов коллективных занятий—пятнадцать минут перерыва; каждые три часа самостоятельной подготовки требуют, по меньшей мере, полного получасового перерыва. В середине дня (после обеда) необходим полный часовой отдых, от какой бы то ни было работы (лучше всего сон). О значении этого отдыха для желудочно-кишечного пищеварения мозгового работника будет сказано ниже, но и роль его для непосредственной организации самой мозговой работы совершенно исключительная.

Как ни хороши междупредметные паузы, используемые для подсознательной переработки этого, оставленного на время, предмета,—однако, в середине рабочего учебного дня необходима еще и «беспредметная» длительная пауза: время полного отдыха для сосредоточенно-активно работающего мозга,—время, когда мозг заново приобретает свою почти утреннюю упругость, без которой вторая половина дня, иначе, окажется бесплодной, время более прочных, подсознательных систематизаций того,

*) Читатель должен непрерывно помнить, что речь здесь во всей статье постоянно идет об организации типической учебной работы; при ином содержании работы, отдельные советы должны быть, конечно, изменены.

что было усвоено в первую половину дня. Изъятие часа из работы, т.-е. фактически около восьми-десяти процентов всего рабочего времени, увеличит продуктивность работы второй половины дня по меньшей мере вдвое, не говоря уже о значительно лучшей консолидации проработанного в первую половину, чего под проценты, конечно, никак не подведешь. Борьба за этот полный час отдыха, за фактическое его осуществление в середине рабочего учебного дня,—должна сделаться одной из крупнейших задач НОТ'овских, бытовых и академических, студенческих организаций; отняв немного, этот час сбережет очень много.

Наиболее трудную работу надо стараться проделывать в первую половину дня, когда мозг еще свеж. Психофизиологические исследования пытались установить особый тип вечернего и ночного мозгового работника (*Abendsarbeiter, Nachtsarbeiter*), особенно работоспособных, по природе своей, не утром, а к вечеру или даже ночью. Однако, во-первых, этот тип не част, во-вторых, нередко он представляет собою болезненное явление (некоторые категории неврастеников, циклотимиков), в третьих, зачастую он вырабатывается в результате привычки,—почему, при необходимости, его можно и перевоспитать. Во всяком случае, если этих по природе своей вечерних работников окажется в ВУЗ'е на факультете, на курсе—целая группа, можно это обстоятельство частично учесть, конечно, без ущерба для учебного и бытового режима всей школы в целом.

Теперь о частностях в распределении дня, недели, месяцев учебного года.

Вставать в 8 часов—ложиться не позже 12 (можно соответственно часом раньше). Работу начинать через час после вставания; обед между двумя, тремя часами, ужин в семь-восемь часов.

Каждую неделю суточный отдых от целевой работы, т.-е. от нарочитого сосредоточения, требующего интенсивного, активного напряжения (подготовка, кружок и проч). Отдых этот в большом масштабе (но лишь в иной форме, это, конечно, не суточный сон, а лишь отсутствие целевой работы) имеет тоже значение, что и вышеуказанный часовой отдых в течение суток. Надо помнить, что мозг не является механическим аккумулятором впитываемых им впечатлений: чем их больше, тем они качественно лучше, будто бы, перерабатываются?—Если не давать

ему организованных, плановых передышек, взамен творческой кумуляции мы получим бесплодные, а иногда и сокрушающие взрывы. При чем откладывать эти необходимые отдыхи «на потом» («лучше отдохнуть сразу неделю, чем семь недель по одному дню») — будет совершенно нецелесообразно, т. к. биохимически и механически, конечно, подобный семидневный отдых организовать удастся студенту лучше (подпитаться у родных, выехать за город), но для диалектики интеллектуальных функций отсутствие, во-время, нужной передышки окажется грубо качественно отягощающим обстоятельством; не говоря о более резком переутомлении, творческая ценность воспринятого учебного материала без подобного, во-время, каждую неделю, данного отдыха окажется ничтожной. Всегда надо при этом помнить, что наш красный молодняк — преимущественно, практик физического труда, еще, вообще, не привыкший к непрерывной умственной работе, и тренировать его надо не нахрапом, а с соблюдением научных пропорций.

Каждые три месяца — десятидневный перерыв, летом — полный полуторамесячный отпуск. Между прочим, разбивка учебного года на две половины с трехнедельным перерывом гораздо менее рациональна, чем десятидневный перерыв каждые три месяца, вследствие той же быстроты истощения биологической упругости умственного работника: передышки чаще, хотя бы и не столь крупные. Эти условия утомляемости надо учесть также и при учебном использовании различных частей недели, триместра, года. Наиболее сложные элементы дисциплин, как и наиболее трудные предметы, надо приурочивать к началу, а еще лучше к средней части недели, — к второй и третьей четверти после отпускного периода, к первой и второй трети учебного года. Конец этих этапов надо щадить — в виду утомления учащихся.

Имеется, наоборот, научное предположение, что как-раз к концу работы, перед отпуском и проч., особенно сильно «вспыхивает» работоспособность. Но, во-первых, это либо побочный эмоциональный подъем (предвкушение скорого отдыха), который, как искусственный возбудитель, как шпоры, вообще вредно пускать в ход в отношении к истощившемуся организму, — либо же это умело подтянутые, к концу работы, неиспользованные мозговые резервы, которых, к сожалению, у нашей современной красной молодежи не может быть, т. к. она уходит в

работу вся, со всеми своими резервами. Во всяком случае, об этом вспыхивающем усилении работоспособности к концу работы—все же следует помнить, т. к., при необходимости, умелый и чуткий педагог, пожалуй, воспользуется этим без ущерба для своих учеников.

Утром и перед ужином надо оставить часть времени для физических упражнений (см. ниже); на чистом воздухе быть не меньше полутора часов в день (полчаса из них можно использовать для физкультуры),—надеюсь, эти пункты не требуют мотивировки.

Памятуя, что наша молодежь находится сейчас в стадии напряженнейшей начальной мозговой своей тренировки, отнимающей огромное количество энергии,—при том энергии, связанной по преимуществу с нервно-психическими процессами, основное внимание должно быть уделено созданию условий, благоприятствующих своевременному восстановлению утраченных элементов. Первым из этих условий является достаточное количество часов для сна. При активной мозговой нагрузке, наш молодяк обязан уделить ночному сну восемь часов, как бы жалко ни было терять на сон насыщенные ярким содержанием часы.

Итак, восемь часов сна, час полного отдыха, полтора часа воздуха и физкультуры, полтора—два с половиной часа на мелочи суточной техники (питание, самообслуживание, очереди, переезды),—на «внеделовое» время нами распределено около двенадцати часов (лишний час суточного технического самообслуживания может быть использован из воскресного умственного отдыха). Около одиннадцати-двенадцати часов остается, таким образом, свободными для дела *).

Какую же часть этого времени отдать целевой учебной работе?

Под целевой, плановой, учетной, организованной учебной работой—мы понимаем ту, которая входит в состав учебного плана, непосредственно обслуживая задачу выполнения этого учебного плана, т.-е. фактически: организованную коллективную работу (лекции, семинарии, кружки, учебный костяк экскурсий) и организованную самостоятельную подготовку к этой коллективной работе. Всякую же прочую умствен-

*) Все вычислено по астрономическому, а не по академическому времени.

ную работу: чтение газет, побочная литература, случайные публичные лекции,—театр, эпизодические—политические или профессиональные собрания,—мы из понятия целевой работы исключаем, т. к., несмотря на несомненную помощь, оказываемую этими видами работы общему выполнению учебного плана,—все же в непосредственное содержание плана они не входят.

На подобный тип целевой, плановой работы должно быть отдано из суток восемь часов. Это не произвольная цифра и не голая аналогия с восемью часами физического труда в день, а продуманный итог, построенный, с одной стороны, на просмотре целой серии минимальных учебных планов,—с другой стороны, на непосредственном знакомстве с биопсихологическими возможностями нескольких сот человек из среды современного красного студенчества. Для наших учебных планов, как бы ни сопротивлялись авторы их, это все же вполне осуществимый минимум, для нашего же студенчества—это предел. Фактически, целевая нагрузка современного красного студента равна, в среднем, одиннадцати-двенадцати часам, что и недопустимо, и фактически не достигает цели, как бы ни тешили себя руководители учебной части розовым формальным учетом успешности.

В эти восемь часов суточной целевой учебной нагрузки входит также и организованная подготовка к внеучебной политической работе: подготовка материала для очередного занятия в руководимом студентом парткружке, подготовка публичного доклада на рабочем собрании, в ячейке и т. д. Самые же партсобрания, текущие профсобрания и проч., ввиду порядочной разжиженности преподносимого ими, обычно, материала, в содержание целевой работы не входят—за исключением собраний, насыщенных особо ответственным, напряженным материалом.

Остальные три-четыре часа тратятся студентом на побочную литературу, газету, собрания и проч.

Итак, у нас нормирован весь день. Нормирован не только в порядке формального распределения времени, но также и путем фиксирования определенных взаимосвязей различных частей работы на протяжении суток, недели, триместра, года.

Во избежание непоправимой дезорганизации нервной системы нашего молодняка, во избежание бессмысленного расходования сил на бес-

плодную работу,—не следует допускать лишней и неправильно-организованной учебной нагрузки.

Правление ВУЗ'а, учебная часть, парт'ячейка ВУЗ'а и студенческие академические организации должны неослабно следить за этим. Конечно, подобная боязнь перегрузки не должна превращаться в организованное потворство сознательным и бессознательным лодырям, которые захотят использовать эту обстановку оберегания сил в своих паразитических интересах. Однако, современный красный студент, в массе своей, совсем не лодырь (наоборот, избыточный «антилодырь»), и, кроме того, с лодырничеством, как и с политической контр-революцией, есть, ведь, в современном ВУЗ'е полная возможность плодотворной борьбы.

II. ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА.

Первоочередным же вопросом нормализации учебной работы, рядом с проблемой организации времени, является проблема организации учебного материала.

Часть этой проблемы разрешалась нами выше, по пути распределения времени, т. к. время вообще является центральной осью, вокруг которой формируются все прочие вопросы нормализации,—но, все же, далеко не все моменты, необходимые для организации учебного материала, были нами там даны, и поэтому займемся учебным материалом особо.

Итак, учебный план должен быть построен на твердом учете фактической целевой вместимости учебного года. На большее он не имеет права претендовать. Надо пересмотреть задания ВУЗ'а, продолжительность его учебного курса, взаимоотношения отдельных учебных лет, взаимоотношения отдельных дисциплин на протяжении каждого учебного года, содержание отдельных предметов, даже методов их преподавания,—надо проделать перераспределение, перетряхивание плана, надо встряхнуть преподавателей, заставить их уплотниться, организоваться,—но перегрузки молодого пролетарского мозга не должно быть.

Должна быть уничтожена многопредметность учебного плана. На протяжении недели (т.-е. триместра) дается никак не больше пяти-шести предметов,—из них не больше трех-четырех трудных. Должно быть точно учтено соотношение коллективных занятий с самостоятельной подготовкой. Должны быть тщательно намечены те части недели, триместра и учебного года, когда будет прорабатываться та или иная часть дисциплины.

Должны перевоспитаться преподаватели,— импровизированная, «по чутью», «педагогика» должна смениться плановой организацией учебной работы. Профессор должен заранее уяснить, какой именно дополнительной самостоятельной работы потребует руководимая им семинарская нагрузка, и обязан наметить лишь те источники и те главы этих источников, которые действительно необходимы для очередного занятия, в меру имеющегося на то, учтенного целевого времени. Должно быть всемерно облегчено студенту отыскание вспомогательных материалов (статистические данные, музейные экспонаты, рисунки и проч.), чтобы не было нелепых технических затрат,— и обязывать к этой вспомогательной работе лишь тогда, если она имеет действительно исследовательское значение для студента.

К лекциям прибегать, ввиду их пассивирующего значения, лишь в тех случаях, когда это совершенно неотвратимо: если предмет настолько нов, что не имеет еще удобоваримой литературы; если он настолько сложен, что требует обязательного—сжатого, предварительного введения и т. д.,—при чем и здесь, как можно чаще, следует пользоваться системой запрашивания аудитории и перекрещивания мнений.

Во избежание заглушения творческих механизмов студента и недоиспользования его собственного материала, необходимо отказаться от системы длинных докладов участников семинария; докладчик выступает лишь с подробно разработанными тезисами, мотивируя их в пять-восемь минут. Так как материал темы одинаково ответственно проработан всеми участниками работы, поэтому литературные обоснования, взятые из всеми использованных источников, в докладе совсем не нужны, бесплодно отнимая время, ввиду знакомства всех с ними. Выделить лишь собственные, оригинальные соображения докладчика и те мотивы, которые он почерпнул из литературных данных и фактов, неизвестных участникам семинария. Только при таком подходе доклад действительно окажется организующим моментом, вызовет общую коллективную самодеятельность, предоставив возможность и даже обязав во-время и по существу выступить всех участников работы. Эта постоянная, коллективная ответственность является великолепным орудием, организующим мозг по пути наиболее сосредоточенной и, в тоже время, наиболее подсознательно плодотворной работы.

Большие обязательства возлагаются на руководителя работы,—но не меньшие предъявляются и к руководимым. Руководитель должен уметь улавливать у каждого участника наиболее ценное, у того имеющееся, но эта же функция руководства, т.-е. организации, коллективного содействия является обязанностью всех участников семинария: выступать, толкать других к выступлению,—провокация спора. От слушателей же зависит побудить преподавателя говорить с ними на их языке, пользоваться их производственными и бытовыми образами, применяться к их социально-наследственным и социально-приобретенным свойствам; без включения этого элемента в состав преподаваемого предмета, учеба окажется для красного молодняка лишь мучительнейшей и бесплодной жертвой.

В назначенное для определенного занятия время студент должен быть уже при деле, ничем посторонним не отвлекаясь. Всякое отвлечение сознательного внимания от текущего задания, путем длительной и настойчивой тренировки, должно сделаться невозможным. Нужные—литература, бумага, письменные принадлежности должны быть заранее приготовлены, чтобы мозговая раскачка началась с первой же минуты включения в работу.

Чем меньше с самого начала работы технических отвлечений, тем больший круг старого опыта сразу вовлекается в работу. Чем шире иррадирует полученный мозговой толчок, тем интенсивнее и легче разворачивается работа. Экономная поза, крайне экономные движения, задержка излишних, в процессе внутреннего сосредоточения, речевых выявлений (крики возмущения, крики восторга)—все это представляет собою добавочных полезных возбудителей, облегчающих мозговую работу. Все сбереженное вольется в русло наибольшего сейчас интереса, там утилизируется. Все же лишние движения, восклицания, жесты являются щелью, через которую бесплодно утекает часть творческого топлива,—не только количественно, но и грубо качественно—нарушая мыслительный процесс.

Наилучшим способом работы является, конечно, работа в сидячем положении, в спокойной позе. Бегание по комнате, размахивание руками,—неистовые и вообще всегда нелепые выкрики—все это не что иное, как поведение Крыловской мартышки, не умеющей обращаться с очками. Дело тут, ко-

нечно, не в моторном типе интеллекта (этот тип вовсе не в бегании выражается), а в неумелом телесном гримасничаньи, заменяющем полезные действия (вроде высовывания языка ребенком при обучении его письму). Сосредоточенное мышление любит самые скудные движения (именно любит, т. к. это ему выгодно); вспомним скульптуру Аронсона—«Мефистофель»,—Родена—«Мыслитель».

Чувство усталости, если оно не велико, если оно объективно преждевременно (повышенная болезненная утомляемость должна быть объективно учтена врачом, и в отношении к ней надо принять специальные меры), может быть легко рассеяно небольшим перерывом, связанным с несложными гимнастическими движениями, при открытой форточке. Это отвлекает от незаконного, пока, ощущения утомления и, кроме того, дает добавочный толчок для бодрого протекания дальнейшей работы.

По истечении назначенного срока, работа должна быть приостановлена, чтобы не нарушать автоматического разворачивания очередного, за ней следующего дела. Если очень уж работник «разохотился» («вот как блестяще у меня сейчас развернулось»),—безразлично,—приостановить работу не будет все же вредно. Хорошо организованный мозговой аппарат не упустит этого начавшегося творческого разворачивания, бережно его сохранит, даже подсознательно его пополнит—и к следующему этапу работы получит прежний сильный заряд, ничего в нем не проиграв, —наоборот, выиграв.

При невозможности самостоятельно справиться с прочитанным, студент, конечно, адресует за помощью к товарищу, но, в взаимных интересах,—это обращение должно быть максимально организованным, чисто деловым, без ненужных предисловий, дружеских похлопываний, добавочной болтовни. Вопрос,—ответ,—совещание,—и отошел. Пусть не боятся этого «грубого» посягательства на жизненную диалектику наших человеческих отношений, нашего поведения. Творческая диалектика организованной мозговой работы требует минимума привнесения в нее, **в процессе работы**, диалектики из внешней среды. Дело иное, если работник представляет собою, сейчас, многоветвистое щупальце, вонзившееся в окружающую жизнь,—если он жадно слушает, смотрит, говорит, бродит, действует,—конечно, в такой дина-

мике он получает массу ценных впечатлений, но это, ведь, не плановая, не целевая, не узко отграниченная учебным заданием работа,—это, ведь, сама живая, горячая жизнь. Она и является, конечно, основным источником организованной мозговой работы,—но организованная мозговая работа—это лишь конечная систематизация, завершение непосредственного жизненного опыта. У нее имеются свои особые законы, и, не подчинившись им, мы так и будем кустарно, житейски «нащупывать», не приобретая способности углубленно, научно мыслить. Максимум скупости вовне, при организованной мозговой работе—к максимуму богатства внутри. Этот принцип—наш неугомонный, подвижной красный молодняк должен вырезать в своем мозгу.

Несколько слов о технике подготовки докладов. Основываясь на опыте нашего молодняка, пишущий пришел к выводу, что наиболее применимой сейчас является следующая система. Пишется сначала сжатый план из четырех-пяти основных пунктов. Дальше эти пункты обслаиваются подпунктами, деталями—все еще в конспектном виде; каждый подпункт расширяется, в свою очередь, при чем, в процессе прохождения через эти три этапа, первоначальная архитектура доклада может быть серьезно изменена,—и лишь после двухэтапного расширения, а может быть, и изменения первичного планового костяка, докладчик приступает уже к литературному начертанию всего доклада в целом. Такой способ приучает к экономному, планомерному, систематическому мышлению и вполне доступен, если докладчик действительно серьезно подготовил весь нужный предварительный материал. Манера писать «по вдохновению», с листа, без несколько-кратной переделки плана угрожает большою опасностью потери целевого направления в работе. Надо помнить, что нет никакого творческого «вдохновения» по наитию. «Вдохновенное творчество»,—это—творчество, построенное на великолепной предварительной организации, без которой «вдохновение» заменяется лоскутным бредом. Большой личный знаток огромных вдохновений, Гете, недаром говорил: «гений—это гениальная воля». «Вдохновенный» Пушкин черкал свои стихи по несколько десятков раз.

Всякой умственной работе должна сопутствовать сжатая запись, тут же, основного содержания из прочитанного, услы-

шанного; каждому предмету соответствует особая тетрадь. Писать четко, чтобы не создавалось лишних трений при расшифровке. Чаще прочитывать написанное,—перед каждым новым занятием сжато воспроизвести предыдущее.

Имеется, между прочим, еще система пользования так называемыми подсеминариями: предварительно, до семинария, материал прорабатывается не в одиночку, а группами, по два-четыре человека;—существуют указания, что подобная коллективная работа в небольших группах продуктивнее работы в одиночку. Не отрицая огромного значения коллективного взаимодействия для учебной работы, автор все же полагает, что до тех пор, пока наш молодняк не выкует у себя способности к самостоятельной, организованной мозговой работе, его не надо лишать и возможности индивидуальной проработки материала, без которой мозговая самоорганизация не создается; наоборот, добившись ее, товарищ будет затем утроенно ценен и в коллективе.

О требованиях наглядности, действенности, связи с производством и прочих азбучных истинах советской педагогики, распространяться здесь, конечно, не зачем,—тем более, что мы не пишем, ведь, методического руководства по педагогике.

Огромное значение имеют активные, деловые, учебно-организационные взаимовлияния студенчества и преподавателей. Робость перед профессорским авторитетом нашему молодняку, конечно, не свойственна,—без переделки же профессуры никакая организация учебного материала не удастся. Жестокая, но, конечно, разумная, справедливая критика построения работы, практической ее организации, указанных литературных источников—наилучшее средство для действительного приспособления научных дисциплин к учебным возможностям студенчества.

Для организации, а затем и оживления внутренней ассоциативной связи между различными дисциплинами, необходимо так прорабатывать календарный план проходимых предметов, чтобы создать возможность формирования нескольких объединенных совместных заседаний двух-трех семинариев, с одним и тем же слушательским составом. На подобных заседаниях могли бы зачитываться сжатые доклады по курсу всех этих семинариев, проработанные таким образом, чтобы они связывали воедино несколько пред-

метов данного триместра. Марксистский синтез тем и силен, что он может диалектически связать в неразрывное органическое целое—казалось бы—совсем неродственные друг другу области. Между тем, это внесло бы огромное облегчение в мозговую работу молодежи, т. к. взамен расколотых, изолированных мозговых клочков, отданных отдельным предметам, образовались бы богатейшие, гибкие и цепкие связи, облегчающие работу. Автор и сейчас встречается с бывшим товарищем по медфаку, который шесть раз «проваливался» по неорганической химии, отвратительно работал по физиологической химии и пишет сейчас (на Западе) великолепные научные труды по химии мозга. Причина—оторванность всех этих частей химии друг от друга, в процессе их учебного прохождения, и «безаппетитность» их, чуждость их содержания основному интересу этого бывшего студента—мозгу. Если бы наше архаическое преподавание сумело бы все это во-время связать (а это вполне возможно), талантливому человеку не пришлось бы бежать для научной работы на Запад. Не знаю, обстоит ли и сейчас лучше в этой области.

Чрезвычайно ценны были бы и организованные широкие конференции для всего состава триместра (по два-три раза в триместр), на которых нужная организованная спайка дисциплин проводилась бы в более широком масштабе, глубже—кем-либо из ответственных организаторов всей учебной работы в целом.

Всеми этими краткими указаниями по организации учебного материала мы, конечно, не исчерпали и четвертой доли необходимых советов. Сжато затронуты лишь основные вопросы. Автор твердо надеется, что проблемой учебной нормализации вскоре заинтересуются более энергично, чем это замечалось до сих пор; тогда и будут внесены необходимые дополнения и поправки.

Между прочим, приведем для справки попытку студенчества распределить наиболее ходкие учебные предметы, в зависимости от степени трудности их, на категории. (Опрошено было до ста студентов из двух Ком. ВУЗ'ов, одного Рабфака, двух ВУЗ'ов). Наиболее трудные предметы,—первой категории (большинство опрошенных общественники и педагоги): исторический материализм, теория и практика ленинизма, политическая экономия, общая биология (хорошо поставленная), физика, (хорошо поставленная), математика (для рабфаковцев), психология и т. д. Более легкие предметы—второй группы:—история, история партии,

история рабочего движения на Западе, химия, экономическая география, иностранный язык. Совсем легкие предметы, — третьей группы: история литературы, методика и практика политпросветительной работы, все экскурсии и т. д. Конечно, в этой пробной схеме много произвольного, случайного, обусловленного подбором преподавателей в ВУЗ'е, индивидуальной постановкой дисциплины и персональными требованиями по ней и проч. Но, во всяком случае, такие градации, — конечно, индивидуальные для каждого ВУЗ'а, должны быть выработаны. Надо создать определенное соотношение между предметами различных степеней трудности.

Для иллюстрации того, как же обстоит на самом деле с организацией учебного материала в ВУЗ'ах, приведем выдержки из типических безыскусственных писем, получаемых автором среди многих других, таких же, писем.

Первый корреспондент — студент пролетарий, непосредственно от станка. Вот его вопль *):

— «Начались лекции по эволюции хозяйственных форм. Это не история народного хозяйства, это не история древности и средневековья вообще, нет, это было что то такое, чего я никак и определить не могу. Лектор говорил о «движущих силах», — знание исторических имен, мест, дат предполагалось. С этого курса мы прямо и начали.

(Если не считать того, что вначале разобрали манифест Маркса — к чему сразу такую трудную вещь, не понятно.)

Это значит, подводили «базис» под наше мировоззрение. Базис вышел странный: «понятий» в голове — уйма, но все страшно туманно; знаний конкретных — никаких, ничего в башке не осталось.

Это бы не беда, кабы только ничего не осталось. Дело обстоит хуже. Ведь, мы не только слушали, но и читали. Но что и как читали? У книг мы не бывали, как с ними работать не знали, — а тут, вдруг, библиотека в пятьдесят тысяч томов в наше распоряжение. Батюшки... Глаза разбежались, зубы разгорелись — и пошло! Нам к лекциям была рекомендована «литературка». Назову отдельных авторов: Маркс и Энгельс (в том числе «Капитал»), Зомбарт, Зибер, Обермайер, братья Мотиле, Кулишер, Рожицын, Гильфердинг и десятка полтора других.

Подумать только: людям, приехавшим «с печи», дать такие вещи, на которых академик оплешиветь может, — не только дать, а заставить читать. Результаты: 1) зачитано много (начато), прочитано (конечно) — ничего, или почти ничего; 2) читано много — усвоено страшно мало, полученное не соответствует затрате сил и времени.

Последствия: 1) приобретена сильная неврастения, которая при неумелом опять же лечении (путем принятия лекарств: мышьяка, брома, железа) привела к сильному расстройству всего организма и при плохом еще (с 1922 года) питании; — 2) получен катарр желудка и кишек. — «Научились», но год пропал. Так было в 1922/1923 году, но и до сих пор остается отрицательным явлением: 1) частая переделка программ, 2)

*) Письмо приведено дословно.

плохой расчет времени: возьмут предмет, растянут начало, глядь: под конец времени не хватило, конец скомкан. Это как в пределах одного предмета, так и всей программы в целом. Мы вот два года просидели, прошли: 1. Древнюю историю; 2. Историю средневековья; 3. Новую историю до Французской революции включительно; 4. Русскую историю до двенадцатого века включительно и 5. Политическую экономию до Финансового Капитала (математику, физику, химию и проч. я не считаю). Осталось: 1. Финансовый капитал; 2. Исторический материализм; 3. Новая история западной Европы, начиная с Французской революции; 4. История России XX века; 5. Экономика СССР; 6. История партии и ленинизма. Остался год. По числу предметов осталось пройти в этот год больше, чем пройдено в два предыдущих, но, ведь, разве можно сравнить их по важности? А тут вышло так: историю древности и средневековья два года зудили,—зудили то, что делает человека гимназистом, а то, что делает человека марксистом-ленинцем скомкано будет в эту зиму и первый триместр 1925 года (учиться до 31 января 1925 года)».

— Убедительно, не правда-ли?

Следующий корреспондент, из крестьян, слушатель уездного индустриального техникума, сейчас находящийся уже в Красной армии, сообщает:

«Не думайте, что только в академических центрах обстоит так плохо. Неучет усваиваемости, физического состояния,—приспособление учеников для программ, а не программ для учеников полностью существует и на местах, и в глухой провинции. Самое скверное, что руководящие органы, как местные, так и губернские, считают все это вещь несправимой: изменять, мол, ничего нельзя, так было и так будет. Все согласны признают вместе с нами, что переутомление растет, усваиваемость слабая, учащиеся выбиваются из всех сил, работают по восемнадцати часов в сутки, но администрация тут же заявляет, что губпрофобр программы не изменит, т. е. это зависит лишь от губпрофобра, а туда—ох, как далеко...».

— Другие письма являются повторением приведенных. Как видим, картина в ВУЗ'ах действительно неприглядная.

III. ОРГАНИЗАЦИЯ СРЕДЫ.

Вопросы организации времени и организации учебного материала врезаются в самую гущу еще более сложного вопроса—об организации учебной и бытовой среды.

В самом деле, какое значение имела бы вся наша многосложная организация времени и учебного материала, если бы непосредственно окружающая студента действительность всемерно разрушала бы все его настойчивейшие попытки организоваться.—Ложится во время спать, а через два часа с гиком,

гамом возвращается домой целый табун товарищей, явившихся с вечеринки, с собрания, и грубо дезорганизует автоматический механизм его сна. Спешит утром отвязаться от «чаевой повинности»—очередь сорок минут, или кипяток не готов. Явился во время на семинарий,—лектор опоздал, или тот же лектор, не рассчитав программы очередной работы, захлебнулся в своем неожиданном руководительском вдохновении и затянул заседание на лишних сорок пять минут. Часовые очереди у обеда, шум вокруг, угар, недостаток освещения во время самостоятельных занятий за книгой,—движение, суматоха во время «серединого отдыха» (час лежания после обеда). Нет под рукой соответствующих пособий,—между тем, как они празднично залежались у использовавшего их уже товарища. Вечерняя работа дезорганизуется внеочередным или очередным академическим или иным собранием, рассчитанным на полтора часа, но начатым с опозданием на час и закончившимся... лишь через четыре часа. В такой «среде», конечно, не сорганизуешься, несмотря на все усилия.

Организация учебной и бытовой среды ВУЗ'а —основной, самый большой вопрос нормализации академической работы. Именно на этом вопросе может и должна наша красная молодежь показать свою организованную, практическую, а не только стихийную революционность, свое умение не только действовать нахрапом, но и свою стойкую, терпеливую организационную приспособляемость в мелочах. Если бы наша учащаяся молодежь, как следует, учла, какой чудовищной силы разрушительную работу проделывает над их нервно-психической сферой, над их творческим аппаратом—нелепый хаос современной ВУЗ'овской среды, какую колоссальную часть нашего грядущего золотого фонда революции похищает этот хаос,—она ужаснулась бы, и девяти-десятих этого хаоса скоро не стало бы.—Как ни тяжелы внешние условия нашей ВУЗ'овской жизни, но от настойчивости молодежи, от ее умения организовано, дисциплинированно, неутомимо добиваться общей цели—зависит радикально перестроить и эту, такую, казалось бы, неприглядную обстановку. Вот где настоящее поле для приложения всех без исключения элементов нашей революционной, пролетарской этики: коллективизма, организации, диалектического активизма, острого материали-

стического внедрения во все закоулки быта *). Не решив этическую задачу вблизи себя, красный молодец не осилит ее и после ВУЗ'а. Здесь первое и наиболее ответственное его испытание в области революционного строительства.

Должен быть подтянут весь хозяйственный аппарат должны быть вымуштрованы все преподаватели, каждый студент должен чувствовать свою личную ответственность за благополучие всех и должен вести себя как организованная частичка единого коллектива. Ячейки НОТ'а, ячейки быта, мобилизуйтесь!

Пусть не боятся слишком чувствительные товарищи, что эта «всеобъемлющая» нормализация сплющит и, творческую свободу, свяжет их диалектические, боевые, революционные порывы. Сейчас надо максимум сжаться, сконцентрироваться, т.е. организовать—для того, чтобы в дальнейшем лучше, революционно взорваться. Заторможенное количество перейдет в сугубую динамику качества. Тем более эта нотизация не опасна, что студент ведь не отрывается и от революционной динамики, от пролетарских масс, с которыми он связан как по производственно-учебной работе, так и по политически-пропагандистской. Избыток конденсированной классовой энергии может излиться и сюда, да и в политическо-академической атмосфере современного ВУЗ'а вполне достаточно организованных возможностей для ценных «боевых взрывов». Борьба же за организованную учебу, за подготовку нового революционного авангарда,—хлопотливая, нудная, повседневная борьба, разве это не то же, да еще более трудный, кровавый бой, требующий всего энтузиазма, всей смелости, всей диалектической гибкости! Не надо бояться «излишнего» НОТ'а.

Итак, встать всем во-время, по звонку.—Хозяйственные мелочи сорганизованы, нелепых очередей нет. Занятия начинаются и кончаются во-время. В часы самостоятельных занятий, во время отдыха,—всюду абсолютная тишина. Удовлетворительное освещение, свежий воздух. В комнатах, на столах, на полках, в библиотеке, в читальне—образцовый порядок, за который ответственны все. Собrania начинаются точно, в назначенное время, проводятся с исчерпывающей плановой организованностью, заканчиваются в заранее намеченный срок (такие боевые, волнующие и, конечно, «простительные» исклю-

*) См. третий очерк книги.

чения, как партдискуссия, бывают, ведь, не каждую неделю). Вся внеВУЗ'овская работа протекает также регламентированно, и, в интересах всех, студент обязан для этого организуя перевоспитать и свое внеВУЗ'овское окружение. Обед, ужин—готовы во-время. Ночью общежитие, жилые комнаты, затихают в определенный час.

Властная коллективная самодисциплина связывает всех.

Нет индивидуальных и групповых перебоев, за исключением совершенно непреодолимых эпизодов, исчерпывающе—объективно оправданных.

Дезорганизаторы, одиночки—на учете. Не мещане ли неизлечимые они? Не больные ли? Не «психоневротики ли»? Не требуется ли для коллективизации, для выправки последних *) немного товарищеского тепла, революционно-братского участия, любовно-классового толчка. Ведь организованная среда не только механически дисциплинирует, но и идеологически должна согревать, укреплять, толкать.

Огромное требование предъявляет Революция к нашей красной молодежи—организовать среду,—но разве эта задача неразрешима?

IV. ОРГАНИЗАЦИЯ «МОЗГОВОГО ТОПЛИВА».

Машина, производящая интеллектуальные ценности—мозг, нервная система, весь организм должны питаться, «отопливаться». Нормализация умственной работы выдвигает еще одну, первоочередную задачу—проблему топлива, проблему питания.

Пусть не звучит слишком шкурнически этот «жратвенный» вопрос для молодого революционного бойца. Без ханжества, без аскетического лицемерия надо подходить к этой больной теме. Во имя революционной целесообразности, революционная человеческая машина должна хорошо и организованно отапливаться.

Проблема питания мозгового работника содержит в себе несколько элементов: 1) химическое содержание пищи (количество и качество); 2) вкусовое содержание пищи; 3) условия, предшествующие процедуре питания и сопровождающие эту процедуру; 4) условия последующего пищеварения. Все эти элементы должны быть строжайшим образом нормализованы.

*) См. второй очерк брошюры.

А) Состав пищи. Мозговая работа затрачивает, в сравнении с другими видами органической деятельности, непомерно большое количество белков и фосфористых солей и значительно меньшее, чем при других типах работы, количество жиров и углеводов. Соотношение веса нужных белков к прочим составным частям пищи должно быть 15—20:100 (в сутки до 130—150 гр.), при чем продукты должны быть особо богаты чрезвычайно полезным для органической жизни веществом—называемым «витамины».

Витамины эти характеризуются минимальной калорийностью, содержатся, главным образом, в сырых продуктах. Витамин группы А отличается особым химическим сродством с головным мозгом и со всей нервной системой, является как бы ближайшим родственником наиболее богатых фосфором элементов мозга: летицина, кефалина. Особенно богаты этим витамином А—морковь, томаты, рыбий жир, яичный желток (лучше сырой), цельное коровье масло (этого витамина нет совсем в растительных жирах). Витамин В—другая чрезвычайно важная для нервной системы группа витаминов, содержится преимущественно в ячмене, пшенице, отрубях, солоде, рисе, шпинате, бобах, моркови, ягодах.

Большое значение для нервной системы имеет, также, наличие в пище достаточного количества иода, ввиду огромной роли, которую играет щитовидная железа в психической работе. Особенно богаты иодом—зеленые бобы, спаржа, чеснок, белая капуста, земляника, морковь, щавель, копченые сельди, рыбий жир, треска и др. Необходимым для нервной деятельности железом особенно богаты—кровь мяса, цветная капуста, шпинат.

Для выделения достаточного количества желудочного сока (обычно, задерживаемого у мозгового работника) особенно возбуждающим элементом является мясо, яйца, цельное некипяченое молоко, — из растительных веществ овес, чечевица, капуста *).

Для сопоставления приведем табличку различных пищевых веществ по содержанию в них витаминов с одной стороны, а также по общему их внутреннему химическому составу.

*) Из доклада проф. Л. С. Минор на I Психо-неврол. съезде.

СОДЕРЖАНИЕ ВИТАМИНОВ В ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТАХ

(по данным института Листера в Англии).

Обозначение в таблице: +++... очень много; ++... много;
+... не особенно много.

НАЗВАНИЕ ПРОДУКТОВ.	Витамины А.	Витамины В.
Молоко коровье, сырое цельное	++	+
„ „ „ снятое	0	+
„ „ „ кипяченое	неопределен.	+
„ сгущенное с сахаром	+	+
„ „ без сахара	+	+
„ сухое в порошке	++	+
Сыр из цельного молока	+	—
„ снятого молока	0	—
Яйца свежие	++	+++
„ сухие в виде порошка	++	+++
Мясо свежее	+	+
Мясной экстракт	0	0
Рыба свежая, с белым тощим мясом	0	оч. мало.
„ жирная, красное мясо, селедка	++	оч. мало.
Рыбий жир	+++	0
Сливочное масло	+++	0
Сало говяжье (нетопленное)	++	—
Масло прованское	0	—
„ льняное	0	—

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ПИЩЕВЫХ СРЕДСТВ (в процентах*).

Примечание. Мясо везде без костей, а рыба без отбросов.

НАЗВАНИЕ ПРОДУКТОВ.	Азотистые вещества (белки и пр.).	Жиры.	Углеводы	Соли.	Калории в 100 грамм ($\frac{1}{4}$ фунга).
Молоко коровье	3,4	3,6	4,9	0,7	68
Творог	14,7	0,6	2,2	1,2	125
Сыр голландский	23,0	30,9	3,6	6,0	385
Масло сливочное	0,8	85,5	0,5	0,2	800
Масло коровье топленое	—	97,3	—	—	905
Яйца куриные	12,6	12,0	0,7	1,1	166
Яичный порошок (эпо)	52,8	35,7	—	3,4	548
Говядина тощая	20,5	2,8	—	1,2	111
„ средняя	20,1	7,4	—	1,0	149
„ жирная	18,0	25,0	—	0,8	306
Солонина	19,3	4,5	—	16,7	121
Колбаса вареная	15,3	9,6	—	3,2	152
Сало говяжье (неоплавленное) . .	4,2	81,8	—	0,3	778
Масло растительное	—	99,5	—	—	925
Рыба свежая судак, щука и др.	18,0	0,7	—	1,3	79
Хлеб ржаной	7,9	0,5	42,6	1,2	212
„ пшеничный обыкновенн. . .	9,9	0,5	47,8	1,3	241
Макароны	10,9	0,6	75,6	0,6	360
Крупа манная	9,4	0,2	75,9	0,7	352
Крупа гречневая	13,3	2,7	66,0	1,8	350
Рис	7,9	0,5	77,8	0,8	356
Горох, бобы, чечевица	23,4	1,9	52,7	2,8	328
Картофель свежий	2,0	0,2	20,9	1,1	95
Морковь	1,2	0,3	9,0	1,0	44
Капуста кочанная	1,8	0,2	5,1	1,2	30
Сахар рафинад свекловичный . .	—	—	99,9	0,1	410

*) Из книги проф. Игнатова „Питание“.

Б. Вкус пищи. В связи с напряженностью нервной системы мозгового работника пищеварительные процессы его становятся несколько вялыми и нуждаются в добавочных вкусовых возбуждителях. «Мозговик» имеет некоторые объективные права на привередничество в области вкуса. Это обстоятельство должны учесть завхозы при составлении меню, тем более, что для удовлетворения вкусовых запросов нужно чрезвычайно мало: умеючи подсолить, подперчить, лучше поджарить, подсыпать больше вкусовых корней, несколько подразнообразить стол. Очень было бы полезно время от времени (хотя бы раз в неделю) скромные «вкусовые праздники», разгружающие, размягчающие хроническую нервно-психическую напряженность нашего «академического мученика».

В. Условия, предшествующие процедуре питания и сопровождающие ее. Питание должно быть строжайше организовано в точно определенное время. Во всей автоматической подготовке необходимых пищеварительных предпосылок должна быть соблюдена твердая последовательность и закономерность, иначе три четверти автоматического желудочно-кишечного пищеварения будут грубо нарушены. Колебания времени питания—сокрушающий удар по этой системе автоматизированного пищеварительного ритма.

За час перед более крупной пищевой процедурой (особенно перед обедом) нельзя заниматься напряженной мозговой работой, т.-к. отвлечение избытка крови к мозгу уменьшит необходимое для сокоотделительной гиперемии привлечение крови к брюшной полости. Перед обедом, минут десять на свежем воздухе, для общего отвлечения от недавнего мозгового напряжения. Есть надо медленно, энергично разжевывая. Зубы надо подлечить.

Иронические улыбки не к месту, уважаемые молодые товарищи. Мозговой машине пролетарского юношества дается совершенно новая, тяжелейшая работа, и эту машину надо щадить. Качество пищеварительных процессов у мозговых работников вообще грубо искажается, тем более у еще не привыкших к сложному мозговому труду. Если субъективно мы и не замечаем до поры до времени расстройств пищеварения и аппетита, рано или поздно это неминуемо и грубо-объективно скажется. Помимо этого, несоблюдение принципа автоматической ритмизации пищеварения приведет еще и к бесплодному про-

швыриванию через кишечник девяноста процентов поглощенного в пищу ценнейшего, необходимого мозгу, химиза, который в непереработанном, неассимилированном виде выбрасывается вон, невпитанный организмом. Колоссальные нервно-мозговые, химические затраты тем самым не возмещаются. Смеяться, как-будто, не над чем.

Г. Привходящие и последующие условия пищеварения. После обеда полный часовой отдых, лежа, в тишине, в проветренной комнате. На ночь не есть. Натошак не работать. Приучить кишечник опорожняться в определенное время (это полезнейший условный рефлекс, который зависит от настойчивой тренировки). Во время мозговой работы не есть.

Вопрос о мозговом топливе—скучная, шкурная, но первоочередная проблема революционного творчества. Не разрешив ее, все мечтать о прочих «реорганизациях».

У. ОБЩЕФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ.

Все приведенные выше соображения не осуществимы без рациональной общефизиологической организации. Ведь мы монисты, мы знаем, что в мышлении участвует все тело, а не один только мозг. Тренировать наши умственные процессы без общетелесной тренировки и прочности—собирать воду в решете.

Как говорилось уже в начале данной статьи, одной из самых тяжелых бед нашего красного юношества является физиологическая неподготовленность ее к такой крупной мозговой нагрузке, и, с другой стороны, резкий отрыв от физического труда, создавшего в недавнем прошлом совершенно иные, стойко привычные, телесные установки, в сравнении с теми, которые формируются сейчас в процессе учебы. Этот грубый перелом, если его во-время не ввести в нормирующие условия, может оказаться сугубо вредным для нашего молодняка даже при наилучших методах общеинтеллектуальной организации. Если отделение черепа от туловища достаточно точно характеризовало оторвавшегося от земли интеллигента эксплуататорского периода истории, наш пред-коммунистический период должен, наоборот, характеризоваться гармоническим синтезом головы и всего тела, органическим единством человеческой физиологии, тесной связью мышления с земной, мускульной, чувственной реальностью.

Поэтому общефизиологическая организация—вопрос неотрывный от проблемы интеллектуальной тренировки и вполне ей равноценный.

Дело не только в механическом поддержании биохимического баланса (пищевые возмещения), но и в построении наиболее коротких и продуктивных путей для всех физиологических процессов, в осуществлении наилучшего общефизиологического автоматизма наиболее гибких и в то же время прочных телесных ритмов.

Наследственный опыт сотен поколений обогатил нас рядом автоматизмов, рядом ритмических закономерностей во всех функциях. Как существует ритм времен года, ритм суток и проч., таким же ритмом обладаем мы в области пищеварения, кровообращения, дыхания, сна. По законам этого ритма осуществляется, помимо нашего сознания и воли, подавляющая часть нашего органического бытия. При поправимых заболеваниях той или иной функции происходит компенсаторное, приспособляющее изменение этих автоматизмов в пользу пострадавшей части. За счет подобной автоматической компенсации, при современном лечебном подходе, совершается подавляющая часть оздоравливающего процесса,—на долю же активного лечебного влияния, особенно во внешнем, физикохимическом его содержании, в среднем, если взять всю, хотя бы, человеческую патологию, придется в лучшем случае пять-десять процентов успеха. Автоматизмы организма представляют собой четко действующий аппарат, во-время предупреждающий о грозящей беде,—тормозящий, если нужно, ту или иную функцию, возбуждающий другую. Длительное отсутствие пищи вызывает состояние голода, которое, пока его не удовлетворить, тормозит все виды органической деятельности. Труд вызывает усталость, сонливость, мешающие организму проявлять свою работоспособность дальше известной нормы и т. д.

Надо добиться того, чтобы, укладываясь во-время спать, быстро засыпать и спокойно спать положенное время. Надо добиться, чтобы пищеварение полностью и аккуратно осуществляло к нужному времени порученные ему задания: выделение к соответствующим срокам нужных пищеварительных соков, выделение пищеварительных отбросов к определенному, привычному времени. Надо воспитать организм таким образом,

чтобы мозговые гиперемии во-время компенсировались равномерным общим распределением крови, как путем соответствующих физкультурских приемов, так и путем здоровой, гибкой сердечно-сосудистой саморегуляции. Надо приучить организм, чтобы он реагировал на определенные дефективные свои состояния (состояния объективной неуравновешенности)—соответствующими и своевременными субъективными сигналами: во-время почувствовать состояние утомления, недостаток воздуха, недостаток движения,—своевременное появление влечения к еде и проч.,—при чем все это должно происходить без лишних усилий, без добавочного волевого сосредоточения,—автоматически, ритмически. Организм сам, без нашего напряжения, должен открывать и закрывать соответствующие физиологические «клапаны».

Биологический ритм, биологический автоматизм (конечно, не механический автоматизм, а диалектический автоматизм, учитывающий без помощи сознания все требования среды и формирующий нужные для них реакции)—основа всего нашего телесного благополучия, т.-е. и основа нашей творческой, мыслительной продуктивности.

У современной же учащейся молодежи мы видим как-раз обратное нужному: налицо все более углубляющаяся дезорганизация этих благодетельных механических автоматизмов. Обстоятельство грозное, требующее напряженного внимания и максимальной энергии.

Первым условием рациональной общефизиологической организации, как и организации специально умственного труда, является организация дня. Все, что выше сказано о часах работы, отдыха, питания, сна, о длительных перерывах и проч., в одинаковой степени является первым вопросом общефизиологической организации, как и организации интеллектуальной. Что же касается специальных физиологических функций, о них несколько слов особо.

Физкульт. Трудовому юношеству, сильному своей реалистической восприимчивостью и реалистической приспособляемостью, нельзя забывать о своих мускулах, костях, кровеносной системе, о своих органах чувств. В дряхлеющий мозг интеллигенции эксплуататорского общества должны влиться здоровые телесные соки, и физкульт—не только путь закалки тела, но и один из

лучших способов оздоровления нашей слишком, иногда, головной, надуманной культуры.

Не атлетизм, конечно, а здоровый, организованный, спокойный спорт,—внимательно научно регулируемый.

Два раза в день легкая гимнастика по восьми-десяти минут, минимум. Раз в день организованная прогулка на свежем воздухе. Обтирание по утрам холодной водой—один из наилучших организаторов сосудистой системы, слишком дряблющей от мозгового перенапряжения. Свежий воздух в комнате, гигиеническая поза при занятиях, охрана глаз от устранимых изъёнов освещения. Не развращающая излишней теплотой, но и неслишком охлаждающая одежда (аскетизм создает лишь добавочное напряжение для нервной системы, т.-е. значит, и для умственной работы), частые бани, т. к. новые, непривычные элементы обмена веществ, связанные с крупной мозговой нагрузкой, находят себе удобный выходной путь и через кожу.

Экскурсии на лоно природы, для более сильного общефизиологического встряхивания. Использовать лето для организованного физического труда, для спорта и т. д.

Не будем здесь распространяться о вреде курения, пьянства, т. к. это навязло у всех в зубах. По поводу курения надо лишь отметить, что вредность его не только в химическом отравлении крови и сосудов, но и в наличии искусственного возбуждения, без которого, в дальнейшем, мозговой аппарат отказывается работать, становится как бы импотентным. Чем это не «никотинный онанизм», аналогичный половому онанизму, при котором естественное возбуждение и удовлетворение заменяются искусственными?

Сон. Вставать и ложиться во-время. Не слишком жесткая и не слишком мягкая постель. Избыточно не кутаться, но и не остужать тело во сне. Тишина и свежий воздух в комнате (форточка) во время сна, топить не на ночь. При внутреннем нарушении сна (бессонница) усилить общую свою самоорганизацию в течение дня, увеличить за день связь с свежим воздухом и движением (если нет весового истощения), ночь лежать спокойно (отсутствие движений, спокойная поза в часы неудачного сна в значительной степени помогает ночному отдыху); если автоматизм сна долго не восстанавливается—обратиться к врачу.

Половая жизнь. Организованная, плодотворная умственная жизнь требует максимальной скромности в области половых проявлений. Возражения, указывающие, что половое воздержание—еще не гарантирует творчества, а большая половая активность, наоборот, не мешает, даже содействует творчеству—не выдерживает научной и практической критики. Конечно, одним половым воздержанием не создашь творчества (иначе все аскеты были бы гениальными людьми). Половая скромность ценна лишь при наличии прочих способствующих творчеству условий, о которых много говорилось выше: правильная жизненная установка, живая связь с людьми, общая и специальная организованность, радостные перспективы, многообразная деятельность, т.е. как-раз то, чего наша революционная молодежь «как-будто» сейчас не лишена. Дело не в самодовлеющей сублимации, а в переключении излишней половой активности на общественную активность, для которой наша советская современность дает вполне достаточные стимулы, чтобы не чувствовать творческой несытости (последняя и является основным источником излишней сексуальности).

Указания, что половое разнообразие и большая половая активность помогает творчеству, грубо противоречат жизненным фактам и научным данным. Во-первых, неизвестно как творил бы этот «сексуалист», если бы он жил скромнее в половом отношении (внимательно поставленные контрольные опыты твердо говорят о положительном значении этой скромности),—во-вторых, все дело, конечно, в основной профессии. Порнографическим художникам, поэтам любовной каши, авантюристам—для искусственного подхлестывания добавочные половые впечатления, пожалуй, полезны, но не такова, ведь, «профессия» революционного пролетарского студенчества.

Радости, предоставляемые нашей общественной жизнью, революционной атмосферой, нашим практическим строительством, нашей научной деятельностью—не исчерпаны молодежью даже на пять процентов. Зачем же заменять их социально бесплодными радостями? Зачем обкрадывать двигательный фонд революционного творчества?

СОДЕРЖАНИЕ.

	стран.
Предисловие М. Н. Лядова	3
От автора	5
Нервные болезни среди учащейся молодежи СССР	7
«О психоневрозах» коммунистического студенчества .	22
Этика, быт, молодежь	50
Революционные нормы и молодежь	70
О гигиене умственного труда пролетарск. студенчества.	100

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ Я. М. СВЕРДЛОВА.

ПРАВЛЕНИЕ и СКЛАД: Москва, М. Дмитровка, 6, комн. 9.
Телефон: № 12-11.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- Шурц. — История первобытной культуры, вып. I и II.
Методический сборник по курсу биологии, составлен коллективом преподавателей Ун-та, под редакцией Б. М. Завадовского.
Пржеборовский Я. С. — Курс лекций по химии, вып. I-й.
Браунштейн Е. Ф. — Учебник немецкого языка для старших групп „Классовая борьба“.
Пособие к занятиям по физике, под ред. проф. А. К. Тимирязева.
Струмилин С. — Емкость нашего рынка.
Луначарский А. В. — В. И. Ленин.
Программа и устав Р. К. П. (б.) с резол. партс'ездов и конференций по орган. вопросам по XIII с'езду включительно. (III-е издание).
Сборник по вопросам партпросвещения.
Луначарский А. В. — История Западно-Европейской литературы в ее важнейших моментах. Часть I и II.
Кон А. — Программа по политической экономии.
Лядов М. Н. — Доклад большевиков Амстердамскому Международному Социалистическому Конгрессу в 1904 г.
Крицман Л. — Три года новой экономической политики СССР.
Зеликсон-Бобровская Ц. — Записки рядового подпольщика.
Записки Свердловского Университета. Том II.
Позняков В. — Квалифицированный труд и теория ценности Маркса.
Лядов М. — Как начала складываться РКП.
Куйбышев В. — Задачи ЦКК и РКИ.
Попов В. — Политическая география Европы.
Бонье. — Звенья живой природы. Перев. с франц. и ред. Боссе.
Залкинд. — Революция и коммунист. молодежь.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

- Ребельский И. В. — Год клубной работы.
Кушнер (Кнышев) П. — Очерк развития общест. форм.
Ванаг — Монополистич. капитализм в России.
Пржеборовский. — Учебник химии. Вып. II.
Тимирязев. — Учебник физики.
Фридланд. — Тезисы и планы по истории рев. движ. на Западе.
III дополненное изд.
Сборник статей к 10 лет. герман. и немецк. С.-д. партии.

3637

Цена 70 коп.

